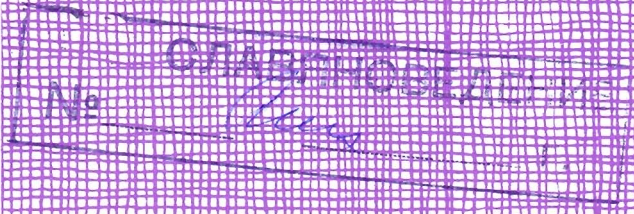

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

2004

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2004

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

- Литвина А.Ф.* (Москва). Жанр автобиографической прамбулы: "Поучение" Владимира Мономаха как духовная грамота 3
- Флоря Б.Н.* (Москва). У истоков польско-украинского конфликта 28
- Ефимова В.С.* (Москва). О влиянии языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке 35

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

- Досталь М.Ю.* (Москва). Кафедра истории южных и западных славян МГУ накануне и в годы Великой Отечественной войны (К 65-летию основания) 48

СООБЩЕНИЯ

- Ферстл Р.* (Прага). Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина 68

ПУБЛИКАЦИИ

- Гиндин Л.А.* (Москва). Детерминированность двух поединков Алеши Поповича и Добрыни со змеем в мифо-ритуальном освещении 77
- Морозов Б.Н.* (Москва). Повесть о Штильфриде (неизвестный русский перевод конца XVI – начала XVII века) 81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Гараева Э. Emigracja Rosyjska. Losy i Idee.....	94
Вендина Т.И. A. Kowalska. Studia nad dialektem mazowieckim; B. Falińska. Leksyka dotycząca hodowli na mapach Ogólnostowiańskiego atlasu językowego.....	96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Первое Всероссийское совещание “Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития”.....	105
Досталь М.Ю., Чуркина И.В. Международная научная конференция в Прешове “Александр Духнович и наша современность”.....	114

ЮБИЛЕИ

К юбилею Ивана Ивановича Костюшко.....	120
К юбилею Георгия Дмитриевича Гачева.....	121
К юбилею Владимира Павловича Гудкова.....	122
Новые книги Института славяноведения РАН.....	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

© 2004 г. А.Ф. ЛИТВИНА

ЖАНР АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕАМБУЛЫ: “ПОУЧЕНИЕ” ВЛАДИМИРА МОНОМАХА КАК ДУХОВНАЯ ГРАМОТА

Сочинение Владимира Мономаха замечательно свободой и обилием использованных в нем готовых строительных конструкций разного уровня. Мономах включает в свой текст фрагменты псалмов и западноевропейскую канцелярскую формулу, а заодно и языковые клише, сложившиеся, по-видимому, непосредственно на Руси. При этом соответствующие цитатные элементы обыгрываются, комбинируются, интегрируются в описание неких вполне автобиографических реалий.

На уровне, так сказать, “макротекста”, в качестве жанровых ориентиров Мономаха выделялись и покаянный канон, и особый жанр наставления правителя сыновьям, характерный для западноевропейской традиции, и апокрифические тексты иудейских патриархов. Очевидно, однако, что упомянутыми микро- и макроцитатами круг источников Мономаха не ограничивался.

Утверждение о том, что весь текст “Поучения” или значительная его часть – это духовная князя, высказывалось русскими историками еще в XVIII в. На первый взгляд, именование “Поучения” духовной выглядит несколько неожиданным. Не говоря об отсутствии в дошедшем до нас тексте собственно распорядительной части, нельзя не обратить внимание и на его общее несходство с большей частью известных нам княжеских и не княжеских завещаний. В самом деле, известные нам русские духовные грамоты чаще всего не содержат ни столь обширного автобиографического повествования, ни таких пространных общих рассуждений со множеством библейских, святоотеческих и апокрифических цитат.

Тем не менее, определенная традиция составления завещаний, в которые включались некие отвлеченные рассуждения и/или автобиографические рассказы, на Руси все же существовала. Как правило, такого содержания тексты помещались в начальной части грамот, составляли преамбулу документа. В качестве примера подобного рода документа с “пространной преамбулой” можно упомянуть завещания нескольких русских митрополитов (в особенности Киприана), составленных в первой половине XV в., духовную князя Андрея Владимировича, написанную в середине XV в., составленное немногим ранее

Литвина Анна Феликсовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

завещание игумена Кирилла, настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря, духовную Богуша (Михаила) Боговитиновича или завещание Ивана Грозного. Фрагменты княжеских завещательных текстов с автобиографическими реминисценциями и поучительной направленностью включены в летописные тексты. Автобиографический элемент есть и в знаменитом завещании Антония Римлянина¹.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению этих духовных, необходимо подчеркнуть, что составление обширных преамбул занимает в русской средневековой канцелярской практике в целом (т.е. и в других случаях, когда речь не идет о завещаниях) куда более скромное место, чем в практике западноевропейской или византийской. В то же время подобные преамбулы не только присутствуют в ряде восточнославянских документов, но обладают в них собственной функциональной нишей и служат важным диагностическим признаком, позволяющим определить наличие и степень близости контактов той или иной русской “канцелярии” с инокультурной традицией составления документов.

В Западной Европе и в Византии преамбулы, о которых идет речь, являли собой образчик высокой риторики (а иногда и литературного творчества) в документе, имеющий лишь опосредованное отношение к юридическому содержанию текста. Широта распространения этих преамбул в средневековом мире, хронологическая стабильность используемых в них топосов, обилие и разнообразие вариантов подобного рода текстов делает такие вступительные пассажи интереснейшим и далеко не в полной мере изученным предметом исследования для историка документов (из работ, специально посвященных западноевропейской и византийской преамбуле, см.: [1; 2; 3. Р. 5–30; 4. С. 240–255]). Мы же ограничимся сейчас упрощенной, исключительно “рабочей” классификацией этих текстов, обращая внимание прежде всего на те типы преамбул, которые проникают в русские документы и встречаются в завещаниях.

Преамбулы или аренги² сообщают о причинах и обстоятельствах составления документа. Соответственно, существует тип универсальной преамбулы, указывающей на причину составления письменных актов вообще. Так, есть весьма обширная группа преамбул, пафос и содержание которых можно передать следующим образом: *все дела людские творятся во времени и со временем стираются из памяти, если не будут закреплены словами свидетелей или письменно* (см. подробнее, с указанием литературы [5. С. 315–351]).

Употребление таких универсальных преамбул, умение их варьировать и воспроизводить является своеобразным диагностическим признаком наличия

¹ Сейчас мы не касаемся вопроса о подлинности этого текста, для нас важен сам факт существования автобиографических преамбул в русских завещаниях, а в этом отношении показания поддельного текста едва ли не более актуальны, чем показания текста подлинного. Фальсификаторы должны были опираться на существовавшую традицию, а эта традиция должна быть достаточно распространенной и узнаваемой.

² Аренгой называют вводную формулу к акту или формулу, описывающую обстоятельства составления акта. В литературе, как кажется, не всегда проводится строгое разграничение между терминами аренда и преамбула. Как уже отмечалось исследователями, для интересующих нас текстов схема жесткого членения акта на заранее определенные элементы оказывается не слишком перспективной. Поэтому при их анализе мы будем использовать менее строгий термин “преамбула”.

полноценной латинской канцелярии при том или ином европейском правителе или европейском монастыре. Там, где имеет место сколько-нибудь длительное сосуществование латинской и национальной канцелярии, преамбула этого типа может прижиться и в документах, составляемых на национальном языке, стать элементом их формуляра. Признаком окончательного усвоения преамбулы национальной традицией можно считать ее присутствие в частных актах.

В целом функцию подобного рода застывших риторических формул, десятки, сотни, если не тысячи раз повторяющихся в документах Западной Европы, можно условно назвать удостоверительной. Она призвана продемонстрировать, что документ составлен человеком, получившим соответствующую выучку, попросту говоря, знающим правила игры, правила составления документов. Эта не несущая, казалось бы, никакой самостоятельной юридической нагрузки формула демонстрирует, что предваряемый ею текст – настоящий документ и с точки зрения подлинности, и с точки зрения правильности его оформления, состава и внутреннего содержания. Подобные функции в документе осуществляет, разумеется, не только универсальная арена, но в ней они выражены, так сказать, в предельно конденсированном виде.

Появление универсальной преамбулы, тем или иным способом варьирующей разбираемый топос, в восточнославянских документах напрямую провоцируется контактами с латиноязычной канцелярской практикой. Наиболее ранний ее образец мы находим в договоре Смоленска с Готским берегом и Ригой 1229 г. В данном случае, как кажется, речь идет о единичном, специально для данного документа выполненном переводе с латыни (см. подробнее, с указанием литературы [5]).

Самостоятельная традиция составления подобного рода аренг развивается существенно позднее, в русской канцелярии Великого княжества Литовского, но и здесь она поддерживается за счет непосредственного контакта с латиноязычной канцелярией и остается принадлежностью государственных актов. Весьма показательным, что редкий пример проникновения такой преамбулы в частноправовой документ связан с завещанием, составленным уже упоминавшимся писцом великокняжеской канцелярии XVI в. Богушем (Михаилом) Боговитиновичем, который в своей практике регулярно занимался составлением аренг для официальных документов. Преамбула его выглядит следующим образом: *“Во имя Отца и Сына и Светого Духа. Я рабъ Божіи Михайло Богушъ Боговитиновичъ подскарбіи земскіи великого князства Литовского маршалокъ и писаръ господара его милости староста Слонимскій и Каменецкій чиню и пишу сесь тестаментъ своимъ цѣлымъ умомъ и полнымъ розумомъ никимъ не намовень а не принужень бо бѣгъ того свѣта безъ писма всякая речъ с памети выходитъ, а писмомъ ся потверждаетъ и справуетъ”* [6. Т. I. № 91, 1529 г.].

Такая преамбула не получила – насколько мы можем судить – широкого распространения ни в завещаниях, ни в каких-либо других частных актах Великого княжества Литовского. На Северо-Восток Руси в XIV–XVI вв. она не проникает вовсе. Ареал ее бытования, таким образом, напрямую связан со сферой влияния литовской великокняжеской канцелярии. Тем не менее, кажется весьма симптоматичным появление в духовной первой половины XVI в. преамбулы как таковой. По-видимому, в это время уже наметилась некоторая тенденция предварять завещание рассуждениями общего характера, и распространение этой тенденции отнюдь не ограничивается Юго-Западной Русью.

Куда бóльшая свобода риторического творчества проявляется в аренгах, мотивирующих составление документов только определенного жанра или вида – свода законов, дарственной монастырю, завещания. Степень индивидуализации такого рода преамбул неодинакова. Весьма пространные и искусно выстроенные тексты могли с незначительными вариациями заимствоваться из одного текста в другой, а могли составляться специально и исключительно для данного акта. В Византии преамбулы к завещаниям и дарственным, фиксирующим приношение монастырю, эксплуатируют, как кажется, весьма сходный набор сюжетов. Некоторые из них приведены в сборнике формуляров, изданном Г. Феррари (см. [7]). Среди тем, затрагиваемых в таких преамбулах к завещаниям и благочестивым дарственным, можно выделить следующую: *страдание от множества болезней, страх внезапной смерти и необходимость должным образом завершить земные дела* подвигают человека к составлению документа. Нередко в качестве развития этой темы появляется сюжет путешествия к святым местам, созерцания монастырских церквей и реликвий.

Нет необходимости лишней раз напоминать о том, что идея риторических построений такого рода заимствуется из Библии и творений отцов церкви, конкретная же реализация этих топосов в тексте столь же естественным образом строится зачастую на цитировании псалмов, Евангелия и святоотеческой литературы. Такое цитирование, как и вся преамбула в целом, могло быть и довольно кратким, и достаточно изощренным и пространным. Иногда оно занимало бóльшую часть общего текста документа. По-видимому, большинство пространных преамбул такого рода сочинялись в монастырях или, во всяком случае, монахами. При этом сами завещания могли быть написаны и от лица мирянина.

Практика составления таких преамбул к завещаниям и дарственным в Византии существовала в течение нескольких столетий, она поддерживалась в монастырях, находящихся в разных концах империи (так, сохранились соответствующие тексты, созданные в Вазелонском монастыре Иоанна Предтечи и в монастыре Иоанна Богослова на о. Патмос), но, как кажется, особенно развитой, распространенной и долго живущей она оказалась в монастырях Афона.

Некоторый перечень византийских духовных грамот такого рода собран в работе Л.А. Герд [4] (автор обозначает преамбулы к ним как “аренги духовного содержания”). Для нас же особенно существенно, что обычай составления риторических преамбул к завещаниям в той или иной степени распространялся и на славянские православные государства, связанные с Византией и с Афоном, в частности. В славянских актах сербского Хиландарского монастыря на Афоне появляются преамбулы, где задействованы те же мотивы, те же риторические построения, те же цитаты, что и в соответствующих греческих актах Хиландара и других монастырей на Афоне и во всей Византии.

Разумеется, преамбулы к духовным и дарственным могут строиться не только на основании перечисленных выше топосов. Так, весьма распространен библейский сюжет о вдовице, пожертвовавшей два обола, или построение, основанное на предпосылке о том, что если бы монахи не поддавались соблазну и не нарушали закон, то они были бы бессмертны; пока же они смертны, как и все другие люди, и вынуждены записывать свою последнюю волю.

На Руси XV в. составление духовных с пространными преамбулами, судя по сохранившимся актам, также тем или иным образом было связано с монастырской практикой. Параллелизм значительной группы таких текстов и соот-

ветствующих образцов византийской традиции не вызывает сомнения. Сравни., например, завещание вдовы Анны Елафины, составленное в конце XIII в. в Вазелонском монастыре, фрагмент дарственной Стефана Уроша Хиландарскому монастырю и завещание князя Андрея Владимировича, внука Ольгерда, составленное в первой половине XV в. в монастыре Киево-Печерском.

“Я, Анна Елафина, собственноручно начертавшая над сим честной и животворящий крест, по собственной воле и расположению делаю следующее распоряжение. Привелось мне посетить обитель честного Предтечи, что в Вазелоне, по случаю смерти Цимприкавы, когда был там и сам Цимприка на погребении своей матери, равно как и другие почтенные люди той местности. Пораженная положением монастыря, его живописным и приятным видом, я умилилась душой и почувствовала глубокое расположение к этому месту, вследствие чего и ради спасения души возымела намерение пожертвовать обители половину моего наследственного имущества. По случаю нашествия агарян уведены в плен мои родственники, поэтому я делаю святого Иоанна Предтечу наследником в половинной части моего родового имущества, где бы оно ни оказалось – в Цимприкове, в Кампане и в Палеомацуке, другую же половину оставляю Цимприку” (здесь и далее курсив наш. – А.Л.) [8. С. 39 № 65. С. LIV–LV].

Фрагмент дарственной Стефана Уроша, описывающий обстоятельства составления документа: “сего ради пришьдышоу ми въ въ вѣликоу и съборноу цркъвь архієпископіоу оу пеки и поклоншоу ми се божьствнѣимъ и светѣимъ страшнѣимъ и бѣсьмрѣтнѣимъ и животворецѣимъ страстѣмъ христа бога нашѣго и чѣстнѣимъ иконамъ и мощемъ светѣихъ лобизавшоу ми и чѣстноюу роукоу светаго и славнаго пророка и прѣдтечѣ и крѣстителью івана и вбѣичноу благословеніе шть господина ми доуховнаго штьца тогда соуцаго архієпископа сръбскааго курь никодѣма пришьмшоу” [9. Р. II. № 18. Р. 424, 1318 г. (?)].

“Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, рабъ божіи, князь Андрей Владимировичъ, приѣздилъ есмь в Киев съ своею женою и съ своими дѣтками и были есмо въ дому Пречистыя и поклонилися есмы пресвятому образу ея и преподобнымъ отцемъ, Антонію и Феодосію и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ Печерскимъ и благословилися есмы у отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ и поклонихомъся отца своего гробу, князя Владимира Олькгердовича и дядь своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцевъ гробомъ в Печѣре и размыслихъ на своемъ сердци, колико то гробовъ, а все тѣши жили на семъ свете, а пошли вси к Богу и помыслил есмь, помалѣ и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братія наша, и подумалъ есмь съ своею княгинею и съ отцемъ своимъ с Николою архимандритомъ Печерскимъ и съ святыми старцы и съ своими бояры и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи и своимъ дѣтемъ и еѣ дѣтемъ свою отчину и свою выслугу иже есмь выслужилъ на своихъ подарехъ своею вѣрною службою” [10. Т. I. № 46 1446 г.].

Как нетрудно убедиться, мотив созерцания монастыря и его реликвий как причины написания духовной или дарственной грамоты легко мигрирует из одного византийского акта в другой, но переносится также в документы сербские и русские. То же самое можно наблюдать и в отношении мотива одержимости болезнями и страха скорой смерти и Страшного Суда и соответствующих буквальных или вольныхъ цитат из псалмов. Ср. завещание Кирилла, игу-

мена Белозерского монастыря, также составленное в первой половине XV в. и копирующее часть преамбулы из духовной митрополита Киприана: *“Во имя Святыя Живоначальной Троицы. Аз грешный, Кирилло игумен, смотреть яко постиже мя старость впадох бо в частыя и различныя болезни. Ими же ныне одержим есть человеколюбне от Бога казним ради многих грех. Болезням на мя умножившимся ныне яко же иногда никогда же и ничто же ми возвещающе разве смерть и суд страшный Спасов будущего века и во мне смутилось сердце мое исхода ради и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет страшного судища приде на мя и покры мя тьма недоумения, что створити не вем, но взвергу печаль на Господа да тот створит яко же хочет – хочет бо всим человекам спасения. Се аз, Кирило игумен, чернчище грешный пишу свою грамоту при своем животе и в своем смысле: передаю монастырь, труд свой и своя братии, Богу и пречистой Богородице, матери Божьей и Царице Небесной, господину князю великому, сыну своему Андрею Дмитриевичу и сына своего благославляю в свое место священноинока Иннокентия”* [11. Т. II. № 314 1427 г.].

Соотношение стереотипного и индивидуального в этих преамбулах довольно неоднозначно. С одной стороны, повтор как таковой, воспроизведение одной части документа в другом, как уже говорилось, не только не рассматривалось как недостаток в практике составления документов, но культивировалось ею. При этом за счет использования одних и тех же приемов, одних и тех же цитат могли создаваться свои микротрадиции, объединяющие тексты, составленные в одном и том же месте или подражающие какому-то одному авторитетному образцу (ср., например, духовные митрополитов Киприана, Фотия, Ионы и завещание Кирилла Белозерского). С другой стороны, преамбулы духовных и дарственных могли превращаться в относительно самостоятельные и длинные тексты в составе документа не только за счет риторической изощренности их составителя и привлечения все большего числа подходящих к случаю цитат, но и за счет внесения автобиографического элемента, связанного с личностью завещателя. Коль скоро завещатель был персоной светской, он мог стать своеобразным соавтором монаха–составителя преамбулы.

Зачатки подобного биографизма проявляются и в относительно кратких, избылиующих риторическими клише духовных, процитированных выше. Однако существует тип преамбулы, где автобиографическое повествование занимает весьма существенное место, перемежаясь с более или менее традиционными для завещаний рассуждениями общего характера и цитатами. Автобиографическое повествование в таких текстах отчасти было связано с юридической стороной содержания документа, так как этот рассказ нередко объяснял, каким образом завещателю досталось то имущество, которым он намерен распорядиться, как ему удалось сохранить и приумножить свое достояние, или почему он лишился некоей его части.

Таким образом, достаточно естественно в тексте преамбулы появляется сообщение о происхождении и родителях того, кто составляет распоряжение, о его семье, его собственных трудах по собиранию и сохранению земель и движимого имущества. Строго говоря, описание “истории собственности” может возникать в частных актах разного типа – всюду, где речь идет о передаче имущественных прав от одних людей к другим. Однако, как правило, интересующие нас автобиографические преамбулы духовных и дарственных не слишком напоминают хозяйственный документ. Естественная специфика завещания и

благочестивой дарственной состоит в том, что человек, от лица которого они составляется, предстает как бы в двух ипостасях. С одной стороны, он владелец и распорядитель имущества, с другой – христианин, подводящий итоги своей земной жизни. Текст автобиографической преамбулы все же в большей степени связан с этой второй ипостасью завещателя. Похвала родителям, описание собственных трудов, упоминание о покровительстве (а иногда и гонениях) со стороны правителей или рассказ о благочестивой поездке в монастырь скорее превращаются в своеобразные литературные топосы, с помощью которых описывается вполне реальная жизнь конкретного человека.

Иногда можно проследить, как в более стандартном и кратком тексте преамбулы из общего рассуждения постепенно вырастает автобиографическое описание. По-видимому, нечто подобное происходит в завещании монаха Феодорита из монастыря Иоанна Предтечи в Вазелоне, написанном в первой половине XIV в.: “Я, иеромонах Феодорит, приведя на память содеянное мною в светской жизни и созная, как все тленно и скоропреходяще, как трава, которая утром цветет, а вечером увядает, поразмыслив об этой постоянной и неожиданной переменчивости, не находясь ни в болезни и не вызываемый никакой опасностью, ясно сознал назначение сей жизни, ведущей человека в тамошнюю, и представив в мыслях житейские невзгоды, в настоящем завещании излагаю, что я испытал в жизни и как она проходила. Я был женат на дочери Панкратия Салфунта со взятием приданого и имел от нее троих детей, и она отошла ко Господу, пожив хорошо и боголюбезно, затем скончались мои родители и братья, и я остался одиноким. Обдумав свое положение и приняв лучшее решение, я принял ангельскую схиму. Одна моя сестра была похищена агарянами и находилась в плену несколько лет, по милосердию же Божию и по молитве родителей моих была разыскана и назначена за нее цена в 850 аспров. И я представил выкуп, не продав родового имущества и не истратив ничего другого, кроме пожертвованного многолюбезным моим духовным [собратьям]. Я принял ее к себе и отдал в законное супружество за сына Зиганита. По смерти его, она вступила во второй брак с придачей приданого. И снова я обратился ко святому моему Предтече именем Завулону и составил распоряжение по существующему обычаю насчет своего имущества, каждую часть определил тому, кому было мое желание, сделав самого честного Предтечу своим наследником на недвижимое родовое имущество и на земли, на помин о грешной моей душе” [8. С. 77 № 107. С. LX].

Сходные элементы автобиографизма есть и в уже упоминавшейся преамбуле русского завещания князя Андрея Владимировича. Вообще, упоминание о благочестивой поездке, своеобразном паломничестве в монастырь могло быть вполне стереотипным, но нередко становилось в преамбуле тем ядром, из которого разрастался индивидуализированный биографический текст.

Нередко в автобиографической преамбуле появляется поучительная часть, особенно если речь идет о завещании игумена, обращенном к братии, и его духовная становится своего рода типиконом, задающим общие правила повседневной жизни для его чад, монахов его монастыря. Такого рода игуменские завещания могут считаться наиболее древней формой фиксации норм монастырской жизни. Ранние образцы этого жанра связаны с именами Саввы Освященного, Феодора Студита, Ивана Рьльского [12. С. 80–98]. Из гораздо более поздних текстов можно упомянуть, например, три версии завещания игумена афонского Кутлумушского монастыря Харитона (подробнее об этих тек-

стах см. [4. С. 249–254]), где помимо пространных духовных рассуждений, использующих библейские сюжеты, содержится подробный рассказ о заботах игумена, направленных на процветание монастыря, о борьбе за сохранение общежительного устава с подробным перечислением всех поездок Харитона, всех влиятельных лиц, с которыми ему приходилось встречаться, сумм, которые он рассчитывал получить, и того, что ему удалось получить в действительности.

Если говорить о второй половине XI в., то до нас дошло несколько византийских текстов того времени, что позволяет говорить о вполне сформировавшемся обычае писать завещания и дарственные, где содержались не только рассуждения на духовные темы, но и более или менее пространное описание биографии завещателя. Здесь можно упомянуть завещание Афанасия Афонского, Христудула (1093 г.) из патмосского монастыря Иоанна Богослова, где упоминание о телесной болезни и страхе внезапной смерти сочетается с рассказом о том, как император Алексей Комнин издал указ, разрешавший постройку монастыря ([13. Vol. VI. P. 81–90], см. также [4. С. 247]), завещание аббата Григория (1096–1097 гг.) из монастыря св. Филиппа в Южной Италии, где есть рассказ о том, что этот игумен сделал для процветания запустевшего прежде монастыря и как он по просьбе братии сложил канон, в тексте этой преамбулы содержится и духовное наставление монахам [14. S. 174–195]. В рамках этой же традиции написано, по-видимому, и завещание вдовы Симватия Бакуриани монахини Марии (1098 г.), где есть рассказ о ее родителях и о том, как она исполнила волю своего покойного мужа ([15. Vol. II. P. 170–180], см. также [4. С. 247]).

Существенно при этом, что круг завещателей, повествующих в преамбуле о своих трудах и рассуждающих на отвлеченные темы, в XI в. явно не ограничивался духовными лицами. Весьма показательно в этом отношении знаменитое завещание Евстафия Воилы, протоспафария и ипата (1059 г.), записанное монахом Феодулом. Здесь, как и в других случаях, когда автобиографическое завещание составлено от лица знатного мирянина, уместно, кажется, говорить о сотрудничестве, соавторстве монаха-составителя и самого завещателя. Последнему, впрочем, коль скоро он был человеком образованным, могла принадлежать ведущая роль в создании преамбулы, хотя в целом, как уже упоминалось, самый принцип составления обширных преамбул (особенно духовного содержания) восходил, скорее, к монастырской практике.

В преамбуле завещания Евстафия Воилы проявляется целый ряд черт, присущих текстам этого “малого литературного жанра”. Характерным образом эта вводная часть занимает более четверти всего довольно обширного текста духовной (в завещаниях и дарственных, где есть богословско-биографическая преамбула, она нередко превращается едва ли не в главный компонент текста, разрастаясь порой практически на весь документ). Вступительная часть вообще не очень легко членится на отдельные составляющие, что также весьма характерно для подобных текстов. Общее рассуждение, повествование о семье и рассказ о приобретении и распределении имущества относительно тесно переплетены друг с другом, разделить их в композиции завещания иногда можно лишь с определенной долей условности, хотя в целом рассуждение общего характера и библейские цитаты имеют тенденцию концентрироваться в самой начальной части преамбулы. Рассказ о собственной жизни следует за ними, далее идет “история собственности” и конкретные хозяйственные распоряжения

(разумеется, не принадлежащие преамбуле, но не всегда легко от нее отчленимые). При этом вполне традиционно и помещение прямой отсылки к тексту псалма внутри рассказа о своей жизни, как это делает Евстафий: “я, как говорит псалом, очистил ее топором и огнем” [16. С. 223. Строка 20]³.

Весьма характерен двукратный повтор сообщения о добровольности, сознательности составления документа в рамках преамбулы. Один раз – в более отвлеченных выражениях [16. С. 221. Строки 1–5], тогда как другой – в виде устойчивой юридической формулы [16. С. 222. Строки 15–20]. Вообще говоря, тенденция к повтору – не только интертекстуальному, но и внутритекстовому, – являясь характерной принадлежностью языка документа, регулярно присутствует и в таких наиболее “литературных” фрагментах юридических текстов.

Вполне традиционен и набор сюжетов, которые появляются в повествовании Воилы. Он упоминает о своем благородном происхождении (впрочем, не о родителях), подробно рассказывает о своей семье, о смерти сына и жены, о воспитании дочерей. Есть в тексте и упоминание о пожаловании базилевса, и довольно искусное в своей умышленной неопределенности указание на причины отъезда из Константинополя. Значительную часть его рассказа составляет повествование о собственных трудах в освоении и улучшении земель [16. С. 223. Строка 15–225 и далее]⁴. Осмысление деятельности игумена, правителя, землевладельца как тяжких трудов по “собираению”, сохранению и улучшению земель, по-видимому, является общим местом для автобиографических завещаний.

Итак, в XI в. существовали достаточно разные возможности для построения вводной части духовных грамот, причем за каждой из этих возможностей стояла своя вполне сформировавшаяся традиция. Составитель завещания мог воспользоваться универсальной формульной аренгой, равно пригодной для документа любого рода, буквально скопировав ее (переведя при надобности на родной язык) или несколько видоизменив в соответствии со степенью собственной риторической выучки. Он мог употребить в качестве образца и более специализированную преамбулу, опять-таки воспроизведя ее из чужого текста или трансформировав и украсив дополнительными, подходящими к случаю цитатами и рассуждениями, коль скоро он обладал необходимой для этого начитанностью. В этом случае проявлялось не только риторико-стилистическое мастерство пишущего, но и его литературные познания и предпочтения, хотя круг подходящих к ситуации текстов и был задан или, во всяком случае, предложен самим жанром такой преамбулы.

Составление же пространной биографической преамбулы предполагало неплохое образование и хотя бы некоторые литературные склонности у самого завещателя или у того, кто составлял для него текст⁵. Если завещание писалось не тем, от чьего лица оно было составлено, то завещатель, как уже говорилось, неизбежно должен был тесно сотрудничать с составителем текста. Именно описание его жизни делало вступительный текст индивидуальным,

³ Или, согласно переводу, предложенному Р.М. Бартияном. “я, как говорит псалом, топором и огнем превратил [ее] в золу” [17. С. 27].

⁴ Возможно, речь идет и об очищении этих земель от еретиков [17. С. 33].

⁵ Как известно, значительную часть завещания Евстафия Воилы составляет описание имевшихся у него книг.

что позволило современному исследователю назвать такие преамбулы к византийским завещаниям “окном в художественную литературу” [4. С. 255].

Нельзя не обратить внимание на связь данных автобиографических текстов (особенно когда речь идет о завещаниях известных духовных лиц) с жанром куда более распространенным и развитым – с текстами житийными. Связь эта могла быть двоякого рода: с одной стороны, автобиография и агиография могли, так сказать, произрастать из одного корня – прощальные речи, автобиографические рассказы святого служили основой для его жития, завещание же могло в том или ином виде включаться в житийный текст или в полную редакцию монастырского устава, распространяться и переводиться в составе этих памятников и уже в таком виде становиться образцом для новых составителей духовных. С другой стороны, самый жанровый канон жития мог влиять на композиционный и стилистический облик автобиографических преамбул к завещаниям и дарственным.

Степень этого влияния в каждом конкретном случае нуждается в отдельном исследовании, однако, на наш взгляд, в целом оно не столь велико, как может показаться. Два типа жизнеописания, отчасти сходные, во многом по своей интенции прямо противопоставлены друг другу. К концу XI в. для рассказа мирянина о самом себе житие в собственном смысле слова едва ли могло служить единственным литературным образцом, и потому в качестве текстов-ориентиров могли избираться преамбулы к духовным и дарственным.

Разумеется, между автобиографическими преамбулами к духовным, дарственным и уставным грамотам могла существовать довольно значительная разница в зависимости от того, кому эта грамота принадлежала: иноку, игумену, митрополиту, знатному мирянину или правителю. В то же время специфическая ситуация подведения итогов земной жизни или благочестивого пожертвования до некоторой степени нивелировала эти различия: мирянин или христианский государь в качестве одного из образцов для своего текста могли использовать не только вступление к документам людей светских, но и завещания духовных лиц.

Действительно, все эти вступления формируют, на наш взгляд, своеобразный малый литературный жанр, где каждый следующий автор получает в свое распоряжение лишь некоторую канву, в самых общих чертах задающую порядок следования элементов повествования, его сюжетные ходы и источники цитирования. Простор для авторской свободы весьма велик, тем более что тексты-образцы допускают взаимопроникновение, переплетение и смешение различных композиционных элементов рассказа и подразумевают, скорее, как можно более обильные и разнообразные обращения к разного рода предшествующим литературным источникам, нежели как-то сужают границы их использования.

При этом, как мы попытались продемонстрировать выше, определенная жанровая преемственность у данных текстов прослеживается самым явным и недвусмысленным образом. Весьма существенно, что эта преемственность связана не только с литературными параметрами самих текстов – сходством композиции, эксплуатацией одних и тех же топосов, присутствием типичных цитат и т.п., – но и с вхождением всех подобных рассказов в состав юридических документов. Структура и функционирование текстов несут на себе отпечаток, связанный с их принадлежностью к актовому языку, в первую очередь допускающему, в частности, особую роль повтора и перифраза в этих фрагментах.

В свете всего вышеизложенного именование произведения Владимира Мономаха духовной отнюдь не выглядит необоснованным. Его текст содержит в себе некоторые формальные признаки, связанные с различными традициями составления документов. В частности, он начинается с традиционного для такого рода актов полного именованя человека, от лица которого написан текст, причем в зачине употребляется характерная для последующих русских документов форма “азъ”. Кроме того, “Поучение” содержит и фрагмент чрезвычайно распространенной и очень устойчивой в западноевропейской канцелярской традиции формулы, в юридических документах обыкновенно следовавшей за аренгой, но регулярно употреблявшейся и в тех случаях, когда сколько-нибудь пространная аренга в акте отсутствовала. Речь идет о так называемой промульгации, перформативном высказывании, содержание которого можно условно передать следующим образом: *уведомляю(ем) всех нынешних и всех будущих (всех жителей данного государства, данной области, всех заинтересованных лиц) или кого-либо, кто эту грамоту прочитает или услышит*. Эта перформативная формула крайне характерна для западноевропейского формуляра, к XII в. мы обнаруживаем ее в Германии и Италии, во Франции и в Скандинавии. В ряде европейских канцелярий она доживает по крайней мере до XVIII в.

Промульгация, встречающаяся уже в Смоленской грамоте 1229 г., была усвоена в юго-западнорусской практике существенно лучше, чем аренга. Появляется она и в договорах с Великим княжеством Литовским, написанных от лица московских и тверских великих князей. Ср., например: “како то бѣдѣте всемъ вѣдомъ или кто послѣ живии встанѣтъ ся” (Договор Смоленска с готским берегом и Ригой 1229 г., готландская редакция); “Князь Герденъ кланяется всем тем кто видить сую грамот тие люд што ныне живи суть а темь кто напосле приидут темь ведомо буди как мир есмы створили” [18. Вып. I. № 1 1263 г., копия XV в.]; “чинимъ славно и знаемо и даемъ ведомо усемъ хто коли сую грамоту видить а любо слышитъ прочитая” [18. Вып. I. № 10 1387 г.]; “чинимъ знаемо всем кто на сию грамоту узритъ или услышитъ чтучи” [19. № 56, 57, 61]; “чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ и даемъ вѣдати каждому доброму нынѣшним и потомъ будучимъ хто на нь узритъ или чтучи его вслышитъ кому жъ того будетъ потреба знати” (документы Казимира IV [10. Т. I. № 49, 53, 58]); “Млстію божею мы великии княз Борисъ Александровичъ тверскій сею нашею грамотою гавное дело чинимъ вѣстакому хто на него узритъ или чтучи услышитъ што сѧ вчынило” (договор Бориса Александровича Тверского с королем Казимиром, 1449 г. [20. № 53]); “По божеи воли и по нашої любви божею млстію се гавз княз великии Василеи Василевичъ московскій и новгородскій и ростовскій и пермскій и иных и братѧ моя молодшаѧ княз Иванъ Анѣдреевичъ и кнзъ Михаило Анѣдреевичъ и кнзъ Василеи Іѧрославичъ чынечы знаменито каждому кто на сую нашу грамоту узритъ или чтучи услышитъ комуж то будетъ того потребно ведати гав княз великии Василеи и моѧ братѧ молодшаѧ дали есмь сесь запись брату нашому Казимиру королю...” (договор московского князя Василя Васильевича с королем Казимиром, 1449 г. [20. № 52]). На Юго-Западе она проникает и в частные акты.

В тексте “Поучения” фрагменты этой формулы встречаются дважды: “или инъ кто, слышавъ сую грамотицю” [21. Т. I. С. 241] и “да не заррите ми дѣти мои но инъ кто прочтетъ... Да сую грамотицю прочитаючи потѣснѣтесе на вся

дѣла добрая” [21. Т. I. С. 251–252]⁶. Владимир Мономах, безусловно, был знаком с документами, содержащими эту формулу, причем здесь едва ли возможно говорить о прямом влиянии англосаксонских документов или, к примеру, документов скандинавских, так как она была, как уже говорилось, явлением универсальным для самых разных западноевропейских канцелярий. Эта заимствованная формула, также как и универсальная преамбула, о которой речь шла выше, может служить для составителя грамоты престижным “признаком документальности”, демонстрировать, что его текст – настоящий документ, так как составлен компетентным человеком, хорошо знакомым с общепринятой канцелярской практикой.

При этом, говоря о “Поучении” Владимира Мономаха, необходимо обратить внимание на следующие ее особенности: во-первых, эта формула была в ту пору исключительно латиноязычной, ее перевод на национальные языки в большинстве западноевропейских государств осуществляется лишь существенно позже. Парадоксальным образом, на русский язык она переводится раньше, чем, скажем, на немецкий или польский. Даже если не говорить о присутствии данной формулы в “Поучении”, ее перевод в тексте Смоленской грамоты в 1229 г. существенно опережает появление переводов, например, на немецкий⁷.

В то же время Мономах не просто использует фрагмент этой формулы. Он обыгрывает ее, приписывая ей в качестве продолжения типично литературное, книжное выражение переписчика или составителя текста, не имеющее прямого отношения к пространству делового языка: “или инъ кто, слышавъ сю грамотицю не посмѣтеса <...> а приметь є сердце свое” [21. Т. I. С. 241]. Во втором случае элементы формулы, отчасти теряющей свою перформативную функцию, встраиваются в авторский поучительный текст: “да не зазрите ми дѣти мои но инъ кто прочтеть не хвалю бо сѧ ни дерзости своєа но хвалю Бѧ прославлялю млсть юго иже мѧ грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюдѣ тѣхъ часть смртныхъ и не лѣнива мѧ былъ створилъ худаго на всѧ дѣла члвчскаа потребна. Да сю грамотицю прочитаючи потъснѣтеса на всѧ дѣла добра”. Такого рода обыгрывание формулы, как и сочетание двух разножанровых формульных элементов, весьма показательны для интересующих нас завещаний-автобиографий, которые, с одной стороны, являются документами, а с другой стороны, претендуют и на некий иной культурный статус.

Если мы попытаемся рассмотреть “Поучение” Мономаха как автобиографическую преамбулу, то, как кажется, в том, что касается композиции текста, оно отвечает основным установкам жанра. Действительно, текст начинается с полного именованя завещателя, указывающего на его родовую принадлежность. Далее следует постепенный переход к указанию личных, биографических причин составления текста. Эта вступительная часть содержит формуль-

⁶ В случае переиздания летописи мы всегда ссылаемся на последнее издание.

⁷ Вообще говоря, одна из частей этой формулы, не имеющая перформативной окраски, появляется в документах, в той или иной степени связанных с византийскими образцами. В этих текстах, фиксирующих факт дарения или завещания (возможны, впрочем, и другие распоряжения и сделки), она являет собой часть *sanctio* и по местоположению тяготеет к конечной части документа (ср., например, далее текст сербского архиепископа Никодима). Своеобразное “удвоение”, варьирующее дублирование этой формулы в тексте Мономаха, является, как уже говорилось, характерной чертой автобиографических преамбул.

ные конструкции, которые могут быть связаны с актовыми текстами. Появление цитат из псалмов, казалось бы, не требует специального обоснования, поскольку они более чем уместны в любом средневековом тексте. Однако то обстоятельство, что они следуют одна за другой и представляют собой весьма пространную подборку, составленную, по свидетельству текста, самим автором, а также и то, что они помещены в начальной части, непосредственно после именованного завещателя и указания целей и повода к составлению “Поучения”, сближает текст Мономаха с традицией составления преамбул. Следующая далее отсылка к труду Василия Великого не только соответствует характерной для таких преамбул традиции опираться в начальной части на писания святых отцов, но и носит специфический для этих текстов личный характер, поскольку Василий Великий являлся, по-видимому, небесным покровителем самого князя⁸. Нет необходимости говорить, что и следующее далее в тексте обращение к Евангелию более чем закономерно для подобного рода текстов.

Гораздо более существенно указание на легкость исполнения христианского долга для молодых князей и на сравнение его с трудностью монашеского подвига: “а Бѣ дѣла не лѣнитесь молю вы сѧ не забываете ꙗ хъ дѣль тѣхъ не бо суть тажка ни ѡдиночство ни чернечство ни голодъ ꙗко инии добрии терпѣть но малыи дѣломъ олучити млсть Бѣю” [21. Т. I. С. 244]. Напомним, что рассуждение о соблюдении/несоблюдении монахами положенного им закона и о легкости бремени, налагаемого заповедями, есть распространеннейший, стереотипный элемент византийских духовных преамбул. Подобное рассуждение, как уже говорилось, даже входило в число образцов для составления документов. Не исключено, что именно знакомство Мономаха с какими-либо текстами, содержащими подобное рассуждение, побудило его включить в собственное произведение пассаж такого рода, переосмысленный, впрочем, в соответствии с христианским долгом князя.

Следующие далее обширные рассуждения о красоте созданного Богом мира также характерны для композиции духовных преамбул. Поучение детям, в той части, где оно касается не только их княжеских обязанностей, но и обычного распорядка, приличествующего им как христианам, в высшей степени соответствует поучению к братии игуменских завещаний (см., например, упоминавшееся завещание аббата южноитальянского монастыря св. Филиппа, написанное в 1096/97 г.) Забегая вперед, скажем, что присоединение к тексту “Поучения” молитвы Андрея Критского может быть соотнесено с тем каноном, который, согласно завещанию, записал по просьбе братии этот аббат, канон “не сочиненный им самим, а составленный из изречений святых отцов”.

Характерным образом, в тексте Мономаха, с одной стороны, вполне присутствует разделение на свод изречений, учительную часть и рассказ о собст-

⁸ Надо отметить, что в текстах Мономаха, представленных в Лаврентьевской летописи, мы обнаруживаем только два имени древних (общехристианских) святых – Василий и Андрей. Существенно при этом, что сам князь носил христианское имя Василий, а его отец, Всеволод Ярославич, судя по всему, в крещении был Андреем. Андреем же, как мы знаем, звался и один из младших сыновей Мономаха, который, по предположению некоторых исследователей, и был главным адресатом “Поучения”. О том, кто именно из свв. Василиев и Андреев были патрональными святыми этих князей, а также о синкретизме почитания святых тезок в эту эпоху см. подробнее: [22. С. 36–109].

венной жизни, но, с другой стороны, налицо и постоянное проникновение, прорастание этих частей друг в друга. Автобиографический рассказ строится вокруг топоса трудов: “А се вы повѣдаю дѣти моя трудъ свои ꙗже съ есмь тружалъ пути дѣла и ловы” [21. Т. I. С. 247]⁹. Рассказ князя о его походах, о заключении мира в значительной своей части подчеркивает, что он действовал по воле посылавших его старших родичей, дядьев и отца.

Разумеется, одним из главных достижений Мономаха как самостоятельно-го князя предстают военные победы и собирание, сохранение земель. Подробные повествования о походах, военных удачах и неудачах, о возвращении исконных земель и присоединении новых также встречаются в автобиографических преамбулах к благочестивым дарственным, коль скоро эти преамбулы составлены от лица правителей.

Таким образом, нам представляется вполне правомерным утверждение о том, что существование жанра таких преамбул было одним из факторов, побудивших Мономаха к написанию его “Поучения”. Весьма существенно при этом, что если, как мы и предполагаем, этот круг текстов послужил образцом для него самого или для его “соавтора”, непосредственно создававшего письменный текст, то это был образец совсем особого рода, не предполагавший слепого копирования или следования какому-то жесткому клише. Использование иных письменных источников, ориентация на них не только допускались, но и, так сказать, приветствовались канонами жанра. Как кажется, составление такой преамбулы предполагало в первую очередь демонстрацию широкой начитанности (даже в большей мере, чем изощренного риторического мастерства), поэтому ориентация текста “Поучения” на какие-либо иные источники, будь то англосаксонские тексты в жанре поучения или апокрифические заветы иудейских патриархов, ни в коей мере не противоречила традиции составления преамбул.

Такая традиция задавала достаточно свободные рамки для весьма индивидуализированного повествования, давала определенные правила для рассказа о самом себе. В рамках этого жанра можно воочию наблюдать, какие из кратких рассуждений общего характера разворачиваются в пространный и вполне личный рассказ, или как весьма ограниченный, приличествующий случаю набор цитат превращается в обширный экскурс, сложную подборку, явно несущую на себе отпечаток личности завещателя или составителя документа¹⁰.

В то же время связь с образчиками деловой письменности могла бы, как кажется, объяснить некоторые особенности общего свода текстов, помещенных в Лаврентьевской летописи в статью 1096 г. Уже делались попытки объяснить некоторые повторы и композиционные противоречия в тексте самого

⁹ Это выражение Мономаха демонстрирует, что “ловы”, охота или ловля диких животных воспринималась именно как труд, неотъемлемая обязанность правителя (ср. [23]). По-видимому, в династии Рюриковичей архаическое отношение к охоте как к “государственной” обязанности князя сохраняется на всем протяжении ее существования. Ср. в “Повести о болезни и смерти Василия III” рассказ о том, как тяжело заболевший князь все же едет “тешиться” на охоту.

¹⁰ Подчеркнем, что, говоря здесь о развитии какого-либо из элементов композиции преамбулы, мы можем иметь в виду только литературную эволюцию этих текстов. Исторический генезис вступлений к завещаниям и дарственным, большая или меньшая древность стереотипизированных преамбул по сравнению с более индивидуальными автобиографическими еще ждут своего исследователя.

“Поучения” сведением воедино нескольких разных сочинений Мономаха. При этом нельзя не заметить, что жанр автобиографической преамбулы довольно регулярно допускает такого рода повторы и композиционные возвраты. С другой стороны, и идея контаминации документов близкого содержания, использующих одни и те же топоры, а иногда и одни и те же выражения, сама по себе связана с традицией составления актовых сводов, когда существенен был сам факт наличия еще одного документа, и то обстоятельство, что его юридическое содержание и словесное оформление повторяло предыдущий документ, рассматривалось как безусловное достоинство текста. Любопытно, что присоединение литературных трудов автора или упоминание о них (в данном случае речь идет о письме Олегу Святославичу и молитве Андрею Критскому), по-видимому, тоже хорошо вписывается в традицию составления автобиографических преамбул.

Проблема отсутствия в дошедшем до нас тексте Мономаха какой-либо распорядительной части, указывающей на то, каким именно образом князь распоряжается своим наследием или, если речь идет о благочестивой дарственной, кому и что преподносится в дар, не кажется в данном случае неразрешимой. В текстах подобного рода собственно имущественно-распорядительная часть могла, как уже говорилось, иметь очень различный удельный вес как в том, что касалось размеров этой части в тексте, так и в том, что связано с прагматикой и целью составления акта. Иногда при очень обширной преамбуле имущественное распоряжение редуцируется до минимума. По-видимому, в некоторых случаях это предполагает наличие еще одного, дополнительного или, наоборот, исходного документа, где эти распоряжения сделаны с большей подробностью. Так, в завещании монаха Феодорита, содержащем довольно обширную автобиографическую преамбулу, прямо упоминается о том, что оно лишь подтверждает другой текст, где сделаны распоряжения о передаче его имущества в собственность монастыря¹¹.

Если мы поддерживаем точку зрения о том, что конечный текст, представленный в Лаврентьевской летописи, был составлен Мономахом из собственных произведений, написанных ранее, в разное время, и представлял собой своего рода собрание душеполезных сочинений, то вполне естественно, что конкретные имущественные распоряжения, как, например, и точные условия договора с Олегом Святославичем, не были для такого собрания актуальными, а, возможно, в изменившейся ситуации могли оказаться и излишними. Унаследовав так много от традиции составления духовных и дарственных, текст этот перестал быть, таким образом, духовной или дарственной в юридическом смысле слова, но связь его с духовными грамотами, на наш взгляд, отнюдь не утрачивалась в глазах современников и потомков.

О том, каковы могли быть конкретные пути знакомства русских князей и духовных лиц с традицией составления пространных преамбул к завещаниям и дарственным, мы на нынешнем этапе исследования можем лишь догадываться. В качестве весьма вероятного центра распространения этой традиции можно указать, в первую очередь, Афон. Действительно, монастыри Святой Горы

¹¹ “И снова я обратился ко святому моему Предтече именем Завулону и составил распоряжение по существующему обычаю насчет своего имущества, каждую часть определил тому, кому было мое желание, сделав самого честного Предтечу своим наследником на недвижимое родовое имущество и на земли, на помин о грешной моей душе” [8. С. 77 № 107. С. LX].

были не единственным местом в Византии, где подобные тексты составлялись, но, тем не менее, очень многие из дошедших до нас образцов этого жанра связаны именно с Афоном. Там, как кажется, можно проследить, как происходит заимствование и воспроизведение сюжетов из документов одного монастыря в акты другого¹², а также встретить едва ли не самые пространные и сложные образцы жанра. Именно в афонских монастырях эта традиция оказывается особенно устойчивой, доживая, по крайней мере, до XVI в. Наконец, что для нас всего более существенно, именно на Афоне мы располагаем моделью того, каким образом образцы составления преамбул к духовным и дарственным проникают из греческой письменной традиции в славянскую.

Речь идет о функционировании этих преамбул в славянских текстах Хиландарского монастыря. Самые древние из актов, связанные с деятельностью св. Саввы, его отца и брата, появляются приблизительно на столетие позже того времени, когда было написано “Поучение” Мономаха – в самом конце XII столетия. Однако преамбулы к хиландарским актам демонстрируют принадлежность к традиции куда более древней. Для нас особенно интересно, что среди данных текстов мы находим множество дарственных правителей Сербии и иных государей, которые могут быть сопоставлены с текстом Мономаха.

Весьма показательны в этом отношении, например, две дарственные: Стефана Первовенчанного и его отца, Стефана Немани. Обширные преамбулы к рассматриваемым текстам содержат, в частности, панегирическое описание жизни Стефана Симеона Немани. Существенное место в этом жизнеописании занимает рассказ о его трудах по собиранию земель: “...дарова нашимъ прадѣдомъ [и нашимъ дѣдомъ] ѡбладати сиѡвь землѡвь срьпъсковъ и вса ѣко богъ строѡ на оуныша чловѣкомъ не хоте чловѣчи гибѣли и постави господина ми ѡтца велиега жоупана нареченаго въ светѣмъ крычени Стефана Неманѡу и ѡбнови свою дѣдиноу и больше оутврьди божиѡвь помокъю и своѡвь моудростию дановъ кмѡу ѡдъ бога въздвиже погибшоюу свою дѣдиноу и приѡбрѣте ѡдъ морьске землѣ зету и съ градовы а ѡдъ арбанась пѣглотъ а ѡдъ гръчке землѣ лабъ с льпианемъ гльбочицоу рѣке загръла тоу лѣвче лепеницоу бѣлицоу и божиѡвь помокъю своимъ троудомъ та вса приѡбрѣтъ и поспѣшениемъ божиемъ миръ тишиноу въсприемшоу владычествоу юго” [9. Р. II. № 2, 1198–1199 гг.].

Очевидно, что и способ описания походов и военных побед правителя как трудов и подробное перечисление самих походов сближает преамбулу к дарственной Стефана с произведением Владимира Мономаха. Весьма существенно также, что этот акт принадлежит к числу тех документов, где распорядительная часть по объему значительно меньше преамбулы. Можно предположить, что одна из главных функций таких актов – сохранение в памяти потомства деяний дарителя, или, в данном случае, его отца, принявшего в Хиландарском монастыре постриг под именем Симеон.

Как уже упоминалось, преамбула, повествующая о жизни и делах Стефана Симеона, повторяется с довольно пространными дополнениями в дарственной его сына. Такое тиражирование весьма индивидуального текста вообще является специфической чертой функционирования преамбул.

¹² В качестве примера такой миграции цитаты и образа можно привести использование в афонских текстах преамбул евангельского сюжета о вдове, пожертвовавшей два обола. Он возникает в преамбуле к завещанию настоятеля Кутлумушского монастыря Харитона, составленному в ноябре 1370 г., где он сравнивает свой монастырь с храмом Моисея, а себя самого с вдовицей, принесшей в храм два обола [4. С. 251]. Этот же сюжет появляется и в славянских актах Хиландарского монастыря еще в XIII в.

Любопытно также появление в дарственной Стефана Первовенчанного образов прекрасной долины, благоухающего дерева и сладкоголосых птиц, включенных в совершенно иной, нежели у Мономаха, аллегорический сюжет, связанный с приездом Стефана Симеона на Афон к своему сыну Савве, основателю Хиландара: "...тако се моужь стоѣ на горнѣ мѣстѣ въ пролѣтне врѣме въ веселоу иноу рекше въ слнчноу, виде издаличе равноу пажить красноу видѣникъмь, лѣпоу тварию срѣдѣ же еѣ стоѣше дрѣво дивно кроуговато вѣтвикъмь честолистикъмь прѣоукрашено цвѣты и плно плода, благоу воноу поущакъ среде же дрѣва оудворила се бѣше птица сладкоглас[ь]наѣ кротька въ сѣдѣнии тиха въ пѣснехъ весела въ ...ании...ѣсна въ щептании ѣдина соущи шть моудрыхъ птицъ любовныи и сладкыи ѣго дѣтищъ бывъ иногда мнѣ рожьствнымъ съюзомъ брать глаголемъ Сава монахъ иже сѣдѣше въ дрѣвѣ рекоу въ светеи горѣ..." [9. Р. II. № 2, 1198–1199 гг.]¹³.

Не исключено, что эти образы могли восприниматься составителем преамбул как своеобразная принадлежность жанра, т.е. весьма уместный, хотя и не обязательный компонент повествования. Интерпретация же этих образов, выбор какого-либо традиционного сюжета или цитаты, их включающей, отдавались целиком и полностью на откуп автора конкретного текста.

Вступительное повествование к этим дарственным может служить весьма наглядным примером взаимопроникновения и сосуществования биографических преамбул к документам и житийных текстов. Дарственная Стефана Немани была составлена, по-видимому, св. Саввой, одним из его сыновей. Она воспроизводится и расширяется в дарственной другого его сына, Стефана Первовенчанного, при этом оба брата, Савва и Стефан, являются авторами агиографических сочинений о своем отце (о соотношении различных житийных текстов, посвященных Стефану Немане, см. [24]).

Жизнеописание св. Саввы, сына Стефана I и, соответственно, брата Стефана Первовенчанного, представленное как рассказ о его келье в Карее, содержится в преамбуле к акту архиепископа Никодима первой половины XIV в. На примере этого текста можно наблюдать, как биографическая преамбула окончательно приобретает доминирующую роль в документе, не утрачивая при этом полностью актуальной связи с его юридическим содержанием. Архиепископ Никодим говорит, что создал свой текст, побуждаемый просьбами братии рассказать о келье св. Саввы. Этот-то рассказ, повествующий о начале сербской обители на Афоне, о трудах Саввы и о правилах жизни при нем, и составляет основное содержание документа. Краткие же имущественные распоряжения касаются подтверждения прав монастыря на знаменитую келью в Карее и необходимости выделять ей ежегодно следующее по традиции содержание. Кроме того, актом запрещается изымать из нее типик св. Саввы, т.е. свод правил жизнеустройства монастыря [9. Р. II. № 20, 1322 г. С. 439–445].

Наибольший же интерес с точки зрения сопоставления с "Поучением" Мономаха представляет, по-видимому, одна из дарственных Стефана Уроша от 1318 г. (?) Этот не очень хорошо сохранившийся акт содержит не только обширную подборку традиционных для сербских преамбул цитат, рассуждений и рассказ о приезде короля в монастырь, но и подробнейший рассказ об основ-

¹³ Ср. у Мономаха: "звѣрьє розноличнии и птица и рыбы оукрашено твоимъ промысломъ Гси и сему чюду дивуемъса... таже та оугодья створилъ вси члѣка дѣла грѣшна и ты же птицѣ нбсныѣ оумдрены тобою Гси егда повелиши то вспоють и члѣкы веселать тобе и егда же не повелиши имъ тазыкъ же имѣюще шнемѣють" [21. Т. 1. С. 244].

ных событиях его царствования, в первую очередь о военных походах и союзах. Стремление увековечить с помощью этого текста события своего времени для потомков выражено здесь, как и у Мономаха, вполне эксплицитно. Столь же очевидно выражено и желание придать этому рассказу характер поучения: "...се написахъ и изъоставихъ въ светъи сеи цркъвии въ пользу и благодѣть вьноукьмъ правьноукьмъ послѣднѣаго рода нашего...". Весьма существенно, что у Стефана Уроша, также как и у Мономаха, в тексте используется перформативная формула, промульгация. Отчасти совпадают и риторические функции этих формул в сербском и древнерусском поучениях – они как бы расширяют аудиторию текста, обращенного, в первую очередь, к членам правящего рода, но небесполезного и для других читателей: "...рода нашего и земли штьчествѣа могю всакомоу боуди въ извѣщеине тако краљество мож многими напастми и оутескьннѣемъ срьбской земли советѣ соущи и оумалкнѣ" [9. Р. II. № 18, 1318 г. С. 425]¹⁴.

После промульгации следует пространное повествование о событиях в государстве во времена правителя, от лица которого составлен акт. В преамбуле рассказывается о возвращении из-под греческого владычества Скопье и прилегающих областей, об ответном походе Палеолога, о "безбожии" греческого царя из-за принятия им унии, о его внезапной смерти во время похода на Сербию, о последующем поражении этого византийского похода. Изложены также обстоятельства последующего вторжения Стефана Уроша в византийские провинции при поддержке другого Стефана, "кralа сръмского", о походе на "влахштьскоую землю", о том, как "коудѣльнь" и "дрьмань" предприняли попытку восстания. Речь идет и о нашествии войска Шишмана и об ответном походе сербского короля, о браке дочери Стефана с сыном Шишмана, Михаилом, об удачном откупе от татар, о войне с турками и о помощи против турок Андронику II, тестю Стефана Уроша.

Иными словами, мы видим ту же развернутую картину трудов правителя, что и в "Поучении" Владимира Мономаха, причем в обоих случаях повествование ведется от первого лица. Разумеется, совпадение сюжетных, риторических и стилистических особенностей двух этих текстов отнюдь не является полным. Можно сказать, что автобиография Мономаха более "автобиографична", более связана с его собственной личностью. Текст же Стефана в большей степени ориентирован на описание событий государственной и династической истории, он более панегиричен, но это, скорее, панегирик королевскому достоинству как таковому, нежели хвала конкретному человеку.

¹⁴ Промульгация в более развернутом варианте есть и в уже упоминавшемся акте архиепископа Никодима. Здесь она помещена не внутри преамбулы, а во второй части текста, связанном с имущественными распоряжениями, и непосредственно соотносится с *sanctio*, формулой, призванной предотвратить нарушение условий документа: "так да всакъ по насъ боудуции прочитахъ и исполнаеть... и азъ никодимъ, подахъ на всако лѣто речена и записахъ и по насъ боудуциимъ и засвѣдѣтельствоую юго же избереть причисти светаго доуха бити ерхиепископа, никтоже повелѣннѣа сего разорить или прѣтворить...". По-видимому, статус этой формулы в сербских текстах и в "Поучении" Владимира Мономаха не вполне одинаков. Для Сербии XIV в. она была более или менее употребительным, стандартным элементом делового документа вообще. Иными словами, ее бытование в сербских актах можно сопоставить с бытованием ее в документах Юго-Западной Руси и отчасти Великого княжества Литовского. В "Поучении" же Мономаха она, как кажется, используется не в качестве стандартного элемента формуляра, а как единичное заимствование. Тем не менее, нам представляется возможным сближение ее с соответствующей конструкцией из акта Стефана Уроша, так как и в этой королевской дарственной формула употреблена в нестандартном для канцелярской традиции месте и контексте.

В преамбуле короля Стефана постоянно подчеркивается причина благочестивого дарения. Всякий раз удача того или иного похода обеспечивается молитвами хиландарской братии и заступничеством погребенных здесь святых предков короля, Симеона и Саввы¹⁵. При этом, как уже говорилось, перечисление даримого занимает весьма скромное место по сравнению с обширнейшей преамбулой, и в данном случае можно утверждать, что именно преамбула (возможно, наряду с обширным списком свидетелей, иерархов церкви) является наиболее значимым элементом акта, а стремление увековечить события правления Стефана Уроша – главной причиной его написания.

Традиция написания пространных преамбул к актам сохраняется в хиландарских текстах вплоть до XVI в., хотя далеко не все эти преамбулы, разумеется, содержат сколько-нибудь пространные автобиографические элементы. По-видимому, большинство этих актов составлялись непосредственно в монастыре, причем изначально славянские преамбулы составлялись, разумеется, под непосредственным воздействием греческих. Известны случаи и прямого перевода документа, а соответственно, и его вступительной части, как это происходит с указом византийского императора Андроника II, подтверждающим права и привилегии Хиландара (греческий текст см. [9. Р. I. № 13], славянский текст: [9. Р. II. № 7]).

При этом у славянских дарственных правителей могли быть греческие прототипы, составленные и вне Хиландара. Так, не исключено, что уже цитировавшаяся автобиографическая преамбула Стефана Уроша была в той или иной степени ориентирована на соответствующую преамбулу уставной грамоты константинопольского монастыря Палеологов, написанную от лица его политического противника Михаила Палеолога.

Панегирический тон этой автобиографии Палеолога, перечень успехов и побед, рассказ о знатности собственного рода и о знаменитых предках дал в свое время основание Ф.И. Успенскому противопоставить этот текст “Поучению” Владимира Мономаха [25. Т. V. Отдел VIII. Гл. V]. Соглашаясь с мыслью о различии направленности этих произведений, нельзя не отметить, что несходство это особенно бросается в глаза на фоне их жанровой близости, совпадений целого ряда сюжетных клише. Сравни, например: “...что бо, владыко, из содеянных на мне твоим благоутробием не превосходит и самый разум дивных?... (почему мне не сказать правды и притом всем известной)? И тем более что, не распространяясь много об этом, не чванясь и не выставляя себя, не по человеку а в Господе полагая похвальбу, я не скрываю величий Божиих и рассказываю не в собственную похвалу, а во славу Создавшего повторяю, что касается меня, то все, чем кто-либо мог быть величаться, Бог собрал для меня как бы нарочно все вместе” (Палеолог) – “...не хвалю бо сѧ ни дерзости своѧ но хвалю Бѧ и прославляю млсть юго иже мѧ грѣшнаго и худаго селико лѣм соблюдѣ тѣхъ часъ смѣртных и не лѣнива мѧ былъ створилъ худаго на всѧ дѣла члвчка потребна” (Мономах). Столь разная реализация одного и того же топоса, восходящего к пророку Исайе, как кажется, может продемонстри-

¹⁵ Любопытно, что в “Поучении” Мономаха также появляется мотив заступничества святого предка, св. Бориса Романа Владимировича: “...и внидохом на сѣго Бориса дѣи ис Чернигова и ѣхдохом сквозѣ полкы Половьскиѣ не въ рѣ дружинѣ и с дѣтми и с женами и ѡблизяхутсѧ на нас акы волци стоюще и ѡ перевоза из горѣ Бѣ и сѣи Борисъ не да имъ мене в користь” [21. Т. 1. С. 249]. Впрочем, в данном случае достаточно трудно решить, определяется ли это совпадение общностью традиции автобиографических преамбул или попросту единым отношением к культуре святых родичей у славянских правителей Средневековья.

ровать как общность некой традиции, которой принадлежат эти тексты, так и “несовпадение авторских задач”. Сравни также рассказ о начале военной карьеры Палеолога: “А я лишь только вышел в отроки и сделался способен носить оружие, признан был самым им <дядей-императором> пригодным для командования, чтобы не сказать был предпочтен тем, которые за много лет раньше взялись за это дело, и был послан на это”. Можно упомянуть и о своеобразном переосмыслении перформативной формулы в тексте Палеолога: “...хотя обо всем об этом нельзя читать в письмени, но, вероятно, много еще осталось в живых таких, которые видели все это своими глазами, и много таких, которые слышали об этом от видевших, так что слова наши в этом не бездоказательны” [26. С. 22–25].

Как кажется, не возникает сомнений, что “поздние” русские духовные с про странной преамбулой, составленные в XV–XVI вв., связаны с определенными монастырскими центрами на Руси и, весьма вероятно, опосредованным образом, – с афонской традицией. Завещание Андрея Владимировича, Ольгердова внука, содержащее описание его благочестивой поездки и другие, весьма традиционные для византийской монастырской традиции топосы, составлено старцем Киево-Печерского монастыря. Духовная Богуша Боговитиновича содержит “западноевропейскую” универсальную аренгу, заимствованную из совершенно иной, нежели византийская, канцелярской практики. Однако не исключено, что само стремление ее автора предпослать распорядительной части своего “теста мента” некоторое рассуждение общего характера хотя бы отчасти было вызвано его ориентацией на монастырскую практику. Не случайно он просит похоронить его в Киево-Печерском монастыре. Согласно его последней воле, душеприказчики из Слонима “мають тѣло мое грѣшное послати до Києва до манастыра святое пречистое Печерское...” [6. № 91. С. 76]. Поскольку Богуш Боговитинович составлял и записывал свое завещание сам, он, закономерным образом, избрал для своей преамбулы ту риторическую формулу, которая была ему привычна по его канцелярской деятельности.

Безусловно, нуждается в дальнейшем исследовании вопрос, когда и при каких обстоятельствах проникает афонская традиция составления преамбул в русскую монастырскую практику и, в частности, в Киево-Печерский монастырь, с помощью каких контактов она могла возобновляться и поддерживаться в последующую эпоху. Впрочем, одного из таких посредников в усвоении афонского обычая составления духовных можно указать с достаточной долей уверенности. Речь идет о деятельности митрополита Киприана, в молодости жившего на Афоне и теснейшим образом связанного с сербским изводом византийской традиции составления актов. Его знаменитое завещание было включено в летописные своды, согласно тексту летописи, оно читалось вслух над его гробом (см. [21. Т. XI. С. 195–197; Т. IV. Вып. 2. С. 400–404; Т. XXI. Ч. 1. С. 441–443]). Текст этот содержит обширную преамбулу, где есть краткое упоминание об иноческой жизни Киприана, исповедание веры, благословение и прощение христианам и испрошение благословения у них. Он послужил образцом для целого ряда последующих митрополичьих и патриарших завещаний, сходные элементы есть в грамотах Фотия, Ионы, Макария, а также у патриархов Иова и Иоасафа II¹⁶. Автобиографический компонент в этих текстах

¹⁶ Эта традиция была позднее подхвачена в старообрядческой практике, что дало возможность как самим старообрядцам, так и современным исследователям рассматривать “Житие протопопа Аввакума” как духовную грамоту. См. [27. С. 379–387].

может несколько разрастаться. Так, духовная Фотия содержит, в частности, рассказ о его ученичестве у Акакия, отъезде в Константинополь, там есть двукратное формульное упоминание о нежелании становиться митрополитом и т.д. [28. № 17]. Показательно, что такие завещательные тексты на Руси воспринимались, видимо, как подражание Киприану, хотя у составлявших их иерархов были, разумеется, собственные контакты с византийской практикой написания документов.

Эта “киприановская традиция” распространялась, как известно, и на некоторые завещания игуменов, впрочем, с довольно существенными изменениями. Так, преамбула к духовной Кирилла Белозерского в значительной мере копирует часть преамбулы завещания митрополита Киприана¹⁷. По монастырскому преданию, духовная Кирилла была написана им самим. Однако белозерский игумен далек от полного повтора “разрешительной” грамоты Киприана. Главная цель завещания – сохранение установленного Кириллом монашеского “жизьяца”, а основное его содержание – благословение игумена князю Андрею, членам его семьи и потомкам, просьба подтвердить уже пожалованное, не оставлять милостью впредь и быть гарантом сохранения в монастыре установленного при Кирилле порядка: “...а мое житыице грешна человека имут переиначивати, и аз господина своего и господаря тебе со слезами много молюся о том чтобы еси господине тому не попустил быти, а те бы еси, господине чюнул крепко, кто по моему житыицю не ходитъ а игумена не имет слушати и ты господине тех вели и из монастыри выслати” [11. Т. II. № 314]. Таким образом, завещание Кирилла Белозерского, в соответствии с византийской традицией игуменских завещаний, – это не столько имущественный акт, сколько концентрированное выражение заботы основателя монастыря о сохранении установленного им порядка, своеобразная уставная поучительная грамота¹⁸.

В этой связи могут быть рассмотрены и автобиографические фрагменты из завещательных и уставных текстов других игуменов – Пафнутия Боровского, Ефрема Суздальского, Нила Сорского или Иосифа Волоцкого. Характерно, что в этих случаях биографическое повествование легко переходит из завещания в житие или в богословское сочинение (см. [12]). Что же касается детальных имущественных распоряжений, то они ни митрополичьим, ни

¹⁷ Судя по всему, составитель Никоновского свода поместил непосредственно после завещания Киприана фрагмент текста, который по своей риторической направленности скорее должен был относиться к преамбуле. В тексте летописи он предварен следующими словами: “и се послѣ написа вилософскы” [21. Т. XI. С. 197].

¹⁸ Весьма любопытен текст преамбулы знаменитой духовной Антония Римлянина: “Се язъ Антонии, хужши во мнисехъ, изыдохъ на мѣсто сее, не прияхъ и имѣннѣя ото князя ни от епискупа, но токмо благословление от Никиты епискупа. И паша по чюжен землѣ ни вдвое ни воедино, ни себѣ покоя не дахъ, и братьи и сиротамъ и здѣ крестьяномъ досажая. Да то все управитъ мати божия, что емь беды принялъ о мѣсте семъ. А се поручаю богу и святѣи богородицы и крестьяномъ, и даю свободу, и се поручаю мѣсто се на игуменство” [29. С. 160 № 103]. В автобиографической части этого короткого текста задействованы мотивы, весьма традиционные для такого рода преамбул. Соединение их со следующим далее наставлением о порядке избрания игумена сближает этот текст с духовной Кирилла Белозерского. Однако содержание преамбулы и наставления едва ли могут служить аргументом в дискуссии о подлинности этого акта, о его принадлежности XII, XV или XVI в. (обзор точек зрения на эту проблему см., например, в работе [30]). Как мы пытаемся показать, традиция написания таких преамбул, тематика и структура этих текстов принадлежит к числу достаточно устойчивых явлений, зачастую не показательных в хронологическом отношении.

игуменским завещаниям подобного рода не свойственны; как правило, здесь содержится лишь просьба к князю о попечении над достоянием монастыря или церковном имуществе вообще. Эти тексты не имеют собственно хозяйственных функций, в них завещатель предстает почти исключительно как пастырь. Характерно, что существует два различных “завещания” Нила Сорского – “предание братии”, где он прежде всего – игумен, задающий нормы монастырской жизни после своей смерти, и собственно завещание – весьма своеобразный памятник, где он отдает распоряжения о собственном погребении (вернее, о непогребении) и указывает, как поступить с его вещами и книгами.

Завещания же людей светских, о которых речь шла выше, могут содержать имущественные распоряжения разной степени подробности. Так, князь Андрей Владимирович завещает своей семье “все”, наследственное и благоприобретенное, без какой-либо строгой фиксации границ или размеров наследства, тогда как в тестamente Богуша Боговитиновича то, что он оставляет своим дочерям, описано весьма подробно.

Показательно, что духовная Кирилла в несколько измененном варианте, содержащем, в частности, и пересказ преамбулы, включена в его житие, составленное его учеником Пахомием Сербом. То же самое происходит, как уже говорилось, и с другими текстами подобного рода, что хорошо демонстрирует промежуточное положение духовных с преамбулой между различными жанрами письменных текстов, их способность утрачивать непосредственную связь с деловыми текстами и встраиваться в произведение иной направленности.

Итак, для XV–XVI вв. мы, как кажется, располагаем некоторым материалом, позволяющим утверждать, что на Руси была собственная традиция преемственности в написании духовных с пространной преамбулой. В этом отношении весьма показателен текст Ивана Грозного от 1572 г. [20. № 104. С. 426–444], который, согласно определению переписчика XVIII в., “содержит завещание и наставление духовная, нравоучительная и политическая, зело благоразумная и мудрая, тут же и раздел государям, царевичам, сыновьям его царевичу Иоанну Иоанновичу и царевичу Феодору Иоанновичу”. Знакомство Ивана Грозного с завещаниями русских митрополитов представляется вполне вероятным; тем более несомненно знакомство царя с сочинениями Кирилла Белозерского, например и с его житием, включающим пересказ завещания. Безусловно, из этих текстов он мог почерпнуть некий общий образец для преамбулы к своей духовной. Однако в завещании Грозного автобиографический элемент более силен, чем в дошедших до нас в том или ином виде духовных русских иерархов XV в.

Для определения возможного круга источников преамбулы Грозного не менее существенно, пожалуй, и то обстоятельство, что его духовная содержит подробное распределение властных и имущественных привилегий между его сыновьями, и в этой части она вполне соответствует протоколу известных нам “классических” великокняжеских духовных XIV–XVI вв. В них нет обширных автобиографических преамбул, к тому же на Руси, параллельно с духовными, создавался ряд текстов о “жизни и смерти” великих князей, включающих их поучительное обращение к сыновьям, к приближенным и т.п. Иными словами, в письменной традиции сохранялось что-то вроде двух завещаний великого князя – юридический документ и наставление, нередко с биографическими мотивами. Особенно интересно в этом отношении сопоставление “юридических” версий завещания Дмитрия Донского и “Слова о житии и преставлении

великого князя Дмитрия Ивановича”, написанного, по-видимому, в 1389–1394 гг. и испытавшего непосредственное воздействие афонской книжной традиции (см. [31]). Духовная Ивана Грозного, возможно, была попыткой свести две эти традиции воедино. Не исключено, что образцы для подобного рода рефлексии, развивающейся из традиционных покаянных мотивов, могли быть почерпнуты Иваном Грозным непосредственно из афонской традиции, тем более что сохранились документальные свидетельства его пожалований Хиландару¹⁹.

По-видимому, именно правитель – коль скоро его привлекала идея составления автобиографической преамбулы к какому-либо из своих документов – обладал особенными возможностями в том, что касается синтеза самых разных текстов, принадлежащих к биографическому жанру. Для него могли оказаться актуальны жизнеописания иноземных государей, церковных иерархов и древних святых.

В сущности, перед нами две модели распространения и бытования пространных преамбул к конкретному типу актов. Одна из них связана с хиландарским монастырем и позволяет пронаблюдать возможность перехода этой традиции из одной языковой среды в другую. Другая, реализующаяся на Руси в XIV–XVI вв., демонстрирует постепенное развитие таких преамбул от текстов, содержащих по преимуществу рассуждения и цитаты общего характера, к индивидуализированному повествованию. В перспективе исследования текста Владимира Мономаха, разумеется, чрезвычайно интересно, распространились ли на Руси XV–XVI вв. завещания с пространной преамбулой исключительно в результате, так сказать, “второго южнославянского влияния”, воспринимались ли они как нечто вновь заимствованное, или хотя бы отчасти – как продолжение некоторой собственной, еще домонгольской традиции. Существенно упрощая дело, можно сформулировать этот вопрос иначе – мог ли Иван Грозный, составляя свою духовную, хоть в какой-то мере ориентироваться на завещательные тексты своих предков, живших в XI–XIII вв.?

Как мы помним, к концу XI в. в Византии мы имеем дело с хорошо развитой традицией написания пространных преамбул к завещаниям и дарственным, преамбул общего характера, а также и тех, где содержался автобиографический текст, поучение наследникам и потомкам. У русского князя и у его “соавтора”, записывавшего текст, было немало возможностей познакомиться с этой традицией. Не исключено, что русские князья и их посланники сталкивались с практикой составления таких актов, когда посылали дары и вклады на Афон (см. [32. С. 32–60]), в окружении Мономаха, безусловно, находилось немало лиц –

¹⁹Существовали, как известно, и послания монахов Хиландара Ивану Васильевичу, содержащие исторический перечень пожалований сербских правителей [9. Р. II. № 91]. Характерно, однако, что жалованные грамоты, данные Грозным Хиландарскому монастырю, не содержат ни рассуждений общего характера, ни, тем более, автобиографического повествования. В одной из них есть аренда, повторяющая отчасти соответствующее место из послания хиландарских монахов; она указывает вполне конкретные причины пожалования монастырю – оскудение и запустение обители, отсутствие у нее других покровителей. Таким образом, если русский царь и ориентировался на хиландарскую традицию составления преамбул, то актуальной она для него оказалась только при составлении своей собственной духовной. Преамбула к завещанию Грозного, периодически привлекавшая внимание исследователей, нуждается в отдельном рассмотрении и с точки зрения его канонических и литературных источников, и с точки зрения воплощения в цитатах собственно биографического повествования.

духовных и светских, – побывавших на Афоне²⁰. Кроме того, Мономах, отмечавший в “Поучении” свое византийское происхождение со стороны матери, мог почерпнуть общую идею автобиографического повествования в соответствующих преамбулах к каким-либо византийским императорским актам. Тем не менее, мотивы, присутствующие в тексте Мономаха, позволяют предположить, что он был знаком и с другим изводом традиции написания преамбул.

Весьма существенно, что знакомство с такого рода преамбулами могло произойти и ранее, а практика включения их в княжеские духовные могла ко времени написания “Поучения” обладать некоторой традицией. Достаточно вспомнить включенный в летопись завещательный текст Ярослава Мудрого: “се азъ ѿхожю свѣта сего сѣве мои имѣте в собѣ любовь понеже вы есте братѣ единого ѿца и мѣре да аще будете в любви межю собою Бѣ будетъ в васъ и покори выть вы противныа подѣ вы и будете мирно живуше аще ли будете ненавидно живуше в распрахъ и котораючеса то погыбнете самѣ [и] [погубите] землю ѿцѣ своихъ и дѣдъ своихъ иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ но пребывайте мирно послушающе братъ брата се же поручаю в собе мѣсто столь старѣишему сѣну моему и брату вашему Изаславу Кыевъ сего послушайте такожъ послушасте мене да то вы будетъ в мене мѣсто” [21. Т. I. С. 161 под 1054 г.].

Здесь мы обнаруживаем и наставления детям, и упоминание о собирании земель, осмысляемом как труд князя, словом, топосы, весьма характерные для пространной преамбулы к завещанию игумена или знатного мирянина. У Ярослава они представлены в предельно сжатой и лаконичной форме, а у внука его, Владимира Мономаха, оказываются предельно развиты и развернуты²¹. Если вспомнить о том, что в самом тексте “Поучения” Мономах эксплицитно подчеркивает свою преемственность по отношению к деду, то нет ничего удивительного, что для собственного обращения к сыновьям он воспроизводит некоторые сюжетные клише из завещания своего деда Ярослава Мудрого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fichtenau H.* Arenga. Spätantike und Mittelalter in Spiegel von Urkundenformeln. Graz, 1957.
2. *Hunger H.* Prooimion: Elemente der bysantinischen Keiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.

²⁰ Разумеется, возникает вопрос, присутствовали ли автобиографические преамбулы в XI в. в актах русского монастыря на Афоне. Однако само содержание дошедших до нас документов того времени, как кажется, не таково, чтобы им могли предпосылаться вступления подобного рода. Мы можем лишь отметить, что в греческих документах, относящихся к деятельности русского монастыря, фигурируют преамбулы, содержащие общие рассуждения и цитаты из псалмов. Ср. [33. № 4, 7].

²¹ Весьма характерно, что завещательный текст правнука Владимира Мономаха, князя Константина Всеволодича, также содержит поучительный фрагмент с обращением к сыновьям, и этот текст связан как с “Поучением” Мономаха, так и – в еще большей степени – с завещательным текстом Ярослава Мудрого: “Великий князъ Константинъ сѣнъ Всеволожь посла старѣишаго сѣна своего Василка Ростову на столь а Всеволода на Ярославль на столь рекъ има возлюбленѣи мои чадѣ будита межю собою в любви Бѣ боитася всею дѣею заповѣди юго во всемъ сблюдаща и мога нравы вса восприимѣте таже ма видѣста творца нищихъ и вдовиць не презрита цркви не ѿлучаитася и ерѣискыи и мнишьскыи чинъ любита и книжнаго повченьа слушаита и будита в любви межю собою и Бѣ мира буди с вама имѣта послушанье к старѣишимъ ваю иже вас на добро ѹчать понеже юще еста въ младодѣйствѣ азъ бо въмъ сѣна мога тако ѿшествие мое близъ приближаеця ѿ свѣта сего и се поручаю васъ Бѣ и причтѣи юго Мѣтри и брату и гсню Гюрю да то вы будетъ в мене мѣсто” [21. Т. I. С. 442].

3. *Avril J.* Observance monastique et spiritualité dans les préambules des actes (X–XIII s.) // *Revue d'histoire Ecclésiastique.* 1990. № 1.
4. *Герд Л.А.* Византийские завещания: функция преамбулы // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1994. Т. XXV.
5. *Литвина А.Ф.* Аренга: Судьба латинской формулы в восточнославянских документах // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т.М. Николаева.* М., 2002.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1863–1865. Т. I–II.
7. *Ferrari G.* Formulari Notarilli inediti. Roma, 1912.
8. *Успенский Ф.И., Бенешевич В.В.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения Византии XIII–XV веков. Л., 1927.
9. *Actes de Chilandar (= Actes de l'Athos) / Ed. L. Petit et B. Korablev.* P. I. СПб., 1911 (Приложение № 1 к изданию: *Византийский временник.* Т. 17). P. II. СПб., 1915 (Приложение к изданию: *Византийский временник.* Т. 19).
10. Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1846–1853. Т. I–V.
11. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XV в. М., 1952–1964. Т. I–III.
12. *Лилиенфельд Ф.* О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1962. Т. 18.
13. *Miklosich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1890.
14. *Falkenhause V. von.* Die Testamente des Abtes Gregor von San Filippo di Fragala // *Okeanos.* 1983. Vol. 7.
15. *Actes d'Ivion (= Archives de l'Athos, XIV) / Ed. J. Lefort, N. Oikonomides, D. Papachryssanthou avec la collaboration de V. Kravari et H. Métréveli.* Paris, 1990. Vol. I–II.
16. *Бенешевич В.Н.* Завещание византийского боярина XI в. // *Журнал министерства народного просвещения.* 1907. Май.
17. *Бартикян Р.М.* Критические замечания о завещании Евстафия Воилы (1059 г.) // *Византийский временник.* 1961. Т. 19.
18. Полоцкие грамоты XIII – начала XV в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977–1979. Вып. I–II.
19. *Vitoldiana: Codex privilegiorum magni ducis Lithuaniae 1386–1430 / Zbr. J. Ochmański.* Warszawa; Poznań, 1986.
20. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
21. Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2004. Т. I–XLIII.
22. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // *Религии мира: История и современность 2002 / Отв. ред. А.В. Назаренко.* М., 2002.
23. *Иванов В.В.* Типология автобиографического поучения царя как жанра // *Славяноведение.* 2004. № 2.
24. *Ђоревић В.* Међусобни одношај биографија Стевана Немање. Београд, 1938.
25. *Успенский Ф.И.* История византийской империи. М., 2001. Т. I–V.
26. *Троцкий И.Е.* Автобиография византийского императора Михаила Палеолога. М., 1885.
27. *Поньрко Н.В.* Житие Аввакума как духовное завещание // *Труды Отдела древнерусской литературы.* 1985. Т. 39.
28. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2.
29. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
30. *Панеях В.М.* Время возникновения древнерусского частного акта. (Историографические заметки) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1994. Т. XXV.
31. *Соловьев А.В.* Елифаный Премудрый как автор “Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя русьскаго” // *Труды Отдела древнерусского литературы.* 1961. Т. 17.
32. *Мошин В.А.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *Byzantinoslavica.* 1950. Т. XI. № 1. (Репринт: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002.)
33. Акты русского на св. Афоне монастыря св. Пантелеймона. Киев, 1873.

© 2004 г. Б.Н. ФЛОРЯ

У ИСТОКОВ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Когда мы сталкиваемся в появлении текстов, в которых обнаруживается сознание глубокого антагонизма между двумя народами, источник зарождения таких представлений закономерно искать там, где представители двух народов долгое время живут вместе друг с другом и в таких условиях, когда представители одного народа находились по отношению к другому в подчиненном, неравноправном положении. Такое положение сложилось в городах Русского воеводства и прежде всего в самом крупном из них – Львове. Здесь православные “русины” в составе населения города сталкивались с целым рядом ограничений и запретов, как раз и ставивших их в подчиненное и неравноправное положение. Так, в самом Львове “русины” могли приобретать дома и жить только в строго определенных границах, в районе так называемой Русской улицы, в других частях города жить им не разрешалось. Для “русин” была закрыта возможность входить в состав городского совета и занимать городские должности. С рядом ограничений сталкивались “русины” и в своей торгово-ремесленной деятельности. В одни цехи “русин” не принимали, в других они не могли стать мастерами и занять должности “старших”, закрыты были для них и некоторые виды торговой деятельности [1. С. 96–100]. Как неоднократно отмечали сами “русины”, их положение во Львове было менее благоприятным, чем положение армян и евреев, имевших свои органы самоуправления и свой суд, в то время как на “русин” распространялась юрисдикция органов самоуправления, созданных польско-немецким населением Львова без их участия [2. С. 101].

В таких условиях социальное противостояние между ремесленниками и мелкими торговцами-“русинами” и городской верхушкой из узкого круга немецко-польских патрицианских родов принимало характер этнического противостояния. Оно ощущалось “русинами” особо остро, потому что они с основанием смотрели на самих себя, как на местное, “коренное” население, которое не имеет прав, которыми обладают пришельцы – немцы и поляки. В 1599 г. портные-русины, протестуя против действий верхушки цеха портных, обвинили противников в том, что они “до нас, русі, прийшовши, з нами, руссю, в Русі

Флоря Борис Николаевич – член-корреспондент РАН, зав. отделом Института славяноведения РАН.

не хочут жити згідно з давніми правами” [2. С. 104]. В проекте обращенной к королю речи, врученной послам “русинов” на сейм в начале 1609 г. (“Лямент альбо мова до короля его милости”) говорилось, что “народ польский” угнетает “русинов” “ярмом над египетскую неволю ... заборонивши нам пожитков и ремесел, обходов вшеляких, чим би только чоловік жив бити могл, того неволен руси на приржоной землі своей руськой уживати, в том-то руськом Львові” [2. С. 102]. Приведенные высказывания ясно показывают и остроту ощущения антагонизма, и осмысление его в среде “русинов” как противостояния двух разных народов.

Отказывая в предоставлении “русинам” полноправного городского гражданства, власти Львова апеллировали к сложившемуся в первой половине XV в. на украинских землях в составе Польского королевства представлению, что самоуправление на магдебургском праве может быть предоставлено только католикам. “Русинам” отказывали в праве на городское гражданство потому, что они “схизматики” [1. S. 100]. В таких условиях противостояние украинских ремесленников и торговцев и польского патрициата приняло также форму религиозного противостояния. Этому способствовало то обстоятельство, что формой организации львовских мещан-“русинов” стало “братство”, коллективно опекавшее православный храм Успения на Русской улице (об образовании Львовского братства см.: [2. С. 24–36]).

Борьба за уравнивание в правах православной и католической церковью стала частью борьбы “русинов” за гражданское равноправие. В соответствии с этим, когда накануне заключения Брестской унии православных мещан – противников унии стали подвергать преследованиям, они восприняли это как продолжение прежней деятельности городских магистратов-поляков, направленной против “русского” народа. Написанное в то время обращение Львовского братства с просьбой о помощи “ко князем и паном и всем православным христианом грецкие веры, народу нашему русскому” открывалось словами “завест давная отновилась в народе польском ту во Львове напротивко народу нашему рускому” [3]. Эти слова, как представляется, могут служить объяснением того, почему события, связанные с заключением Брестской унии, побудили членов братства попытаться осмыслить историю прошлых отношений “русского” и “польского” народов. Такая попытка была предпринята на страницах полемики произведения, написанного одним из членов Львовского братства в начале XVII в.¹ Это сочинение – “Пересторога” (предостережение) имело своей целью информировать православного читателя о событиях, предшествовавших заключению Брестской унии, раскрыть истинные мотивы действий епископов – инициаторов унии и тем разоблачить перед читателем и этих епископов, и их нечестные методы борьбы с православными. Рассказ о событиях, предшествовавших этому событию, снабжен в “Перестороге” своего рода историческим введением, которое и позволяет судить о том, как в среде, связан-

¹ Изложение событий доведено в этом памятнике до 1600 г. Упоминание в нем о смерти протосинкелла Никифора, скончавшегося в 1605 г. [4. С. 46] позволяет датировать время написания памятника первым десятилетием XVII в. Все исследователи признают связь этого произведения с Львовским братством. Его наиболее вероятным автором был участник православного собора в Бресте 1596 г., тесно связанный с братством священник Андрей, в последние годы жизни “наместник львовский”, скончавшийся между 1609 и 1612 гг. [5. С. 45-57].

ной с Львовским братством, представляли себе отношения “польского” и “русского” народов в их историческом прошлом.

Историческое введение открывается характерным замечанием, что на Руси приняли христианскую веру из Византии раньше, “ніжли ляхове з Німець римськую” [4. С. 26]. После принятия христианства князья построили храмы, украсили их “злотом, перлами и дорогим камінням”, “книг великое множество языком словенским нанесли”, но не построили школ. Все это привело к тому, что люди, не приобщенные по-настоящему к ценностям христианского мировоззрения, разделили между собой государство и стали вести междоусобные войны, обращаясь за помощью к соседям – полякам, венграм и литовцам, которые воспользовались этим, чтобы овладеть русскими землями. Уже здесь выступает такая характерная черта этих соседей, как коварство [4. С. 26, 27].

Захватив русские земли, поляки разграбили находившиеся здесь православные храмы, забрав из них золото, серебро, драгоценности. Все это не выходит за рамки обычной характеристики завоевателей, однако автор “Перестороги” специально обращает внимание читателя на то, что кроме того завоеватели забрали из храмов и книги. По его словам, много таких книг собрано в костелах в Кракове, а также в доминиканском монастыре во Львове. При этом автор подчеркивает, что эти книги “замкнени” в “великих склепах”, откуда их “на світ не випустять” [4. С. 27]. Сам способ хранения этих книг ясно показывает, что в отличие от серебра и золота книги, захваченные “по збуренню и осягненню панства руського”, не представляли интереса для завоевателей. Очевидно, они забрали книги и стали хранить их в недоступных местах для того, чтобы “русский народ” и далее находился в темноте и невежестве.

Такие высказывания следует признать тем более показательными, что их появление явно не было результатом наблюдений над соответствующими реальными фактами. Единственное, что могло бы дать основание для подобных утверждений, это арест по приказу церковных властей в Кракове в 90-х годах XV в. славянских книг богослужебного содержания, отпечатанных в типографии Ш. Феоля. Однако важно, что этот единственный уникальный в своем роде факт в той среде, к которой принадлежал автор “Перестороги”, не только запомнился, но и был перемещен в более раннее время, получив расширительное значение, и стал восприниматься как выражение определенной политики.

Важно, что аналогичные утверждения обнаруживаются в тексте найденных И.З. Мыцко схолий на полях рукописи “Бесед Иоанна Златоуста на послание апостола Павла коринфянам” из библиотеки Креховского монастыря. В одной из этих схолий говорится, что поляки забрали из православных храмов “книги, що были учителей великих по грецку и по руску писаные на обличение нечестіа их” и закрыли их в “склепе” “у Крыжи святого за Сандомиром” [6. С. 110]. Ни текстуально, ни по содержанию текст явно не связан с “Пересторогой”, представляя самостоятельную письменную фиксацию общего сюжета.

Очевидно, что в среде, связанной с Львовским братством, общепринятым было убеждение, что при завоевании “русских” земель поляки целенаправленно стремились лишиться восточных славян их православного наследия. Какую цель преследовали такие действия поляков, выясняется из последующего текста “Перестороги”, в котором рассказывается, как и при каких обстоятельствах “русская” православная знать изменила вере своих отцов. Причиной перемен стали поляки, выдавшие за “русинов” своих дочерей, которые знакомили мужей со своим “обычаем” и “науками”. Знатные “русины” “не маючи своїх

наук, у науки римській свої діти давати почали”, после чего эти дети оставили веру отцов, перейдя в католицизм [4. С. 27]. При таком расположении текста читателю “Перестороги” становилось ясно, что данный результат был заранее подготовлен “поляками”, лишившими ранее русское общество доступа к православным “наукам”. Поведение завоевателей оказывается и глубоко продуманным, и особенно коварным. Лишив русский народ своей государственно-сти, они затем лишили его и этнической социальной верхушки. Интересную вариацию к этой части исторических построений автора “Перестороги” составляют рассуждения в послании, отправленном Львовским братством в 1609 г. в г. Новый Константинов. В нем также развивается тема коварства, с которым “ляхи” сумели побудить православную знать изменить вере отцов, хотя их конкретные действия описываются по-иному. Ляхи привлекли “князей и панов” разными “лагодностями (łagodność – мягкость, ласковость) до едности с собою”. Особенно опасным по своим последствиям оказалось заключение Люблинской унии 1569 г., когда “засадил сенаторов русских в совете коронном, надавали им привилеюв”. Затем последовало заключение брачных связей с уже известными последствиями. “Чего не могли учинить силою, то учинили едностью таковою”, – заключал автор послания свой рассказ об отступничестве православной знати [7. С. 331].

Этот вопрос беспокоил и еще одного современника, автора найденных О.А. Фотинским схолий на полях Острожской библии, относящихся к первым десятилетиям XVII в. И он видел главное зло в установлении брачных связей. “Скоро едно, – писал он, – бедный русин ляховицу возмет, то, зараз до Риму от верных отступивши, згинет”, но большое значение он приписывал и усилиям иезуитов, которые “обещали мать, дщер сионьскую, от сынов ея, княжат и панят руского народу, своим злохитрством” [8. С. 78]. Очевидно, что вопрос о том, как и почему православная знать изменила вере своих отцов, оживленно обсуждался в среде православного львовского мещанства, предлагались разные ответы, но общим для них было представление о том, что подобная измена – большое несчастье для “русского народа” и что это результат коварных действий “ляхов”.

Так как люди благородного происхождения “до врядов духовных приходити перестали”, то “православіє гречеськое озимніло”, упадок “наук” продолжался, и “книги тії, що еще їх позостало, порохом припали”. Это состояние упадка было прервано благодаря вмешательству кн. Константина Острожского, воспитанного в православии “з предков своих также княжат кийвських”, который призвал из Константинополя “дидаскалов ку розмноженью наук вірі православної”, строил школы, основал в Остроге академию, где преподавались “науки словенські і грецкі”, и типографию [4. С. 27–28]. Характеристика деятельности Острожского в “Перестороге” не отличается от написанного в сочинениях других православных писателей (автор “Перестороги”, пожалуй, лишь сильнее подчеркивает роль константинопольского патриарха в начинаниях князя), но в сопоставлении с нарисованной в этом сочинении картиной прошлого выступление Острожского должно было восприниматься как акт, направленный против политики “ляхов”, приведшей к религиозно-нравственному упадку “русского народа” в Речи Посполитой.

Затем внимание автора “Перестороги” сосредотачивается на предистории Брестской унии и событиях, последовавших за ней и приведших к религиозному расколу “русского народа” в Речи Посполитой. Мотив противопос-

тавления “поляков” и “русинов” в этой основной части повествования не является главной темой. Однако появление в тексте “Перестороги” такого изображения прошлого никак нельзя считать случайным, так как и в основной части повествования ее автор дважды возвращался к этому сюжету.

Первый раз он сделал это в речи, вложенной им в уста представителя Львовского братства, который на сейме 1598 г. выступил против оправдания униатами своих действий. В самом начале этой речи снова помещена характеристика того состояния общества, в которое оно было приведено действиями “злых соседей”: “справу всю церковную розорвано и зневолюно і [люди] даньми обтяжено, а великих панов науками и способами розмаїтими от церкви виведено, и все поспольство до знищення приведено и убозство намножилося” [4. С. 49]. Здесь характеристика положения дана еще более острая, чем во вводной части: результат деятельности “злых соседей” (а конкретно: поляков) — это не только утрата социальной верхушки, упадок веры и нравов, но и просто обнищание “поспольства”, разоренного тяжелыми налогами.

Еще раз автор возвращается к этой теме в конце повествования о борьбе православных и униатов, и здесь значение введения в общем замысле повествования становится ясным. Прошлое “Руси” выступает как история направленных против нее происков дьявола. Дьявол “изперва меж Руссю забигав, аби православие не коренилося ... наук размножити не допущав”, а затем остатки русской знати “у віру римську привів”. “А нинішнього часу” тот же дьявол воюет против православных “проклятою униєю” [4. С. 66]. Теперь становится ясным, что действия униатов являются продолжением направленных против “русского народа” действий “злых соседей” и что тех и других побуждает к действиям дьявол. Во всем этом построении отсутствует последнее, заключительное, звено: униаты прямо не названы орудием в руках “злых соседей”, направленным против “русского народа”, но все необходимое для такого вывода в тексте “Перестороги” уже содержалось. Характерно, что последней, заключительной характеристике прошлого предшествовала констатация, что в Речи Посполитой православный не может рассчитывать ни получить духовный или светский “уряд”, ни выиграть судебный процесс, ни заключить выгодный брак.

В тексте “Перестороги” тщетно искать какие-либо практические рекомендации, как следует строить отношения с “поляками” в свете приобретенного исторического опыта. Сочинение заканчивается призывом сохранять верность православию, вдохновляясь примером Виленского братства, которое “превратити не могут от православія ні огонь, ні меч” [4. С. 66]. Одну из причин такой сдержанности следует видеть в том, что “Пересторога”, как следует из ее заголовка, предназначалась для широкого распространения среди приверженцев “восточной церкви”. Гораздо свободнее чувствовали себя люди, делавшие для себя, для собственного пользования заметки на полях принадлежавших им книг. Именно среди этих заметок некоторые такие рекомендации и обнаруживаются.

Речь должна идти прежде всего о схолиях на экземпляре Острожской библии. По общему мнению исследователей, автор схолий был высокообразованным светским человеком. Еще более важно, что в них обнаруживается ряд текстуальных совпадений с “Пересторогой”, а это говорит о том, что автор схолий принадлежал к той же общественной среде, что и автор полемического трактата [9. С. 176].

Среди его заметок особенно привлекают внимание комментарии к ветхозаветным текстам, в которых жители древней Иудеи порицались за брачные связи с представителями других народов. Размышляя над этими текстами, автор схолий записал: “Так бы ся годило руси с ляхами быти, не припущати до себе в приятельство, а не в службы брати, а не девок своих им замуж давати, а ни теж себе в них за жоны брати” [8. С. 81]. Если автор “Перестороги” порицал только брачные связи польской и русской знати, то автор схолий выступал по-существу за полный разрыв контактов между представителями двух народов: ни дружеских, ни служебных, ни семейных связей. Мотивы, побуждавшие автора схолий занять такую позицию, выясняются из другой его заметки, где, комментируя ветхозаветный текст, он записал: “То же ныне чинят вторые моавитянки сыном руским – ляховки”. За такое смешение с людьми иной веры Бог покарал Русь так же, как некогда евреев. Он “выдал их тым же ляхом в неволю, що и землю их посели и их за невольники мают, же и веру их в них кгвалтят” [8. С. 82]. Таким образом, в целом отношения двух народов наш автор характеризует, как отношения острого антагонизма, когда один народ находится в “неволе” у другого. Здесь уже без каких-либо недоговорок принуждение “Руси” к смене веры не только рассматривается как результат деятельности “ляхов”, но и само это принуждение оценивается как одно из проявлений того угнетения, которому подвергается с их стороны “Русь”. Разумеется, налицо существенные различия между взглядами авторов “Перестороги” и схолий, но вместе с тем очевидно, что автор схолий делает лишь последовательные выводы из тех посылок, которые содержатся в тексте полемикального трактата.

В “Перестороге” при многочисленных выпадах против “ляхов” нельзя найти отрицательных высказываний о государстве и монархе или верховном органе власти – сейме. Все упоминания такого рода нейтральны или, по крайней мере, сдержанны. Вместе с тем автор настойчиво говорит о мирных способах борьбы, к которым прибегают, добиваясь своих целей, Львовское братство, Константин Острожский, православная шляхта, противопоставляя действия православных актов насилия со стороны униатов. Ту же картину видим и в послании, направленном братством в 1609 г. мещанам Нового Константинова, в котором их призывали, описав сложившееся положение, “зараз на войну выбиратис и у зброю ся духовную дуже прибирати”, так как “не есть наша бран ко плоти, крови” [7. С. 308]. Это, однако, связано, как представляется, прежде всего с предназначением этих текстов для публичного чтения.

Изучение схолий к Острожской библии дает существенно иную картину. Здесь мы находим очень резкие высказывания о лицах, стоящих во главе Польско-Литовского государства, как людях, нарушивших свои обязательства по отношению к православным: король “того не сдержал и его сенаторове. Горе им, яко лгарем и проклятству своему подпадающим” [8. С. 98]. Сам король для автора схолий – орудие в руках папы: “повелевает ныне папеж, брат Навходоносоров з Вавилону крулеви ... полскому и всем, ищо под ним суть” [8. С. 72]. Но может быть наиболее важно, что автор схолий видит выход из сложившейся ситуации в вооруженной расправе с противниками. Так, рассказ I книги Царств о казни пророком Самуилом царя Амалекитян Агага он сопроводил словами: “и ныне бы годно то учинити вызуитом и владыком отступником”, а к рассказу IV книги Царств о истреблении Ииуем потомков царя Ахава он присоединил пожелание, чтобы и в Польше появился подобный прави-

тель, “жебы выгладил потомство Жикгимонтово все, которые веру гвалтит, также и вызуитов, порадников его на тое злое” [8. С. 78, 99].

Разумеется, было бы неосторожно утверждать, что сложившееся представление о взаимоотношениях двух народов разделялось сколько-нибудь широким кругом “русинов” за пределами Львовского братства. Православная шляхта, объединявшаяся вокруг Константина Острожского, недовольная религиозной политикой правительства, явно не смотрела таким образом на прошлое и не относилась ни к государственной власти, ни тем более к польской шляхте, как к враждебным силам, с которыми следует вести бескомпромиссную борьбу. Вероятно, не могла бы столь бескомпромиссно враждебная позиция найти полную поддержку и понимание у украинского мещанства других, менее значительных городов Украины, где положение “русинов” было гораздо более благоприятным, чем во Львове. Кроме того, и само Львовское братство, даже если и воспринимало с пониманием советы автора схолий к Острожской библии, никак не могло им следовать, находясь в большом многоэтничном городе и не имея каких-либо других средств защиты, кроме обращений за поддержкой к православной шляхте или сейму. Положение, однако, изменилось бы, если бы очерченный выше круг представлений стал достоянием иной общественной среды, привыкшей носить оружие и с его помощью отстаивать свои права. В этой связи нельзя не обратить внимание на давно известные исследователям факты миграции во втором десятилетии XVII в. деятелей, связанных с Львовским братством, на восток, в Киев под защиту Запорожского Войска. С этой миграцией связывают превращение Киева в главный центр культурной и религиозной жизни украинского общества. Как представляется, сумма фактов, изложенных выше, дает все основания ставить вопрос, не сопровождалась ли эта миграция переносом выработанных в среде православного мещанства Львова взглядов на отношения между “польским” и “русским” народами в ту новую общественную среду на востоке Украины, где теперь должна была разворачиваться их деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chodyncki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934.
2. *Исаевич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI-XVII ст. Київ, 1966.
3. Monumenta confraternitatis stauropigianae Leopoliensis. Leopoldis, 1898. Т. I. P. 2. NCCC XLIV.
4. Українська література XVII ст. Київ, 1974.
5. *Яремко П.К.* Пересторога – український антиуніатський памфлет початку XVII ст. Київ, 1963.
6. *Мицько І.З.* Ідеологічна боротьба на Україні в XVII ст. і формування та склад бібліотек // Бібліографічна інформація і сучасність. Київ, 1981.
7. *Архив Юго-Западной России.* Акты, относящиеся к истории Львовского ставропигийного братства. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 11.
8. *Фотинский О.А.* Вольнский религиозный вольнодумец XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1905. Кн. 18. Вып. 3–4.
9. *Апанович Е.М.* Полемические записи на полях харьковского экземпляра Острожской Библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1985.

© 2004 г. В. С. ЕФИМОВА

О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА ГРЕЧЕСКИХ ОРИГИНАЛОВ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Как известно, старославянские тексты представляют собой (за очень малым исключением) переводы с греческих оригиналов. Сомнения палеославистов по поводу незначительной части текстов, к которым не найдены (или *пока* не найдены) греческие оригиналы, не меняют дела по существу. В палеославистике факт влияния греческого языка оригиналов на язык славянского перевода, т. е. на старославянский язык¹, считается бесспорным, однако степень этого влияния в разное время и разными учеными оценивалась по-разному. Так, даже в отношении старославянского синтаксиса одно время было "модно" подчеркивать его самостоятельность и независимость от греческого ([2; 3. С. 87; 4. С. 9–10] и др.), затем же стали писать о смешанном, греко-славянском характере его поверхностной структуры [5. С. 80–96; 6. Р. 54]. Тем не менее, объективный научный подход к данной проблеме требует серьезного изучения влияния языка греческих оригиналов на разные уровни старославянского языка, и в частности лексический и словообразовательный, без чего невозможно адекватное понимание и описание процессов формирования и развития первого в истории славян литературного языка.

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых явлений в именном словообразовании старославянского языка, показывающих непосредственную

Ефимова Валерия Сергеевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

* Данная статья написана в рамках работ по Программе ОИФН "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте" по теме "Межязыковые влияния в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект" – 10002-251/ОИФН-01/242-239/110703-1047.

¹ В своем понимании термина "старославянский язык" мы исходим из представления, сформулированного в свое время Н. И. Толстым, об общем для всех славян древнеславянском литературном языке, ранний период которого целесообразно называть "старославянским языком" [1. С. 34–52]. Соответственно "старославянскими рукописями" считаем древнеболгарские рукописи X – начала XI в., язык которых, представляя собой единую языковую систему, бесспорно признается палеославистами языком этого раннего периода (иногда их называют "классическими старославянскими рукописями" или "рукописями старославянского канона").

включенность языка греческих оригиналов в процесс образования слоя старославянской книжной лексики. Работы палеославистов последних лет, особенно Е. М. Верещагина ([7; 8] и др.), а также и наши собственные ([9. С. 249–288; 10] и др.), утверждают нас в представлении о том, что старославянский в качестве литературного языка особого рода, т. е. *средневекового* литературного языка, создавался и развивался непосредственно в процессе переводов с греческого на славянский, притом не только в процессе первичных переводов, но и начатых уже в эпоху старославянского языка (т. е. в IX – начале XI в.) редактирований – крупных и мелких, – когда происходила сверка ("справа") выполненных ранее переводов с греческими рукописями, иногда отличными от тех, которые использовались для первичных переводов. Поэтому при изучении процессов формирования старославянского языка, и в частности словообразовательных процессов, оказывается необходимым включить в их анализ фигуру "древнего книжника", который был не только "носителем" старославянского языка, но и его создателем, творцом рождавшегося именно его усилиями нового литературного языка. Непосредственным же *объектом* нашего исследования, сквозь призму которого постоянно рассматривается нами старославянский материал (а не вспомогательным средством для анализа фактов старославянского языка, что, как правило, практикуется), является язык греческих оригиналов старославянских текстов. Мы продолжаем пользоваться принятым в связи с распространенной практикой исследований термином "греческое соответствие", т. е. слово греческого оригинала, которое переводит та или иная старославянская лексема, но осознаем, что "соответствием" логичнее было бы называть славянское слово.

Задача создания фонда славянской лексики, способной к передаче понятий, принадлежащих к мало известной на то время языческому славянству и еще не освоенной им христианской культуре, т. е. задача создания фонда *книжной лексики средневекового литературного языка*, была одной из важнейших, стоявших перед свв. Кириллом и Мефодием, а также их учениками и последователями, в эпоху возникновения старославянского языка. Ономастические потребности нового литературного языка в обстоятельствах перевода сложных и довольно разнообразных по содержанию греческих текстов во многом удовлетворялись древними книжниками путем использования славянских словообразовательных механизмов. На базе славянских, а иногда и греческих, морфем в ходе конкретных переводов, "по потребности", создавались *книжные слова* для обозначения ранее не известных в славянском мире понятий и реалий. Создавались иногда такого рода новые слова и *для замены* известных и даже используемых в старославянском языке славянских слов, взятых из народной славянской речи, но не удовлетворявших, видимо, древних книжников своей простотой. Эти новые слова являлись неологизмами для языка славянского ареала, и мы будем считать их условно неологизмами и для старославянского языка.

Согласно нашим наблюдениям (изложенные ниже некоторые языковые факты составляют часть от подтверждающего их материала), для древних книжников был важен облик славянского слова, переводящего соответствующее слово греческого оригинала: славянское слово должно было быть "достойным" выполнения своей функции и выглядеть не хуже греческого (т. е. быть достаточно сложным и книжным). При собственно деривации заметно их стремление использовать "яркий" продуктивный аффикс, состоящий материально из выразительной последовательности фонем, четко воспринимаемой древним книжником как значащая часть слова. В отношении структуры книжных слов

можно также заметить следующее: чем ближе был морфемный состав используемой или специально создаваемой для конкретного перевода славянской лексемы к морфемному составу греческого соответствия, тем более он удовлетворял древнего книжника. Следование этому принципу нарастало по мере становления и развития старославянского языка, и книжники Преславской школы придерживались его более "старательно", чем славянские первоучители свв. Кирилл и Мефодий².

Цель приближения морфемного состава славянского слова к морфемному составу греческого соответствия достигалась, как правило, поморфемным калькированием – полным или частичным. Роль калькирования в формировании фонда старославянской лексики стала предметом исследований палеославистов еще в начале прошлого века. Уже В. А. Погорелов в известной работе 1925 г. "Латинское влияние в переводе Евангелия" на с. 10 привел примеры поморфемных калек, появившихся в славянском переводе, как он считал, под влиянием латинской Вульгаты [12]. Позднее К. Шуманном были сформулированы теоретические принципы классификации калек в старославянском (в его терминологии – древнеболгарском) языке, и в работе 1958 г. "Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen" был дан довольно значительный перечень греческих калек разного рода, извлеченных им из старославянских рукописей [13]. В евангельских старославянских кодексах греческие кальки были более подробно исследованы Н. Молнаром [14; 15]. В настоящей статье мы не будем останавливаться на анализе обычного поморфемного калькирования в старославянском языке, частично уже описанного (хотя далеко не в полном объеме), но обратим свое внимание на менее очевидные случаи непосредственного "вмешательства" языка греческих оригиналов в образование лексем книжного характера.

Среди производных старославянских существительных одним из наиболее распространенных считается тип лексем с суффиксальным комплексом *-ъnik-* (и *-enik-* в качестве его "варианта"), где словообразовательный суффикс *-ik-* сочетается с суффиксом прилагательных *-ъn-* (и суффиксом страдательных причастий *-en-* соответственно)³. Р. М. Цейтлин, давшая в свое время достаточно подробное описание старославянских существительных "с формантами" *-ъnik-* и *-enik-*, считала, что "данные слова не являются кальками греческих слов"⁴ [17. С. 94]. Действительно, существительные этого типа, в отличие от лексем многих других именных типов, почти не используют в своем образовании морфем греческого происхождения (за исключением, по-видимому, только сущ. **клиросъникъ** [kliros-ъnikъ]⁵ 'клирик', где в качестве корневой морфемы славянского слова использовано греч. κληρος 'клир'), однако при ближайшем рассмотрении данной группы лексем в ряде случаев обнаруживается полное или частичное поморфемное калькирование. Например, такой

² См. об этих различиях в переводческих принципах у Д. Ивановой-Мирчевой [11. С. 38–39].

³ Уже в эпоху старославянского языка комплекс *-ъnik-* стал в ряде случаев функционировать в качестве единой словообразовательной морфемы. Это было отмечено еще А. Мейе, который писал, что "образовался суффикс *-ъnikъ*, выступающий как единый элемент" [16. С. 290].

⁴ Среди "суффиксальных существительных", содержащих комплекс *-ъnik-*, Р. М. Цейтлин не рассматривает двукорневые лексемы. Последние, представляющие собой в ряде случаев беспорные кальки, не анализируем в данной статье и мы.

⁵ При разъяснении морфемной структуры слова в квадратных скобках даем транслитерацию старославянских лексем латиницей.

гапакс⁶ Синайского евхология, как **нездреченьникъ** [neizdrečěny-ikъ] ‘неизъяснимое существо’ (Евх 56а 11) образован от прил. **нездреченьнъ** [neizd-řeč-en-ьнъ] ‘невыразимый словами, непостижимый’, калькирующего греч. ἀνέκφραστος [ἀν-έκ-φρασ-τ-ος].

Видимо, не обошлось без греческого влияния и при создании гапакса Клоцова сборника (Клоц 11b 11) **съставьникъ** ‘заступник, защитник’, переводящего греч. συνήγορος. Формально, казалось бы, производящую основу для этого существительного могло дать сущ. **съставъ** [sъstav-ъ] (Евх, Супр) или гл. **съставити** [sъstav-iti] (Син, Евх, Супр). Однако семантика этих слов далека от значения сущ. **съставьникъ** ‘заступник, защитник’: **съставъ** имеет значения ‘существо, организм’, ‘ипостась’ и ‘элемент, первоначало, т. е. στοιχεῖον’, а гл. **съставити** – ‘образовать, устроить, составить’. Очевидно, семантика ‘заступничества’, связанная в греческом оригинале со значением речи (ср. однокоренные с συνήγορος букв. ‘говорящий заодно’ глаголы ἀγορεύω, ἀγορεύω, приобретшие в греческом значении глаголов речи), в ст.-слав. **съставьникъ** шла от значений гл. **ставити**, видовая пара которого **ставлати** [stavlati] показывает в пределах старославянских рукописей значение ‘наставлять, поучать’ в соответствии с греч. πείθειν, ἐλέγχειν (Супр 203,14–15; 508,20). Таким образом, префикс съ- в ст.-слав. **съставьникъ** [sъ-stavьnikъ] оказывается калькирующим префикс συν- при переводе συνήγορος греческого оригинала, а корневая морфема -stav- – корневую морфему -αγορ-, претерпевшую на почве греческого языка развитие семантики от ‘связанного с (рыночной) площадью’ к ‘публичной речи, в том числе и защитника’.

Надо полагать, что семантику ‘совместности’ префикса συν- в греч. σύνοικος призван был передавать калькирующий его префикс u- в ст.-слав. сущ. **удворьникъ** [u-dvorynikъ] ‘тот, кто живет вместе, рядом; *перен.* спутник’, гапаксе Супрасльской рукописи. Формально источником производящей основы для udvorynikъ мог бы считаться гл. *udvoriti sę, не зафиксированный в пределах старославянских рукописей. Однако, судя по его значению в других древнейших славянских рукописях (см. [18. Т. III. С. 1148]) и значению его видовой пары – глаголу **удварати сѧ** [udvarati sę] ‘пребывать, находиться’, употребленному в тексте Зографского евангелия (перевод греч. ἀλλήζεσθαι), этот глагол не имел семантики ‘совместности’. С другой стороны, старославянский префикс u-, хотя и гораздо реже, чем префикс съ-, использовался древними книжниками для перевода греческого префикса συν-. Ср., в частности, в ряде глаголов: **у҃гнѣтати** [u-gnĕtati] – συνθλίβειν, συμπίγνυειν (где συμ- – алломорф морфемы συν-), **у҃вѣзати** [u-vezati], **у҃вѣзнѣти** [u-veznĕti] – συλλαμβάνειν (где συλ- – алломорф морфемы συν-), **у҃слаждати** [u-slaždati] – συνήδειν, **у҃тискати** [u-tiskati], **у҃тѣщати** [u-tĕšťati] – συνέχειν, **у҃тѣкнѣти** [u-tĕknĕti] – συναντᾶν.

Влияние языка греческих оригиналов нельзя не отметить и в образовании такого гапакса Супрасльской рукописи, как **прѣдъборьникъ** [prĕdъ-bor-ьnikъ] ‘борец на переднем крае’ (Супр 99,27–28), где префикс прѣдъ- переводит префикс про- в греч. πρόμαχος. Однако в этом случае в лексическом фонде старославянского языка в результате, скорее всего, параллельного калькирования возникла своеобразная словообразовательная пара: **прѣдъбороти** [prĕdъ-boroti] – **прѣдъборьникъ**, так как, хотя гл. **прѣдъбороти** не встречается в пределах старославянских рукописей, он отмечен в “XIII словах Григория Назианзина”

⁶ Термин “гапакс” происходит от греч. ἄπαξ, т. е. “однажды употребленный”.

XI в., рукописи, восходящей к старославянскому протографу, где употреблен в соответствии с греч. *προπολεμῆϊν* (и где *ргѣдъ* – также переводит префикс *про-*) [18. Т. II. С. 1634].

Более проблематична доказательность непосредственности греческого влияния в образовании ряда существительных с комплексом *-ьпik-* и отрицательным префиксом *не-*. В сущ. *неджжъникъ* ‘больной’ и гапаксе Супрасльской рукописи *ненавистъникъ* ‘ненавистник’, переводящих соответственно греч. *ἄρρωστος* и *μισάνθρωπος*, префикс *не-* не связан с влиянием греческих соответствий (хотя в *ἄρρωστος* начальное *α-* и является отрицательным префиксом): формально образованные от прил. *неджжънъ* и *ненавистънъ*, они мотивированы славянскими существительными *неджгъ* ‘болезнь’ и *ненависть* ‘ненависть’. В образовании же гапаксов Супрасльской рукописи *некъънижъникъ* ‘неученый человек’ и *непричастъникъ* ‘непричастный к чему-либо человек’ греческий префикс *α-* сыграл свою роль: в обоих случаях мы имеем дело, видимо, с чистой префиксацией, так как префикс *не-* “добавлен” к высокочастотным по меркам старославянского языка существительным *къънижъникъ* ‘знаток закона, книжник’ (более 100 употреблений в пределах старославянских рукописей) и *причастъникъ* ‘соучастник, сопричастник; участник’ (21 употребление), а переводят они греческие лексемы с отрицательным префиксом *α-*: *ἀγράμματος* (букв. ‘неграмотный’) и *ἄμορος*. (букв. ‘лишенный доли’). Так же, как и упомянутый выше гапакс *неиздреченьникъ*, образованы от прилагательных, калькирующих греческие соответствия, гапакс Супрасльской рукописи *неподобъникъ* ‘безбожник, негодный человек, развратник’ и более частотное (6 употреблений) *неправъдъникъ* ‘несправедливый, неправедный человек’. Оба существительных образованы от прилагательных *неподобънъ* ‘безбожный, бесчестный, развратный’ (в одном из значений) и *неправъдънъ* ‘несправедливый, неправедный’ соответственно и, более того, совершенно синонимичны этим прилагательным, употребленным субстантивированно. (Ср. с субстантивированным употреблением прилагательных: *како и ч’сого ради мъчихъ сего неподобънааго* Супр 153,24; *и дъждитъ на праведъныа и неправъдны* Зогр, Мар, *неправедъныа* в Ас.) Оба существительных переводят те же греческие лексемы с отрицательным префиксом *α-*, что и соответствующие прилагательные: *неподобънъ* и *неподобъникъ* – греч. *ἀνόσιος*, где *ἀν-* – алломорф префикса *α-* (в Супр 153,24 прил. *неподобънааго* переводит греческое прил. *ἀνόσιος* в суперлативе: *τὸν ἀνοσιώτατον*), а *неправъдънъ* и *неправъдъникъ* – греческое прил. *ἄδικος*. Не случайно также пять из шести зафиксированных в пределах старославянских рукописей лексем с комплексом *-ьпik-* и префиксом *без-* (алломорфы *bes-* и *be-*) соответствуют употребляемым субстантивно греческим прилагательным с префиксом *α-*: *весохрамъникъ* [*be-xramъpikъ*] ‘человек без крова’ – *ἄοικος*, *вестоудъникъ* [*be-studъnikъ*] ‘бесстыдник’ – *ἄφρων*, *беззаконъникъ* [*be-zakonъnikъ*] ‘тот, кто преступает законы, преступник’ – *ἄνομος*, *безградъникъ* [*be-gradъnikъ*] ‘человек без родины’ – *ἄπολις*, *безмъздъникъ* [*be-mъzdъnikъ*] ‘бессребреник’ – *ἀνάργυρος* (алломорф *αν-*). И только гапакс Клоцова сборника *безоумъникъ* [*bezumъnikъ*] ‘неразумный человек’ переводит греч. *πανόθλιος* букв. ‘глубоко несчастный’, а не лексему с начальным отрицательным префиксом, хотя вполне возможно, что употребление лексемы *безоумъникъ* в Клоцовом сборнике не было первичным, а результат калькирования греческого соответствия с префиксом *α-* *ἄφρων* либо *ἀγνώμων* остался в той части старославянских текстов, которая до

нас не дошла⁷. Отметим при этом, что при соответствии греческого и славянского префиксов способы словообразования этих лексем были различны: **вестоудьникъ**, **везаконьникъ**, а также и **везоумьникъ** образованы с помощью суффикса **-ik-** от соответствующих прилагательных **вестоудьнъ**, **везаконьнъ**, **везоумьнъ** путем суффиксации, а **весхрамьникъ**, **везградьникъ**, **везъмьздьникъ** – видимо, префиксально-суффиксальным способом на основе соответствующих сочетаний генитива существительных с предлогом (и, следовательно, с использованием комплекса **-nik-** в качестве цельного форманта), так как прилагательные ***besxramьnъ**, ***bezgradьnъ**, ***bezъмьздьnъ** в древнейших славянских рукописях не отмечены.

Интересный пример влияния языка греческих оригиналов на образование лексем с комплексом **-nik-** представляет ряд существительных с префиксом **съ-** **съпоспѣшьникъ**, **съпричастьникъ**, **съприньникъ**, **състольникъ**. В отличие от таких существительных, как **съборьникъ**, **съдѣнствьникъ** и под., где префикс **съ-** является частью производящей основы (**съборьникъ** образовано от прил. **съборьнъ**, которое в свою очередь мотивировано существительным **съборъ**; **съдѣнствьникъ** – от сущ. **съдѣнство**), в рассматриваемых лексемах префикс **съ-** не только соответствует префиксу **συν-** в словах греческого оригинала, но является как бы лишним, искусственно добавленным в подражание греческому слову, так как в старославянском языке существовали слова с тем же значением, но без этого префикса. Так, **съпоспѣшьникъ** ‘помощник’, переводящее греч. **συνεργός**, употребляется в Супрасльской рукописи наряду с сущ. **поспѣшьникъ**, имевшим то же значение; **съпричастьникъ** ‘соучастник’ переводит в Супрасльской рукописи греч. **συκοινωνός** и **συγκληρονόμος** (где **συ-** – алломорф морфемы **συν-**), хотя в старославянских рукописях было довольно широко распространено сущ. **причастьникъ** (21 употребление) с тем же значением, переводящее греч. **κοινωνός** и **μέτοχος**. Сущ. **състольникъ** также переводит в Супрасльской рукописи греческие слова с префиксом **συν-** – **σύνεδρος** и **συνκάθεδρος**, и хотя сущ. **стольникъ** не встречается в кругу дошедших до нас старославянских рукописях, вероятность наличия его в старославянском языке высока, так как оно встречается в древнейших славянских списках XI–XII вв. со старославянских протографов [18. Т. III. С. 518; 20. Т. IV. С. 168], притом это списки разных произведений и относятся как к древнерусскому, так и к болгарскому изводам, что увеличивает возможность принадлежности лексемы лексическому фонду старославянского языка (см. об этом [21. С. 462–470]). Характерно ошибочное написание в древнейшем Охридском списке Апостола хорошо, видимо, знакомого древнему книжнику слова **стольникъ** вместо непонятного для него **стикъ**: **Ѡ столъникъ философъ** при переводе **τῶν Στοϊκῶν φιλοσόφων** (Деян 17,8). Сущ. **съприньникъ** ‘соучастник’ дважды встречается в Супрасльской рукописи в соответствии с греч. **συμμέτοχος** (где **συ-** – алломорф морфемы **συν-**). Значение ‘соучастник’ имеет и греч. **μέτοχος**, без префикса **συν-**, но префиксальное в свою очередь: **μέτ-οχος**. Следовательно, ст.-слав. **съприньникъ** [sъ-ргі-іньнікъ] формально повторяет двупрефиксную структуру греч. **συμμέτοχος** [сум-мѣт-οχος], при этом сущ. **приньникъ**, хотя и не встречающееся в

⁷ При исследовании как лексической, так и словообразовательной системы старославянского языка необходимо учитывать, что дошедший до нас корпус старославянских текстов представляет собой лишь небольшую часть того, что было реально написано на старославянском языке (см., например, [19. 68–70]).

пределах старославянских рукописей, известно по древнейшим спискам со старославянских протографов и отмечено нами, в частности, дважды в Изборнике 1073 г. (7в 8; 192б 27) и четыре раза в "Богословии" Иоанна Экзарха (24б; 56а; 241а; 261б; 278б; 292б). Таким образом, образование лексем **съпо-спѣшьникъ**, **съпрнчастьникъ**, **съприньникъ**, **състольникъ** особенно наглядно подтверждает тезис о стремлении древних книжников специально создавать лексемы с морфемным составом, наиболее приближенным к морфемному составу "греческого соответствия", даже при наличии в их распоряжении старославянских книжных слов с нужным значением.

Калькирующим греческий префикс **συν-**, хотя и не "лишним", а добавляющим к суш. ***въздръжьникъ** семантику 'совместности', представляется и префикс **съ-** в суш. **съвъздръжьникъ** [съ-въздръжьникъ] 'сподвижник, тот, кто вместе с кем-либо ведет жизнь аскета', гапаксе Зографских листков, употребленном для перевода греч. **συνασκούμενος**. Суш. **въздръжьникъ** известно по Пандектам Антиоха XI в. – рукописи, восходящей к старославянскому протографу [18. Т. I. С. 356].

Таким образом, более тщательный сопоставительный анализ материала древнейших славянских рукописей и их греческих оригиналов показывает, что степень включенности греческого языка в процесс словообразования существительных, содержащих комплекс **-ьник-**, гораздо выше, чем это может показаться на первый взгляд. Разумеется, не следует видеть пример калькирования в каждом случае изоморфности старославянского слова и его греческого соответствия (или слова любого другого контактировавшего со старославянским языком)⁸, однако если формальная или семантическая структура старославянского слова не находит удовлетворительного объяснения на славянской почве, искать это объяснение в той или иной степени иноязычного влияния представляется правомерным и необходимым.

Замечательный и удивительный по своим масштабам процесс освоения греческих корневых морфем в ходе формирования старославянского фонда книжной лексики наблюдается в сфере словообразования прилагательных. Этот процесс протекал неравномерно в отношении разных словообразовательных типов, но в большей или меньшей мере коснулся всех продуктивных типов прилагательных. В наибольшей степени он захватил образование с суффиксами **-ov-**, **-ev-** и **-ьск-**. Ввиду невозможности в ограниченном объеме статьи привести весь материал по вопросу влияния языка греческих оригиналов на образование прилагательных, рассмотрим с этой точки зрения в качестве примера тип прилагательных с суффиксами **-ov-** и **-ev-** (последний, рассматриваемый традиционно в качестве самостоятельного суффикса, в старославянском языке являлся фактически вариантом суффикса **-ov-**).

Среди 133 прилагательных с суффиксом **-ov-**, отмеченных нами в старославянских рукописях, только 11 лексем образованы от славянских основ, основная же масса старославянских прилагательных этого словообразовательного типа имеет производящие основы греческого происхождения⁹. Тип прилага-

⁸ Ср., например, спорный случай со ст.-слав. **намѣстьникъ**, в котором А. С. Львов видел семантическую кальку с нем. *Statthalter*, которое в свою очередь калькировало латин. *lociservator* или *locutenens* [22. С. 62]. Однако формальная и семантическая структура ст.-слав. **намѣстьникъ** объясняется на славянской почве, что показано в [23. Вып. 22. С. 188].

⁹ Эти основы могут, в свою очередь, принадлежать греческим заимствованиям из древнееврейского, но поскольку непосредственным источником для славянского перевода являлся

тельных с суффиксом -ов- развил в старославянском языке необычайную продуктивность как тип образования прилагательных с притяжательным значением индивидуальной принадлежности. Сфера его применения – образование прилагательных от существительных, являющихся наименованиями лиц, животных, имен собственных, есть также несколько образований от существительных с другой семантикой.

К образованиям с указанным словообразовательным значением от славянских наименований лиц – **пастоуховъ** ‘пастуха’ от **пастоухъ**, **скждьльниковъ** ‘принадлежащий гончару’ от **скждьльникъ**, **съпасовъ** ‘спасителей, относящийся к спасителю’ от **съпастъ**, **жениховъ** ‘жениха’ от **женихъ** – прибавляются прилагательные от наименований лиц, характеризующиеся производящей основой греческого происхождения: **архангеловъ** ‘архангелов, архангела’, **архиреревъ** ‘первосвященника, архиерея’, **дьяволовъ** ‘дьяволов’, **доузовъ** ‘воеводы’, **фараоновъ** ‘фараонов, фараона’, **фарисеевъ** и **фарисѣовъ** ‘фарисея’, **христосовъ**, **хрѣстосовъ** и **хрѣстовъ** ‘Христов, Христа’, и **нгѣмоновъ** ‘правителя’, **патриарховъ** ‘патриарха’, **синагоговъ** ‘принадлежащий архисинагогу’, **тектонновъ** ‘плотников’, которые мотивированы существительными **архангѣлъ** (греч. ἀρχάγγελος), **архиререн** [arxierejъ] (греч. ἀρχιερέυς), **дьяволъ** (греч. διάβολος), **доузъ** (греч. δοῦξ), **фараонъ** (греч. φαραώ), **фарисен** [farisejъ] и **фарисѣн** [farisejъ] (греч. φαρισαίος), **христосъ**, **хрѣстосъ** и **хрѣстъ** (греч. Χριστός), **нгѣмонъ** (греч. ἡγεμών), **патриархъ** (греч. πατριάρχης), **синагогъ** (греч. συναγωγή), **тектонъ** (греч. τέκτων) соответственно. Суффикс -ов- присоединяется здесь, как правило, без изменения твердого конечного согласного производящей основы (arxangel-ъ – arxangel-ov-ъ и др.), либо, в случае окончания производящей основы на -j-, с усечением производящей основы (arxierej-ъ – arxiere-ov-ъ, farisej-ъ – farise-ov-ъ). (Без отсечения -j- основы используется суффикс -ев-, см. ниже.)

К единственному прилагательному с суффиксом -ов- от славянского наименования животного **львовъ** ‘льва’¹⁰ прибавляется целая группа из четырех прилагательных от названий животных с основами греческого происхождения. Три прилагательных образования от существительных, встречающихся в старославянских текстах: **аспидовъ** ‘змеиный, гадючий’ от **аспида** – ἀπίς (Греч. ἀπίδος [ἀπίδ-ος]), **ехидновъ** ‘гадючий’ от **ехидна** – ἔχιδνα [ἔχιδν-α], **китовъ** ‘китовый’ от **китъ** – κῆτος [κῆτ-ος]. Прилагательное же **еродовъ** ‘цапли’ показывает, видимо, пример прямой “включенности” греческого соответствия в образование книжного старославянского слова: мотивирующим существительным для него должно бы было быть *erodъ или *eroda, однако оно не встречалось нам не только в старославянских рукописях, но и в обследованных более поздних, восходящих к старославянским протограммам. Видимо, этот гапакс Синайской псалтыри (в Пс 103,17) был образован в процессе перевода непосредственно от греч. ἐρωδιός, Греч. ἐρωδιού с усечением греческой основы. (Интересно, что в более поздних списках Псалтыри ἐρωδιού переводится вариантом с суффиксом -ев- **еродиквѣ** [erodij-evъ] – с субституцией славянских звуков без усечения греческой основы и добавлением -j-: ἐρωδι-οῦ → erodij-evъ, см. [20. Т. I. S. 582].)

греческий текст, все производящие основы, так или иначе восходящие к греческому тексту, считаем основами греческого происхождения.

¹⁰ Для праславянского языка *львъ является германизмом [23. Вып. 17. С. 105], однако для старославянского языка – это лексема, попавшая в литературный язык из народной славянской речи.

Наибольшую продуктивность суффикс -ov- показывает при образовании прилагательных от имен собственных греческого происхождения: **адамовъ** от **адамъ**, **александровъ** от **александръ**, **аминадавовъ** от **аминадавъ**, **амосовъ** от **амось**, **андреовъ** от **андрен** [an̄d̄reǰь], **андрѣовъ** от **андрѣи** [an̄d̄rějь], **аполоновъ** от **аполонъ**, **арамовъ** от **арамъ**, **ароновъ** от **аронъ**, **артемидовъ** от **артемида**, **асафовъ** от **асафъ**, **авраамовъ** от **авраамъ**, **давыдовъ** от **давыдъ**, **ефремовъ** от **ефремъ**, **елналимовъ** от **елналимъ**, **еноховъ** от **енохъ**, **есромовъ** от **есромъ**, **фаресовъ** от **фаресь**, **филиповъ** от **филиппъ**, **ѳеодоровъ** от **ѳеодоръ**, **ханаановъ** от **ханаанъ**, **игаковъ** от **игаковъ**, **иксеовъ** от **иксен** [iǰeseǰь], **нюдовъ** от **нюда**, **ноановъ** от **ноанъ**, **носифовъ** от **носифъ**, **носновъ** от **носин** [iosijь] или **носиа** [iosija], **продовъ** от **продъ**, **исааковъ** от **исаакъ**, **исоусовъ** от **исоусъ**, **клеоповъ** от **клеопа**, **кононовъ** от **кононъ**, **лазаровъ** от **лазаръ**, **лотовъ** от **лотъ**, **мельхиседекъ** от **мельхиседекъ**, **мосеовъ**, **мосѣовъ** от **мосин** [mosijь], **наасоновъ** от **наасонъ**, **натановъ** от **натанъ**, **наоумовъ** от **наоумъ**, **овидовъ** от **овидъ**, **павъловъ** от **павълъ**, **петровъ** от **петръ**, **пилатовъ** от **пилатъ**, **пионовъ** от **пионъ**, **салмоновъ** от **салмонъ**, **саоуловъ** от **саоулъ**, **савинновъ** от **савинъ**, **семеоновъ** от **семеонъ**, **симоновъ** от **симонъ**, **сумеоновъ** от **сумеонъ**, **воозовъ** от **воозъ**, **закъхеовъ** от **закъхеи** [zak̄x̄eǰь], **зеведеовъ** от **зеведеи** [zevedeǰь], **зионовъ** от **зинонъ**. Для оценки интересующего нас в данной статье вопроса о характере влияния языка греческих оригиналов на словообразование старославянских лексем важно то, что мотивирующие имена собственные для таких прилагательных не всегда встречаются в пределах старославянских рукописей – мы насчитываем 39 таких образований: **адавовъ**, **альфеовъ**, **арфаксадовъ**, **асировъ**, **авимелеховъ**, **елмодановъ**, **еносовъ**, **еслимовъ**, **еверовъ**, **фалековъ**, **филистрионовъ**, **хамовъ**, **наредовъ**, **ировъ**, **исаавовъ**, **кадъмовъ**, **каинановъ**, **касамовъ**, **кореевъ**, **корѣовъ**, **косамовъ**, **ламеховъ**, **лаваановъ**, **маатовъ**, **маннановъ**, **маттатовъ**, **мелеанновъ**, **наанѣовъ**, **нахоровъ**, **наоуѳеовъ**, **рагавовъ**, **роуфовъ**, **семенновъ**, **сероуховъ**, **севъировъ**, **симовъ**, **ситовъ**, **тимеовъ**, **вааловъ**. В этих случаях приходится предположить, что либо мотивирующие их имена собственные имелись в переводах эпохи старославянского языка, но не встречаются в сохранившихся до наших дней старославянских рукописях, либо эти прилагательные, – что, видимо, случалось чаще, – могли быть образованы переводчиком прямо в процессе перевода греческого текста "по потребности", непосредственно от основ греческих имен собственных в тексте оригинала с субституцией славянских звуков.

Для образования прилагательных от географических названий в старославянском языке использовался, главным образом, суффикс -ьск-, однако среди прилагательных с суффиксом -ov- встречаются и несколько лексем книжного характера, образованных от географических названий: **дамасковъ**, **ефремовъ**, **икроусалимовъ**, **норѣдановъ**, **кѣсовъ**, **сионовъ**. Все они имеют производящие основы греческого происхождения, связаны в какой-то мере с притяжательной семантикой индивидуальной принадлежности¹¹, и употребление их в славянском переводе заслуживает особых комментариев. Из этих прилагательных только **сионовъ** встречается в старославянских рукописях многократно. В отношении его значения следует, видимо, учесть, что название горы Сион в сознании древнего книжника было не столько географическим, сколько симво-

¹¹ О такой трактовке семантики прилагательных *iergdanovъ*, *damaskovъ*, *ijerusalimovъ* и *siopovъ* ср. также у А. Вайяна [24. Р. 438].

лизирующим – в качестве обозначения города Давидова – царство Божие на земле и на небе, а в значении прилагательного входило и значение индивидуальной принадлежности к этой реалии. Так, в евангельском и псалтырном тексте прил. **сионовъ** встречается только в словосочетании **дъщи сионова** ‘дщерь Сионова’ (перевод греч. θυγάτηρ Σιών в Мт 21,5; И 12,15 и Пс 9,15), а в Слове Епифания Кипрского на погребение Христово (текст сохранился в Клоцовом сборнике и Супрасльской рукописи) оно как бы входит в название города Давидова: ἐν Σιών τῇ πόλει τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου – **въ сионовѣ градѣ**. **цѣрѣ великаго** Клоц 13b 24 = Супр 450,29. Остальные прилагательные этой группы малочастотны. Прил. **ефремовъ** дважды встречается в Псалтыри в 77-м псалме: в стихе 67 как образованное от имени собственного **ефремъ** (**і колѣна ефремова не избѣра**), а в стихе 9 как образованное от названия города **ефремъ**: **Снѣви ефѣмові** (вм. **ефремові**) ‘сыны Ефремовы’ Син (ср. **дъщи сионова**)¹². Гапак Синайского евхология **норѣдановъ**, хотя и образован от названия реки **норѣданъ**, тоже имеет притяжательное значение индивидуальной принадлежности: τὴν εὐλογίαν τοῦ Ἰορδάνου – **блѣвенне Іерѣданово** Евх 5а 1–2. (Значительно более частотно прилагательное от той же производящей основы с суффиксом -ьск- **норѣданьскъ**, которое встречается в старославянских рукописях 19 раз.) Также притяжательное значение индивидуальной принадлежности имеет и гапак Синайского евхология **икроусалимовъ** – ср.: ὅπως ἴδῃ τὰ ἀγαθὰ Ἱερουσαλήμ – **да оузырнѣтѣ благаа иерлмова** Евх 8а 20. Это – реминисценция Пс 127,5, ср. в Синайской псалтыри: **І оузырниши благаа иилмоу**. (Прилагательное от той же производящей основы с суффиксом -ьск- **икроусалимьскъ** встречается в старославянских рукописях 8 раз.) Гапак **кѣсовъ** употреблен в Пс 82,10 в составе названия канала: ἐν τῷ χειρῶν Κίσων – **въ потоцѣ кѣсовѣ** Син. Очевидно, что это прилагательное было создано прямо в процессе перевода греческого текста Псалтыри “по потребности”, непосредственно от усеченной греческой основы Κίσ-ων. Прил. **дамасковъ** встречается в календарях Ассеманиева евангелия и Енинского апостола в контексте **епискоупъ дамасковъ**. Прилагательного с суффиксом -ьск-, которое было бы образовано от названия города **дамаскъ**, в старославянских рукописях нет. Не исключено, что это объясняется фонетическими причинами – неблагозвучностью и труднопроизносимостью на близком расстоянии двух групп -sk- в прил. *damaskьскъ, если бы такое было образовано¹³. В целом же образование прилагательных с помощью суффикса -ov- от географических названий выглядит как экспансия высокопродуктивного суффикса в несвойственную ему сферу.

О том, что для суффикса -ov- в старославянском языке была характерна экспансия в функциональные сферы других суффиксов, говорит и гапак Саввиной книги в чтении Мт 22,19 **кѣнѣсовъ** – прилагательное, образованное от грецизма **кѣнѣсъ** (греч. κῆνος) ‘налог, подать’. (В других старославянских кодексах – Ассеманиевом и Мариинском евангелиях – употреблено прил. **кѣнѣсьнѣ** с суффиксом -ьп-: **скъладъ кѣнѣсовѣ** Сав – **скъладъ кѣнѣсьнѣ** Мар, Ас.) Интересен также пример “ославянивания” с помощью прилагательного

¹² Старославянские словари дают прил. efreмовъ как единую словарную единицу [25; 20].

¹³ Следует отметить, что суффикс -ьск- в старославянском языке вообще редко присоединялся к основам, имеющим в исходе -s-: из отмеченных в старославянских рукописях прилагательных с суффиксом -ьск- мы можем назвать только три таких лексемы: **ефесьскъ** (efes-ьск-ъ), **неवेशскъ** (nebes-ьск-ъ) и **персьскъ** (pers-ьск-ъ), а также наречие **псьскы** (rys-ьск-у).

с суффиксом -ov- названия кустарника φυτὸν σαβέκ, которое было переведено словосочетанием грѣмъ савековъ, представляющим собой гапак Синайского евхология. Здесь греч. φυτὸν закономерно переведено как грѣмъ 'кустарник', а прил. савековъ было образовано с суффиксом -ov- непосредственно от основы σαβέκ в процессе перевода греческого текста на славянский. Такое "вхождение" прилагательного в состав словосочетания–наименования растения представляется характерным для старославянского языка и имеет свою аналогию в другом наименовании растения, содержащем прилагательное с суффиксом -ov- – джѣбъ... аворовъ 'явор (платан)', что, видимо, провоцируется языком греческого оригинала. Ср. в Супрасльской рукописи: ἐπὶ δένδρῳ πλατάνου – джѣбъ... аворовъ (Супр 18,10).

Суффикс -ev- представлял собой вариант суффикса -ov-, служивший для образования прилагательных с тем же словообразовательным значением, что и у прилагательных с суффиксом -ov-, но присоединявшийся к производящим основам, имеющим в исходе мягкий согласный (в том числе -j-). Основная масса прилагательных с суффиксом -ev- образовывалась от существительных со значением лица и от имен собственных, образования от существительных других семантических групп единичны. Среди последних заслуживает упоминания прил. краниквѣ в составе словосочетания краникво мѣсто < греч. κρανίου τόπος – названия холма Голгофы¹⁴. Так же, как и в упомянутом выше грѣмъ савековъ, греч. τόπος здесь закономерно переведено на славянский как мѣсто, а непосредственно от основы κρανι- греческого сущ. κρανίον 'верхняя часть головы' с добавлением -j- при субституции славянских звуков (т. е. от основы kranij-) образовано прилагательное с суффиксом -ev- краниквѣ.

Так же, как и в типе прилагательных с суффиксом -ov-, очень небольшая часть прилагательных с суффиксом -ev- образована от славянских основ – всего 8 лексем из 32, отмеченных нами в старославянских рукописях. Так же велика доля образований от имен собственных – 20 из 32. К ним можно отнести и прил. издраниквѣ, образованное от названия народа издранилъ (izdraiľ-ь, греч. Ἰσραήλ), так как название народа Ἰσραήλ образовано от имени собственного Ἰσραήλ.

На примере прилагательных с суффиксом -ev- от имен собственных еще более отчетливо, чем на примере прилагательных с суффиксом -ov-, видна манера древних книжников образовывать прилагательные непосредственно от греческих основ при переводе греческого текста оригинала. Только для 9 прилагательных из 20 известны по старославянским рукописям мотивирующие имена собственные: андрѣи [anđrěj-ь] – андрѣквѣ, арии [arij-ь] – ариквѣ, икзекии (греч. Ἰεζεκιήλ) – икзекиилквѣ, илѣи [ilij-a] – иликвѣ, иоанъ [ioan-ь] – иоанѣвъ, исанѣи [isaij-a] – исанквѣ, ноѣ [no-e, греч. Νῶε] – ноѣвъ, салатилъ [salatil-ь] – салатилквѣ, зоровавелъ [zorovavel-ь] – зоровавелквѣ. Заметим, что для производящих основ греческого происхождения при субституции славянских звуков характерно добавление -j- в исходе: Ἀνδρέας (Ἀνδρέ-ας) – anđrěj-ь, Ἄρειος (Ἄρει-ος [ˈari-os]¹⁵) – arij-ь, Ἠλίας (Ἠλί-ας) – ilij-a. От той же основы с усечением может быть образовано прилагательное с суффиксом -ov- – ср.: от anđrějъ – anđrějevъ и anđrěovъ. Наличие таких словообразовательных вариантов свидетельствует об отсутствии в языке устойчивой

¹⁴ Греч. κρανίου τόπος, как известно, само является переводом названия холма Голгофы.

¹⁵ В византийском греческом ετ, а также η, η, οι, υ, υι совпали в произношении с ι – явление, известное под названием "итацизма".

лексемы, об окказиональности создания таких прилагательных "по потребности" в ходе конкретных переводов. О том же свидетельствует и отсутствие в старославянских рукописях соответствующих имен собственных для 11 прилагательных с суффиксом *-ev-*. Эти прилагательные образованы, видимо, непосредственно от греческих основ: *адъднквѣ*, *фаноуилквѣ*, *наннѣквѣ*, *ноанквѣ*, *ноананквѣ*, *малеленквѣ*, *маттатаквѣ*, *маттатиквѣ*, *мельхиквѣ*, *нириквѣ*, *рисиквѣ*. В случае, когда в греческом тексте основа имени имеет в исходе букву *ι* ("иоту"), при субституции славянских звуков добавляется *-j-*: *Ἄδδῖ* – *ad̆di-j-ev̆*, *Ἰανναῖ* – *iannē-j-ev̆*, *Μελχί* – *mel̆xi-j-ev̆*. Добавляется *-j-* в исходе основы и к другим звукам: *Ἰωαννάν* (*Ἰωαννά-v*) – *ioana-j-ev̆*, *Ματαθά* – *mattata-j-ev̆*, *Ῥησά* – *risi-j-ev̆*.

Манера древних книжников образовывать прилагательные непосредственно от греческих основ подтверждается и случаем с прил. *икзеки́нквѣ*, употребленным в Енинском апостоле (Ен 18а 8). Даже при наличии в тексте Синайской псалтыри (и, следовательно, в старославянском языке) мотивирующего имени собственного *икзеки́и* [*ijezekĭj-ь*] (Пс 64,1), образованного от греческого имени *Ἰεζεκιήλ* с усечением основы (т. е. от основы *ἰεζεκι-*), прил. *икзеки́нквѣ* [*ijezekĭjil'-ev̆*] образуется непосредственно от греческой основы *ἰεζεκιήλ-* без усечения.

Как приведенный выше, так и оставшийся за рамками данной статьи, но собранный нами материал показывает непосредственную "включенность" языка греческих оригиналов старославянских текстов в процесс образования книжной лексики старославянского языка. В этом процессе первый в истории славян литературный язык впитывал в себя семантическую амплитуду лексики одного из наиболее богатых и развитых языков в истории мировой цивилизации – греческого языка византийского периода, стремительно приближая свои выразительные возможности к его выразительным возможностям. Явившийся результатом этого процесса явно избыточный корпус неологизмов создавал своеобразный "запас прочности" и давал известную свободу выбора при дальнейшем совершенствовании словарного состава нового литературного языка: одни из этих лексем оставались гапаксами или малочастотными лексемами определенных старославянских памятников, другие же закреплялись в языке и употреблялись в других старославянских текстах, а впоследствии и в различных изводах общего для всех славян древнеславянского литературного языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ас – Ассеманиево евангелие, рукопись X–XI вв.
 Зогр – Зографское евангелие, рукопись X–XI вв.
 Мар – Мариинское евангелие, рукопись X–XI вв.
 Евх – Синайский евхологий, рукопись X–XI вв.
 Ен – Енинский апостол, рукопись XI/XII вв.
 Клоц – Сборник Клоца, рукопись X–XI вв.
 Сав – Саввина книга, рукопись X–XI вв.
 Син – Синайская псалтырь, рукопись X–XI вв.
 Супр – Супрасльская рукопись, рукопись X–XI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
2. Sloŋski S. Die Uebertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1908.

3. *Мещерский Н. А.* О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Теория и критика перевода. Л., 1962.
4. *Куриц И.* Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.
5. *Ружичка Р.* О понятии "заимствованный синтаксис" в свете теории трансформационной грамматики // Вопросы языкознания. 1966. № 4.
6. *Бирнбаум Г.* Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структурных разновидностях старославянского предложения // American contributions to the 6th Intern. Congress of Slavists. V. 1. Linguistic contributions. Hague; Paris, 1968.
7. *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.
8. *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
9. *Ефимова В. С.* К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
10. *Ефимова В. С.* О сочинительных союзах в старославянском языке — где место союзу **а**? // Вербальные и невербальные опоры пространства межфразовых связей (в печати).
11. *Иванова-Мирчева Д., Икономова Ж.* Хомилията на Епифаний за слизането в ада. София, 1975.
12. *Погорелов В. А.* Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы: I. Латинское влияние в переводе евангелия. Bratislava, 1925.
13. *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
14. *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts // Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1964. T. 10. Fasc. 1/2.
15. *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
16. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
17. *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
18. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. В 3-х т. М., 1989.
19. *Ефимова В. С.* О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке // Славяноведение. 1999. № 2.
20. *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1968–1998. T. I–IV.
21. *Ефимова В. С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах. 2001. М., 2002.
22. *Львов А. С.* Из лексикологических наблюдений // Этимология. 1977. М., 1979.
23. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева.* М., 1974 —.
24. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.
25. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой.* М., 1994.

© 2004 г. М.Ю. ДОСТАЛЬ

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К 65-летию основания)

Кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ начала функционировать с сентября 1939 г. (см.: [1–8]). Этому предшествовала полная драматизма борьба за право славяноведения быть включенным в число дисциплин гуманитарного профиля, преподававшихся в советских вузах [9].

В литературе вопроса до недавних пор просто констатировалось, что В.И. Пичета “в 1939 г. возглавил кафедру” или ему было поручено руководство кафедрой. Первым документальным подтверждением ее существования признавалась докладная записка В.И. Пичеты декану исторического факультета А.Д. Удальцову от 9 мая 1939 г. и выписка из протокола о заседании Ученого совета исторического факультета МГУ от 11 мая [4. С. 180–183]. Наиболее основательно освещен вопрос об образовании кафедры в статье А.Н. Горяинова “Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934–1941 гг.)”, где было показано, что с самого начала восстановления исторического факультета МГУ в 1934 г. его преподаватели уделяли некоторое внимание истории южных, западных и восточных славян, готовили дипломников и аспирантов по славистическим темам [8. С. 28–32]. В монографии Е.П. Аксеновой указывалось, что к концу 1930-х годов созрели объективные предпосылки для создания кафедры истории южных и западных славян [9. С. 219]. Думается, что такие предпосылки в определенной мере существовали уже с момента образования факультета, после закрытия Института славяноведения АН СССР в Ленинграде (1931–1934), но не было субъективной составляющей. Не было человека, обладавшего широкой эрудицией, крупного специалиста в области истории славян, пользовавшегося высоким научным авторитетом и обладавшего талантом организатора. Таким человеком смог стать В.И. Пичета (1878–1947), вернувшийся из ссылки в Вятке и Воронеже в Москву в 1935 г. и начавший преподавание в МГУ в 1938 г. В.И. Пичета, человек энциклопедических знаний и эрудиции, к тому времени был известен как крупный специалист по истории Польши и Литвы, опытный профессор (преподавал в Московском университете, на Высших

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

женских курсах, в Белорусском государственном университете) и организатор науки (до своего ареста в 1930 г. и ссылки в 1931 г. был ректором БГУ, имел большие заслуги в организации архивного дела в СССР). Известно, что в МГУ он получил возможность с декабря 1938 г. читать на кафедре истории СССР спецкурс по истории Украины и Белоруссии с древнейших времен до конца 1860-х годов, где большое внимание уделялось украинско-польским и белорусско-польским связям [8. С. 32]. Вероятно, он не раз задумывался о создании славянистической кафедры в МГУ. При этом он хорошо понимал, что в традиционной филологической форме в условиях, когда славянская филология была обвинена в пособничестве фашизму и контрреволюции, а специалисты-слависты попали в списки "врагов народа" и белоэмигрантов [10–13], возрождение этого направления университетской славистики в СССР будет невозможно. С новым политическим обоснованием целесообразно было реанимировать остававшуюся долго в тени славянской филологии историческую славистику. Тем более, что именно она могла дать необходимые основания для борьбы с фашистской идеологией, которая до заключения пакта Молотова–Риббентропа была одной из центральных тем официальной пропаганды. Не следует забывать о поработлении ряда славянских стран фашистской Германией. Недаром в декабре 1938 г. В.И. Пичета писал: "Для того, чтобы разобраться в современной политической ситуации, мы должны быть достаточно хорошо осведомлены в основных моментах истории южных и западных славян" (цит. по: [14. С. 38]).

В.И. Пичета выступил инициатором создания кафедры и сумел заручиться поддержкой весомых в научном и административном отношении коллег на факультете. Именно он раньше других понял, что в конце 1930-х годов в связи с фашистской оккупацией славянских стран славянская тема становится особенно важной, но возрождать следует не весь комплекс славянистических дисциплин (как это пытался сделать Н.С. Державин), а лишь его историческую часть, менее скомпрометированную в глазах научной общественности и властей, более подверженную политизации и внедрению марксистской методологии. Видимо, это обстоятельство нашло понимание при обсуждении вопроса об образовании новой кафедры в ректорате МГУ, в Наркомпросе и в вышестоящих партийных органах. К сожалению, нами пока не найдено таких установочных документов в университетских и партийных архивах (в последних – ввиду закрытости фондов). Как нам удалось установить, первое упоминание о кафедре истории южных и западных славян в документах архива МГУ относится к 23 апреля 1939 г. Тогда в НКП РСФСР, неназванному начальнику ГУВУЗа за подписью и.о. ректора МГУ В.В. Потемкина была отправлена докладная записка, где сообщалось, что "в связи с дальнейшим ростом и развитием отдельных кафедр Дирекция МГУ просит возбудить ходатайство перед ВКВШ" об утверждении ряда структурных изменений в МГУ. На историческом факультете просили утвердить в составе факультета четыре новые кафедры – археологии, этнографии, истории материальной культуры и истории южных и западных славян. Было помечено, что по первым трем кафедрам "принципиальное согласие ВКВШ имеется" [15. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 114. Л. 37]. (Докладная записка о них посылалась в ВКВШ еще 27 января 1939 г.) Следовательно, решение об организации кафедры славяноведения созрело между январем и апрелем 1939 г. Примечательно, что при окончательном решении

об организации названных кафедр на факультете на майском Ученом совете кафедры истории материальной культуры не значилась.

Не случайно, что первый известный сейчас и опубликованный материал о кафедре “Докладная записка В.И. Пичеты декану исторического факультета МГУ И.Д. Удальцову” от 9 мая 1939 г. производит впечатление документа, который обосновывает не предполагаемое, а уже состоявшееся решение. Об этом свидетельствует, в частности, уже начало записки: “Исторический факультет Московского государственного университета, открывая на факультете первую в Советском Союзе кафедру славяноведения, естественно, должен так ее организовать, чтобы она рядом с научно-исследовательской и педагогической работой могла бы заняться подготовкой кадров молодых советских славяноведов-исследователей” [4. С. 180].

Судя по записке, В.И. Пичета мыслил заложить долговечное основание для будущей работы кафедры. Самые трудные вопросы, которые предстояло решить – обеспечение ее кадрами квалифицированных преподавателей по истории славян и славянских языков, подготовка учебных пособий и формирование специальной библиотеки. (Примечательно, что именно эти задачи решали более 100 лет назад первые университетские преподаватели славяноведения в России [16. С. 81–101]).

Штаты новой кафедры, по замыслу В.И. Пичеты, должны были составлять не менее семи человек. Зав. кафедрой – профессор, профессор по истории Чехии, доцент по истории южных славян, четыре преподавателя славянских языков [4. С. 182–183].

Возглавить кафедру предполагал сам Пичета. Он же брал на себя чтение курса по истории Польши. Курс истории Чехии он предложил читать крупному чешскому историку и историку культуры З.Р. Неedly (1878–1962), бежавшему из занятой фашистами Праги и 1 апреля 1939 г. прибывшему в Москву [4. С. 57]. “Он не владеет пока блестяще русским языком, – говорилось в записке, – но говорит на нем довольно свободно, хотя и с большим акцентом. Усвоить русский язык для пр. Неedly не составит больших затруднений. З.Р. Неedly, автор ряда трудов по истории Чехии и двухтомной биографии Ленина, третий том которой был сдан в печать почти накануне захвата Чехословакии фашистами” [4. С. 180]. Труднее было дело с преподаванием истории южных славян. Кандидатура единственного в Москве специалиста по южнославянским языкам А.М. Селищева, видимо, Пичету не устраивала по двум причинам – он был лингвистом, представителем оклеветанной в СССР славянской филологии, к тому же только что вернувшимся из ссылки. Возможно, были и какие-то личные мотивы. Таким образом, привлечение репрессированного филолога-слависта могло скомпрометировать вновь создаваемую кафедру. Но выбирать было почти не из кого. Для чтения курса по истории Болгарии он предполагал пригласить доцента МИФЛИ С.А. Никитина, также бывшего ссылкой. Он, по словам В.И. Пичеты, “занимался историей Болгарии и ему знаком болгарский язык”. К чтению курса по истории Сербии он намеревался привлечь так же подвергшегося репрессиям академика Ю.В. Готье, читавшего подобный курс до революции в университете и на Высших женских курсах в 1911–1917 гг. В штате кафедры предполагалась должность доцента по истории южных славян, следовательно, профессора Готье и Селищев могли быть приглашены только для чтения отдельных курсов.

Четыре штатные единицы должны были составить преподаватели чешского, польского, болгарского и сербского языков, с нахождением которых Пичета не предполагал затруднений, вероятно, рассчитывая на политэмигрантов, работавших в Москве.

В качестве первоочередной задачи кафедры Пичета предлагал объявить о приеме в аспирантуру по специальностям “история южных славян” и “история западных славян”.

Для обеспечения студентов учебными пособиями Пичета наметил подготовить в 1939–1940 гг. сборники документов по истории южных славян (ч. 1) и западных славян (ч. 2) с текстами, небольшим словарем и комментариями для практических занятий по истории славян, где тексты будут даваться в латинском подлиннике и переводах, а греческий будет опущен. (В распоряжении студентов-славистов были учебник “буржуазного” историка М.К. Любавского “История западных славян” (М., 1918), отдельные главы в учебнике “История средних веков” (М., 1938. Т. 1), в хрестоматии по истории средних веков 1935 г. и готовящейся к печати “Истории СССР”.) Писать учебники предполагалось в сотрудничестве с кафедрами истории СССР и новой истории.

Планировалось подготовить к печати краткий учебник-руководство по истории западного славянства, составить небольшие грамматические руководства с текстами и словарем по отдельным славянским языкам (за исключением польского) и небольшую хрестоматию по образцу хрестоматий В.Н. Щепкина и С.М. Кульбакина (с сербскими и болгарскими текстами). Чешскую хрестоматию предполагалось составить заново. В.И. Пичета писал: “Необходимо обеспечить кафедру библиотекой по славяноведению, разумеется, имея в виду фонды б. университетской библиотеки, организовать выписку журналов и новых книг, по истории славяноведения в частности” [4. С. 181]. (Заведующей библиотечным кабинетом много лет была Е.М. Ушакова [17. С. 147].) Кроме того, Пичета предполагал, что новая кафедра начнет научную деятельность с обсуждения научных докладов ее сотрудников и приглашенных специалистов.

Не все намеченное В.И. Пичетой удалось в полной мере реализовать. Но процесс становления кафедры начался. 11 мая состоялся знаменательный в анналах истории кафедры Ученый совет исторического факультета МГУ, на котором произошло ее официальное утверждение наряду с кафедрами археологии и этнографии. С докладом выступил декан факультета А.Д. Удадьцов. Он обосновал необходимость создания кафедры особой политической актуальностью славистических исследований “в условиях разгрома и фашизации Чехословакии” [8. С. 34]. В постановлении, принятом Ученым советом, заведующему кафедрой вменялось в обязанность представить к 13 мая ее учебный план, кадровый состав и нагрузку членов, количество часов спецкурсов и спецсеминаров для включения в общий план исторического факультета. Предписывалось принять З. Неедлы в состав профессоров кафедры, а к 19 мая представить план научно-исследовательской работы. Кроме того, предлагалось открыть прием в аспирантуру с 1939/1940 уч. г. [4. С. 183].

Такой документ В.И. Пичета представил в деканат уже 12 мая 1939 г. В первом полугодии З.Р. Неедлы должен был читать лекции по “Истории Чехии” один раз в пятидневку, во втором В.И. Пичета точно также – “Историю Польши”. На оба курса выделялось 80 часов. Семинар по “Истории Чехии” З.Р. Неедлы планировался также на первый семестр, семинар “Польша накануне восстания 1830 г.” В.И. Пичеты – на второй, один раз в пятидневку.

На них выделялось в общей сложности 80 часов. На преподавание каждого из четырех славянских языков выделялось по 80 часов в течение года. Пичета указывал на необходимость обеспечения работы для двух библиографов и заведующего славистическим кабинетом и выделения 5 тыс. руб. для организации библиотеки и выписки книг и журналов из-за границы [4. С. 181–183].

Разумеется, не все из запланированного удалось воплотить в жизнь, но первые шаги были сделаны. Примечательно, что группа студентов исторического факультета спустя несколько дней после памятного Ученого совета выразила желание специализироваться в области истории славян. В нее вошли четверокурсники И.С. Миллер, И.И. Удальцов, Н.Д. Ратнер, ставшие видными историками-славистами, и др. Они же были первыми дипломниками кафедры [8. С. 33]. Первой аспиранткой кафедры 14 июня 1939 г. зачислили И.М. Тышкевич (Белявскую) [15. Д. 144. Л. 170], проявившую себя, как писал позднее В.И. Пичета, “вдумчивым исследователем, хорошо владеющим марксистско-ленинским методом” (цит. по: [18. С. 121]). Штат кафедры первоначально составили профессора В.И. Пичета и З.Р. Неедлы. В биографических материалах о С.И. Зиниче, хорватском политэмигранте, защитившем в 1938 г. в Институте истории кандидатскую диссертацию “Индустриальные рабочие мира накануне мировой империалистической войны (1908–1914 гг.)”, указывается, что с марта 1938 по декабрь 1940 г. он по совместительству был доцентом кафедр новой истории и кафедры истории южных и западных славян [19. С. 187]. Какие курсы он читал – неизвестно. В первоначальной информации о деятельности кафедры его имя не упомянуто. Доцент С.А. Никитин стал штатным преподавателем кафедры лишь в 1942 г. Лаборантами кафедры были зачислены студенты старших курсов И.С. Миллер и И.И. Удальцов. Вопрос о создании библиотечного кабинета славяноведения обсуждался еще в 1942 г.

Вместо первоначально запланированных курсов В.И. Пичета прочитал годовой курс “История Польши в XIX в.” Ему же самому пришлось в отсутствии специалиста по истории южных славян прочитать спецкурс “История Болгарии до турецкого завоевания” [17. С. 147]. В первом полугодии следующего учебного года он подготовил курс “История Сербии до первой мировой войны” [20. С. 39]. В информации о работе кафедры за первые два года эти курсы обобщенно названы “История средневековой Польши”, “История польского народа в XIX веке”, “История южных славян в средние века” [21. С. 148].

З.Р. Неедлы читал прежде в Карловом университете лекции по эстетике, истории и теории музыки. В 1936–1937 гг. он прочел там два раза на педагогическом факультете свой первый чисто исторический курс “История Чехии XIX–XX веков”. В 1938 г. он задумал написать “Историю чешского народа до 1918 г.” в ответ на измышления фашистской историографии. До вынужденной эмиграции в СССР при содействии сотрудников советского посольства ему удалось сдать в печать только первый том (до конца XIV в.). Таким образом, он, как никто другой в СССР, был хорошо подготовлен к чтению университетских лекций по богемистике. Вместо семестрового курса “История Чехии в средние века” З.Р. Неедлы прочитал в 1939–1940 гг. годовой курс “История чешского народа”, доведя изложение до заключения рокового для Чехословакии Мюнхенского договора (сентябрь 1938 г.) [2; 22; 23]. В информации курсы назывались “История Чехии в средние века” и “История Чехии в новое время” [21. С. 148]. Кроме того, он читал курсы “История Словакии и Закарпат-

ской Украины” и “Введение в славяноведение (Введение в изучение славянства)”. Последний курс стал основой его программной статьи “К истории славяноведения до XVIII в.” [24] и послужил введением к курсу по истории Чехии. Оригинальный курс по истории Словакии и Закарпатья читался им впервые в России (и дореволюционной, и советской). Он предполагал на его основе написать монографию (эта идея была реализована в статье [25]). З. Неедлы прочитал также курс по чешской историографии – один из первых историографических курсов на историческом факультете МГУ [17. С. 147].

Спецсеминары для студентов IV курса были введены с 1939 г. В 1940/41 уч. г. впервые проводились со студентами II курса практикумы (семинары) по истории Чехии и Польши в средние века. Сохранилось известие о подобном практикуме З. Неедлы. Как автор магистерской и докторской диссертаций по истории гуситских песнопений, он, естественно, предложил для семинара гуситскую тему. Неедлы организовал для первых студентов кафедры семинар о предшественниках Я. Гуса. Видимо, по его инициативе, претворяя в жизнь программу В.И. Пичеты, кафедра начала готовить материалы по истории гуситского движения. Неедлы предложил перевести на русский язык один из важнейших источников по истории гуситства “Хронику Лаврентия из Бржезовой” и привлек к этой работе студентов. (Перевод этой хроники был сделан в 1940 г. В.С. Соколовым. Им пользовались как учебным пособием преподаватели, аспиранты и студенты кафедры [26. С. 214]. Он издан с комментариями сотрудников Института славяноведения АН СССР только в 1962 г.)

Как вспоминала Б.М. Руколь, в 1940 г. З.Р. Неедлы организовал на историческом факультете вечер, посвященный гусизму. После интересного доклада он сам сел за рояль. В актовом зале звучала музыка боевого гуситского гимна “Кто вы, божиьи воины?” Все встали [26. С. 215]. Прекрасный лектор, Неедлы “умел воодушевить студентов идеалами героической борьбы гуситов, слушатели ... понимали, что изучают историю поработленного, но не покоренного народа” [27. С. 66].

Предложенная В.И. Пичетой практика чтения научных докладов на заседаниях кафедры вошла в обычное дело не сразу. В известных нам материалах таковые в начальный ее период не зафиксированы. Но профессора кафедры неоднократно выступали с докладами на заседаниях Ученого совета университета и в других аудиториях. Так, З.Р. Неедлы уже в 1939 г. сделал доклад об основных периодах чешской истории, где большое внимание уделил эпохе гуситского движения и национального возрождения [26. С. 212]. В.И. Пичета в лектории МГУ 3 октября 1939 г. прочитал лекцию “Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии” [28. С. 68].

Вопрос с изучением славянских языков решался постепенно. Группы по изучению чешского и польского языков были организованы в 1939/40 уч. г., сербского – в 1940/41. На следующий учебный год планировалась организация группы по изучению болгарского языка. Имена преподавателей, к сожалению, не назывались [21. С. 149].

С осени 1940 г. на первом и втором курсах учились студенты, досрочно выбравшие специализацию по кафедре. Среди них поляк Ю. Боген, словенец Ю. Густинчич, А.Н. Киршевская и др. [8. С. 33]. Преподаватели были довольны успехами своих студентов. Как вспоминала Б.М. Руколь: “В 1939/1940 и 1940/1941 учебных годах на экзаменах по спецкурсам были отмечены блестящие знания студентов. На государственных экзаменах ответы студентов ка-

федры комиссия признала выдающимися» [17. С. 148]. Это важное свидетельство успешной деятельности кафедры. Конечно, в воспоминаниях можно было бы усмотреть некоторую склонность к преувеличениям, свойственную мемуаристам, если бы это не подтверждалось объективными свидетельствами тех лет в студенческой печати, где отмечались блестящие ответы И.С. Миллера и И.И. Удальцова [8. С. 34]. В многотиражке «Первый университет» от 1 ноября 1940 г. сообщалось также о темах курсовых работ тогдашних студентов кафедры. Николаевский писал работу «Гус в историографии славянофилов», Демидов – «Галицийское восстание 1846 г.», В. Зотов – «Национальный вопрос в Австро-Венгрии накануне первой империалистической войны», Е. Хроменко – «Герцен о восстании 1848 г.». В заметке говорилось: «Почти всем товарищам приходится иметь дело с научной литературой на чешском, польском, немецком, французском и других языках» (цит. по: [8. С. 35]). Примечательно, что первые студенты кафедры писали курсовые работы по темам, которые впоследствии стояли в центре внимания последующих историко-славистических исследований. По некоторым из них написаны монографии.

На кафедре истории южных и западных славян применялись новые формы работы со студентами. В 1941 г. состоялись первые защиты дипломных работ, которые ранее на историческом факультете МГУ не практиковались. Сохранились сведения о защите В.С. Билевым работы «Возникновение рабочего революционного движения в Польше и партия «Пролетариат»» (руководитель В.И. Пичета). Наставником трех других дипломников был З.Р. Неедлы. И.С. Миллер подготовил работу «Восстание Костки Наперского 1651 г.», Н.Д. Ратнер – «Мятеж чехословацких легионов в 1918 г.», И.И. Удальцов – «Польское восстание 1863 г. и чешское общество» [4. С. 116]. Все трое «питомцев» Неедлы стали впоследствии известными историками-славистами. Защита дипломных работ на заседаниях кафедры была нововведением славистов. Потом это начинание распространилось на весь исторический факультет. Как вспоминала Б.М. Руколь, «в деканате это мероприятие одобрили и ввели публичную защиту дипломных работ на факультете» [17. С. 148].

В 1941 г. на кафедре специализировалось пять аспирантов (среди них – И.М. Тышкевич-Белявская, Ц.С. Телицына-Бобинская, И.С. Миллер). Последний успел защитить в сентябре 1941 г. кандидатскую диссертацию «Крестьянские движения в Польше в 1651 г.» [4. С. 113] (научный руководитель В.И. Пичета).

К началу Великой Отечественной войны, когда кафедра отметила свое двухлетие, определились общие курсы, спецсеминары, появились первые выпускники и аспиранты, были прочитаны первые научные доклады. Узким местом осталось создание полноценного библиотечного кабинета по славяноведению, не смогли подготовить первоначально намеченные учебные пособия, не было штатного преподавателя по истории южных славян. В заметке студента В. Зотова «Что мешает выполнению курсовых работ», помещенной в многотиражке «Первый университет» 1 ноября 1940 г., указывалось, что кроме плохого обеспечения литературой и наглядными пособиями недостаточно хорошо поставлена учебно-организационная работа – студенты не знают учебного плана и расписания консультаций, за их учебой нет надлежащего контроля (см. [8. С. 34]). Тем не менее, В.И. Пичета имел основание оптимистично заключить: «Двухлетний опыт работы первой и пока еще единствен-

ной кафедры западных и южных славян дает основание поставить вопрос о воссоздании кафедр славяноведения и в других университетах” [21. С. 149].

Великая Отечественная война многое изменила в деятельности молодой кафедры, затронув все аспекты: преобразился состав студентов и отчасти преподавателей, условия работы, идеологические акценты программ лекционных курсов и научных докладов. Не изменилось главное – стремление подготовить квалифицированных специалистов, хорошо владеющих марксистской методологией. “Высокая идейность” и “советский патриотизм” все более акцентировались.

Много трудностей и проблем принесла срочная эвакуация основной массы студентов и преподавателей МГУ из-за прорыва немцев под Москвой в Ашхабад в середине октября 1941 г. и уход многих студентов и аспирантов на фронт. Первый семестр 1941/1942 уч. г. был практически сорван. Так случилось, что профессора кафедры оказались в разных городах: В.И. Пичета с середины октября 1941 по середину июня 1943 г. провел в Ташкенте, З.Р. Неедлы с 15 октября 1941 по 1 марта 1942 г. – в Куйбышеве (подробнее см.: [29]). В автобиографии от 20 мая 1942 г. Неедлы кратко писал об этом периоде: “С 15 октября я вынужден был покинуть Москву и работал в гор. Куйбышеве в Радиокомитете, в Совинформбюро и в группе научных работников, созданной сотрудниками Института истории АН СССР. 1 марта 1942 г. вернулся в Москву” [4. С. 57]. Понятно, что делами кафедры он в тот момент не занимался. Его знания активно использовались в политпропаганде.

В.И. Пичета с сотрудниками Института истории АН СССР оказался в Ташкенте, в то время как основная масса студентов и преподавателей МГУ эвакуировалась в Ашхабад, а затем в Свердловск. (Примечательно, что в МГУ и в отсутствие В.И. Пичеты и кафедры проявлялся интерес к истории славян, характерный для периода Великой Отечественной войны.) В.И. Пичета, по-видимому, преподавал в Среднеазиатском университете. Но никаких свидетельств о попытке возобновления им деятельности кафедры в Ташкенте не сохранилось (см.: [30]). Однако он поддерживал активную переписку со своими учениками и коллегами, внушая им веру в скорую победу и необходимость активно бороться за ее достижение на фронте и в тылу. В письмах 1942 г. М.Н. Тихомирову он писал: “Только вера в великую мощь русского народа вносит успокоение в мою взволнованную и встревоженную душу” и “в конечном итоге победа будет за нами” [17. С. 148]. В эвакуации В.И. Пичета продолжал писать “Историю Польши” в рамках плана сектора славяноведения Института истории АН СССР и включился в подготовку “Истории Узбекистана”. Недостаток педагогической работы по специальности он восполнил активной общественной и пропагандистской работой, распространяя знания о славянстве в массах. Своей аспирантке И.М. Белявской он писал 8 августа 1943 г. уже по возвращении в Москву: «Военный округ в Ташкенте отметил мою лекторскую деятельность “Почетной грамотой”. Ведь я прочел в военных частях почти 150 лекций независимо от времени года, часа и расстояния» [17. С. 149]. Из научных докладов В.И. Пичеты того времени следует отметить следующие: “Польские славянофилы в первой половине XIX в.” (16 марта 1942 г.) и “Планы Наполеона против России в 1812 г.” (5 мая 1942 г.) (см.: [31. С. 228]). Примечательно, что в Ташкенте В.И. Пичета устраивал дома в своей скромной комнате “ученые субботы”, где выступали с сообщениями его

коллеги, эвакуированные академики, признавая бесспорный авторитет и энциклопедическую эрудицию хозяина (см.: [28. С. 70]).

Вернувшийся в Москву из эвакуации раньше В.И. Пичеты З.Р. Неедлы был назначен и.о. заведующего кафедрой. Занятия в университете возобновились с 1 апреля 1942 г. З.Р. Неедлы впервые прочел оставшимся в Москве студентам исторического факультета в 1942/1943 уч. г. курс “Введение в историю южных и западных славян”, который в дальнейшем под названием “История южных и западных славян” был введен как обязательный на всех исторических факультетах советских университетов [32. С. 140]. В.Д. Королюк, слушавший в те годы курсы Неедлы, справедливо писал: “Нужно было обладать огромными знаниями и опытом, чтобы создать университетские курсы, в которых последовательно излагалась история всех больших и малых славянских народов, анализировались особенности их исторического процесса в связи с историей других соседних народов” [33. С. 210]. 9 ноября 1942 г. состоялся Ученый совет исторического факультета МГУ, посвященный 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. З.Р. Неедлы выступил на нем с программным докладом “Задачи изучения в СССР истории славянских народов” [34. С. 113]. Он показал необходимость изучения истории не только больших, но и малых государств и народов, подчеркнул важность изучения влияния Октябрьской революции на славянские народы, считая, что “Октябрь сблизил славянские народы”. Одной из важных проблем тогдашнего славяноведения он считал изучение связей южных и западных славян, а также проблемы единства славянских народов и, в частности, решение вопроса “почему у славян, несмотря на все существующие между ними различия, есть сильное понятие родства между отдельными славянскими народами”, связывая его с особенностями их культуры. Можно согласиться с Б.М. Руколь в том, что Неедлы выступил в докладе за “критический пересмотр ... наследства, оставленного дореволюционным славяноведением”, но никак, по ее утверждению, ни за его положительное “освоение” [34. С. 113]. Это время еще не пришло. Напротив, Неедлы тогда подчеркивал, что советское славяноведение стоит на принципиально новых “советских” (марксистско-ленинских) по сравнению с “буржуазным” основаниях. В заключение он представил несколько романтическую картину “очищения” будущего славяноведения: “Советский Союз и его героическая Красная Армия борются за объединение народов, за их освобождение, и таким должно быть наше славяноведение. Оно должно объединять славянские народы и освободить их от всякого гнета с тем, чтобы отобразить в этом новом свете и их историю, и их культуру, и их сегодняшние задачи, и их завтрашний мир” (цит. по: [22. С. 227]).

С 1942 г. штатным преподавателем кафедры стал доцент С.А. Никитин (1901–1979). В то время он уже был известным специалистом по истории России, проявлявшим большой интерес к истории южных славян, к тому же имевшим солидный опыт преподавания в МИФЛИ. С.А. Никитин начал читать курс по истории Болгарии, а в следующем учебном году студенты прослушали его спецкурс “Международные отношения на Балканах во второй половине XIX в.». Он же впервые прочел общий курс “История западных и южных славян” на заочном отделении исторического факультета [32. С. 140]. С.А. Никитину была поручена подготовка специалистов по истории Сербии и Болгарии. В должности профессора кафедры по приглашению З.Р. Неедлы с 1943 по 1944 г. состоял профессор МГУ М.Н. Тихомиров (1893–1965), крупный специ-

алист по истории России, славянских стран и Византии, который руководил дипломниками и аспирантами [4. С. 95]. И.о. заведующего кафедрой средних веков исторического факультета МГУ крупный историк-медиевист Н.П. Грацианский (1886–1945) в 1942/1943 уч. г. вел в своем научном подразделении спецсеминар по истории полабских славян, в котором участвовали и студенты кафедры истории южных и западных славян (В.Д. Королюк, Г.Э. Санчук и др.) [4. С. 91] На нем изучалась “Славянская хроника” Гельмольда. Кроме того, он прочитал в 1943 г. спецкурс “История борьбы западных славян с немецкой агрессией в средние века” [15. Ф. 9. Оп. 8. Д. 36. Л. 2, 7], и написал брошюру на эту же тему. Он также активно участвовал во многих научных мероприятиях кафедры.

З.Р. Неедлы начал читать в 1942/1943 уч. г. новый курс “Славянские государства в XX веке” и вел семинар по теме “Версальский мирный договор”, который был направлен против “националистической буржуазной историографии” и вызвал большой интерес слушателей. Не менее популярен у студентов был его семинар “Борьба гуситов с немцами”. Как вспоминала Б.М. Руколь, «в общем курсе Неедлы читал историю гусизма так вдохновенно, что почти все студенты на вопрос, что показалось им самым интересным, отвечали – “История гуситских войн”... Лекции З. Неедлы приходили слушать студенты других факультетов и даже других вузов» [27. С. 66–67].

С июня 1943 г. кафедру вновь возглавил вернувшийся из эвакуации В.И. Пичета. По штатному расписанию кафедра располагала одной ставкой профессора, половиной ставки доцента и одной профессорской научно-исследовательской ставкой. Из сохранившегося отчета В.И. Пичеты о работе кафедры за 1943 г. видно, что, несмотря на это, численный состав преподавателей кафедры заметно вырос. Ее членами были З.Р. Неедлы, С.А. Никитин, М.Н. Тихомиров, Н.С. Франич, аспиранты Ц.С. Телицына, В.Д. Королюк. Часть преподавателей находились на почасовой оплате [4. С. 184].

В.И. Пичета начал собирать вокруг себя учеников, разбросанных войной по всей стране. 23 июня 1943 г. он провел первое по возвращении заседание кафедры, утвердившее план работы на 1943/1944 уч. г. В первом семестре того года З.Р. Неедлы по-прежнему читал общий для исторического факультета курс по истории южных и западных славян, а для студентов кафедры – спецкурс по истории чешского возрождения. В.И. Пичета прочел спецкурс о польско-русских отношениях в XIX в., а С.А. Никитин – об истории национального движения на Балканах. В полном объеме преподавание истории южных и западных славян еще не было налажено.

Сохранившиеся данные о тематике заседаний кафедры в 1943 г. свидетельствуют о ее внутренней жизни и интересах. Всего было проведено 14 заседаний: 11 под руководством З.Р. Неедлы и три – В.И. Пичеты. В апреле и декабре обсуждался вопрос о создании в МГУ славянского отделения в связи с образованием на филологическом факультете кафедры славянской филологии. Крепкого союза историков и филологов тогда не получилось. По-прежнему актуальной была организация библиотечного кабинета славяноведения, не решен вопрос о возобновлении преподавания славянских языков. Научная “экспансия” кафедры выразилась в обсуждении вопроса о включении в учебный план кафедры новой истории семинара по истории славян в новое время, а в план кафедры истории СССР – семинара (видимо, М.Н. Тихомирова) по истории взаимных связей России со славянскими народами. Семинары по исто-

рии древних славян на кафедре средних веков уже проводились. Не чужды членам кафедры были и общеуниверситетские вопросы: о кандидатурах в академики и члены-корреспонденты АН СССР, о выдвижении кандидатур на предоставление Сталинской премии [4. С. 185].

Научная работа членов кафедры отражалась не только в лекциях и семинарах, но и в прочитанных на кафедре докладах. Судя по отчету, их было семь. З.Р. Неедлы прочел доклад на тему “Государство Само”, М.Н. Тихомиров – “Киевская Русь и Болгария”. Остальные доклады касались истории XIX в. С.А. Никитин выступил с докладом “Внешняя политика России во время Крымской войны и Балканы”, В.Д. Королук раскрыл тему “Карел Гавличек Боровский в единоборстве с австрийской реакцией 1848–1852 гг”. Особенную активность проявила аспирантка Ц.С. Телицына (Бобинская). Обсуждению ее докладов (“Революция в Познани в 1848 г.”, “Польский вопрос и революция 1848 г.”, отчет об аспирантской работе) были посвящены три заседания кафедры [4. С. 185].

О работе кафедры в 1944/1945 уч. г. почти не сохранилось документальных известий. В архиве МГУ протоколы заседаний того времени не сохранились. Не освещен этот вопрос и в литературе. Реконструировать данный период можно по некоторым косвенным сведениям. В августе 1943 г. В.И. Пичета телеграммой вызывает в Москву И.М. Белявскую (1913–1975), свою бывшую аспирантку. В январе 1944 г. она возвращается в Москву и после трехлетнего перерыва возобновляет и заканчивает свое обучение в аспирантуре. В марте 1944 г. тема ее диссертации определялась как “Русская общественность и польский вопрос в середине XIX века”. В.И. Пичета доверил ей тему, которую прежде разрабатывал в его семинаре Е.Т. Хроменко (он написал курсовую работу “Герцен и польское восстание 1863 г.”, ушел на фронт и к научной работе не вернулся; см.: [28. С. 67]). В окончательном варианте название диссертации И.М. Белявской было сформулировано так: “А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение в 60-х годах XIX века”. Ее она защитила в МГУ в 1950 г. С 1 октября 1944 г. она была зачислена в штат кафедры на должность старшего преподавателя и активно включилась в учебный процесс [35. С. 112]: вела семинары, руководила дипломниками, участвовала в создании общего курса по истории южных и западных славян.

С 1944 по 1949 г. на кафедре по совместительству преподавал византинист Б.Т. Горянов (1897–1977). Он читал часть общего курса (о южных славянах), спецкурсы “Византия и южные славяне” (по которому вел семинар) и “История Черногории” [4. С. 22]. Специалист по новой истории Польши и Югославии В.Н. Кондратьева (1898–1981), защитившая в 1942 г. в Саратове кандидатскую диссертацию “Польское восстание 1863 г. и крестьянское движение в Белоруссии” [36. С. 91] и с 1944 г. работавшая в секторе славяноведения Института истории АН СССР, в 1944/1945 уч. г. читала спецкурс “Крестьянский вопрос в Польше в первой половине XIX века”, вела спецсеминар по истории Сербии в XIX в., руководила дипломником [4. С. 100]. С 1944 по 1965 г. лаборантом кафедры состояла Е.М. Ушакова.

Можно предположить, что основные преподаватели кафедры В.И. Пичета, З.Р. Неедлы (до своего отъезда в 1945 г. на родину) и С.А. Никитин продолжали чтение курсов по истории Польши, Чехии и Болгарии, спецкурсов, руководили аспирантами и дипломниками. В частности З.Р. Неедлы читал тогда общий курс истории южных и западных славян, спецкурс “История Словакии”

и еще в марте 1945 г. принимал экзамены [22. С. 226]. 28 марта 1945 г. состоялся последний Ученый совет исторического факультета МГУ, в котором принял участие чешский историк. Его избрали тогда почетным членом этого Совета. Прощаясь с коллегами, З.Р. Неедлы со слезами на глазах сказал, что “никогда не забудет шесть лет работы в Московском университете и всего того нового, что он там встретил” [22. С. 230]. Здесь уместно сказать, какого выдающегося преподавателя и ученого (с учетом реалий того времени) потеряла кафедра с отъездом З.Р. Неедлы. В.Д. Королюк вспоминал о нем: “Зденек Романович учил высокому искусству исторического анализа и синтеза, учил искусству, проникая в прошлое и внимательно всматриваясь в настоящее, заглядывая в будущее, а его огромный жизненный опыт ученого, которым он охотно делился, давал много материала для раздумий. Огромное впечатление производила даже сама речь его, то пламенеющая гневом, если дело шло о явлениях глубоко противных его натуре, то спокойная и размеренная, но полная скрытой страсти, когда ему приходилось шаг за шагом развивать цепь умозаключений для доказательства того или иного положения” [33. С. 212].

К слову сказать, блестящими ораторскими способностями обладал и В.И. Пичета. В этом отношении они со З.Р. Неедлы удачно дополняли друг друга, определяя высокую планку преподавательского мастерства на кафедре. С.А. Никитин справедливо писал: “В.И. был блестящим лектором. Его умение ярко и красочно обрисовать существо эпохи, характеры и деятельность исторических лиц приковывало внимание слушателей. Колоссальная эрудиция позволяла ему прибегать к неожиданным и запоминающимся сопоставлениям, а огромная память – приводить цифровые данные и цитаты, не справляясь в записи. Даже ответственные научные доклады В.И. часто делал, положив рукопись перед собою, переворачивая ее, но излагал материал устно и в известной мере импровизируя” [37. С. 7].

В 1944–1945 гг. В.И. Пичета планировал силами кафедры подготовить нескольких научных работ: “История русского славяноведения” (совместно со студентами), “История славянских народов” (Пичета, Никитин, Тихомиров), а также источников: Законник Стефана Душана, сербские конституции, документы по польской истории (шляхетские привилеи, привилеи на магдебургское право и др.) [38. С. 109–110]. Эти планы не были тогда реализованы, хотя и нашли отчасти отражение в подготовке перспективного плана на 1946–1950 гг.

Сохранились сведения о темах дипломных работ студентов кафедры. В 1944 г. К.И. Козырина защитила диплом на тему “Общественно-политические взгляды Петра Хельчицкого” (руководитель З.Р. Неедлы). 1945 год был особенно “урожайным” на дипломников – их было 13. М.Н. Тихомиров руководил дипломной работой И.Б. Грекова “Социально-экономическое и правовое развитие г. Вильно в XIV–XVII вв.”. Без руководителей были подготовлены темы по истории XVIII в.: М.Ф. Питак (Столбова) “Конституция 3 мая 1791 г.” и З.В. Шаталова “Крестьянский вопрос в Польше в конце XVIII в. и аграрная реформа Костюшко”. Наиболее привлекательными показались студентам темы по истории славян XIX в. В.И. Пичета был руководителем работ И.А. Воронкова “Декабристы, Кирилло-мефодиевское общество, Н.Я. Данилевский и славянский вопрос”, И.С. Достян “Польское восстание 1863 г. в освещении русской периодической печати”, Е.П. Ратайко “Русские славянофилы и польско-русский вопрос”. В.Н. Кондратьева руководила работой В.Ф. Хуторны “Крестьянская реформа в Польше”. Под руководством С.А. Никитина защи-

тили дипломные работы А.А. Никольская – «Газета “День” и славянские проблемы», К.Л. Васильева (Струкова) – “Политические взгляды Христо Ботева”, Н.П. Белякова (Данилова) – “Внешнеполитические взгляды и деятельность представителей сербской Омладины”. Как видно, многие студенты кафедры были ориентированы на освещение проблем славянской идеи в России. Проблемам истории XX в. была посвящена работа Л.В. Архиповой “Итало-югославский спор на Парижской конференции в 1919–1920 гг.” (руководитель В.И. Пичета), А.А. Мигolini “Национальная политика Польши в Западной Белоруссии” (руководитель В.И. Пичета), Н.Я. Цвейч-Леладзе “Конституция королевства СХС 1921 г.” (руководитель С.А. Никитин) [4. С. 116–117].

Кандидатские диссертации в 1944 г. в МГУ защитили тесно сотрудничавшие с В.И. Пичетой, а потом и с кафедрой, М.В. Миско – “Польское восстание 1863 г.” и С.И. Шкроб – “Восстание 1863 г. и петербургский польский революционный центр” [39. С. 109]. В 1945 г. прошли защиты аспирантов кафедры: Ц.С. Бобинской – “Социально-экономические взгляды Станислава Сташица в эпоху Четырехлетнего сейма” (руководитель В.И. Пичета, оппоненты В.М. Лавровский и В.Н. Кондратьева) и И.В. Козьменко – “Болгарский вопрос и русское общество в период восточного кризиса XIX в.” (руководитель С.А. Никитин, оппоненты В.И. Пичета и Н.М. Дружинин) [4. С. 109, 33].

4–12 июня 1944 г. в МГУ с большим размахом была проведена научная конференция “Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры”. Все факультеты и все кафедры представили доклады о вкладе отечественной науки в мировую в своей отрасли знания. В отчете ректора МГУ за первую половину 1944 г. указывалось: “Основным содержанием докладов были работы русских ученых, явившиеся крупным вкладом в мировую науку и имевшие влияние на дальнейшее развитие ее. Во многих областях мировой науки и техники приоритет важнейших открытий и изобретений принадлежит русским ученым, что было особо отмечено в докладах на конференции” [40. Л. 3]. Это отвечало новому веянию советской идеологии, направленному на превознесение всего отечественного, предвестнику кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом (1946), а затем и с буржуазным космополитизмом (1949). От исторического факультета на конференции с докладом “Русская историческая наука и ее достижения” выступил Е.А. Косминский [40. Л. 20 об.]. От имени кафедры В.И. Пичета подготовил доклад “История южных и западных славян в трудах русских историков”, в котором пытался реабилитировать труды многих дореволюционных славистов [41. С. 69–71]. Подобные взгляды В.И. Пичета высказал в ряде своих статей [42; 43], а также на заседании историков в ЦК ВКП(б) в мае–июне 1944 г. (см.: [44. С. 72]).

11–15 мая 1944 г. на историческом факультете МГУ была проведена конференция “Борьба за морально-политический разгром фашизма и историческая наука”, где выступали А.С. Ерусалимский, А.Л. Сидоров и В.И. Пичета. Последний прочел доклад “Польша и ее отношение к Советскому Союзу” [40. Л. 20 об.].

Важным итогом научной деятельности кафедры стала сессия по истории южных и западных славян, проведенная 17–20 ноября 1944 г. На ней были продемонстрированы приоритетные направления разработок ее ведущих сотрудников и новые методико-идеологические подходы к темам. Открыл сессию доклад З.Р. Неедлы “Само и его государство”, основанный на подроб-

ном анализе латинской хроники Фредегара (единственного письменного источника по этой проблеме) и результатов археологических изысканий. Как отмечала И.М. Белявская, “в отличие от прежней постановки вопроса, сводившей всю историю этого государства к личности Само, профессор З.Р. Недлы остановился на анализе социальных и политических отношений государства Само, которое было политическим союзом славянских племен против внешних врагов. Кратковременность его существования объясняется слабостью внутренних связей и отношений” [45. С. 409]. С особым пафосом было подчеркнуто, что союз славянских племен Само, существовавший в VI в., сыграл большую роль в истории южных и особенно западных славян. Славяне освободились от аварского ига и отразили натиск “франков и германцев” на славянские земли [46. С. 50]. Большое внимание привлек доклад профессора А.В. Арциховского “О средневековом культурном единстве славян”. По заключению В.Д. Королюка, докладчик “на основе обширного археологического и лингвистического материала... показал культурное единство славянских народов в X–XIII вв., живших на огромном пространстве – от Лабы и Дуная до Волхова, Волги, Оки и Кубани”. Причину этого явления профессор Арциховский видел в тесных связях и единстве культурного развития славянских народов, имевших место еще в далеком историческом прошлом. Объясняя это явление, Арциховский указал, что “причины его коренятся в комплексе тесных культурных связей, которые объединяли в X–XIII вв. славянский мир” (цит. по: [47. С. 92]). Профессор Н.П. Грацианский посвятил свой доклад проблеме отношений Карла Великого и славян. Основываясь на анализе существующих источников, он пришел к выводу, что «политика Карла Великого по отношению к западным и южным славянам не была агрессивной, как это стараются доказать фашистские “историки”, что начало захватам славянских земель и так называемому “Drang nach Osten” положили германские императоры саксонской династии» в лице Генриха Птицелова и Оттона I. Именно с этого времени началась ожесточенная борьба славян с немецкой агрессией за свою независимость (см.: [45. С. 409]). Большой интерес вызвал доклад профессора М.Н. Тихомирова “Россия и южные славяне (до конца XVIII в.)”. На основании глубокого анализа русских и южнославянских источников он пришел к обоснованному и новому в то время выводу, что связи России с южными славянами, насчитывавшие не одну сотню лет, “были плодотворными как для одной, так и для другой стороны, и что в действительности они были гораздо крепче и глубже, чем это представлено в литературе”. М.Н. Тихомиров выделил и подробно охарактеризовал четыре периода развития этих отношений. “Период IV–VI вв. характеризуется общностью обычаев у южных и восточных славян. Период VI–XIII вв. характеризуется тесными связями Руси с Болгарией, когда русские походы на Византию были следствием политического союза Руси с Болгарией. В XIII–XV вв., когда над русской землей тяготело татарское иго, Русь испытывает благотворное влияние и помощь со стороны южных славян” (цит. по: [46. С. 51]). “В XVI–XVIII вв., как и в последующее время, сильное русское государство оказывает исключительно благотворное влияние на южных славян, на формирование их национального самосознания, а также оказывает большую помощь Черногории, Сербии и Болгарии в их освободительном движении” (цит. по: [45. С. 409]).

Остальные доклады касались истории XIX в. С.А. Никитин сообщил об истории создания Московского славянского благотворительного комитета.

«Прежде всего он подверг критике господствовавшую до сего времени точку зрения, что “Славянский комитет” является результатом славянофильских затей. Подобная точка зрения, говорит С.А. Никитин, по своей односторонности и предвзятости является неубедительной и ненаучной. Московский славянский комитет, как это явствует из источников, возник по инициативе виднейших деятелей болгарского национально-освободительного движения, видевших в России силу, способную им помочь в борьбе за национальную независимость. Кроме этого, возникновение Московского славянского комитета обусловилось также стремлением русского самодержавия укрепить свои политические позиции на Балканах. С этими реальными интересами обеих стран объективно совпадала деятельность славянофилов, горячих поборников сближения России с южными славянами» [46. С. 52]. Член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета прочел доклад “Польское восстание 1830–1831 гг. и европейские державы”. Он был частью большого подготавливаемого ученым научного труда о Польше и европейской дипломатии с конца XVIII по 60-е годы XIX в. “Богатый фактический материал и тщательный анализ дипломатических документов позволил по-новому подойти к изучению этой проблемы. Польское национально-освободительное движение, вооруженное шляхетской идеологией, претерпевает в XIX в. неизбежное поражение. Будущее за демократической Польшей” [46. С. 52].

Два доклада, прочитанные на сессии, были посвящены историографической тематике. Б.Т. Горянов в докладе “Ф.И. Успенский о взаимоотношениях Византии и южных славян” (написанном по материалам спецкурса “Византия и южные славяне”) осветил научные взгляды выдающегося русского византиста, получившие особую актуальность в то время, поскольку ученый писал о влиянии южных славян на преобразование аграрных отношений и “омоложение” Византийской империи. Профессор З.Р. Нееды в ярком докладе “Чешский историограф Ф. Палацкий” весьма положительно охарактеризовал вклад чешского историка, которого он почитал своим учителем, в дело чешского национального возрождения, что шло вразрез с позднейшими сугубо классовыми характеристиками историографа. «Палацкий – историк-политик – завершил собой период национального возрождения Чехии, когда молодая национальная буржуазия, пережившая период “бури и натиска”, смело бросила вызов воинствующему пангерманизму» (цит. по: [47. С. 92]). Выступивший на заключительном заседании декан исторического факультета профессор С.П. Толстов отметил “интересную и плодотворную работу сессии”, а также указал, что она “является замечательным фактом в жизни кафедры и факультета, так как сессия отразила достигнутые успехи в изучении истории западных и южных славян” [46. С. 52].

Мы не случайно подробно остановились на этой научной сессии (хотя о ней упоминалось в литературе [1. С. 5; 5. С. 192; 35. С. 209 и др.]), стараясь найти у ее хроникеров И.М. Белявской и В.Д. Королюка (по-разному трактовавших содержание докладов, один скорее в академической манере, другая – более политически ангажированно) наиболее точные характеристики затронутых в докладах проблем и подходов к их решению, так как здесь действительно проявилось тогдашнее видение актуальных вопросов славяноведения учеными старшего поколения. Начнем с того, что главное внимание докладчиков было обращено на проблемы средневековья, и они старались показать глубокие корни славянского культурного единства, взаимосвязей славян и “вековую

борьбу” с германской агрессией. В докладах по проблемам XIX в. также прослеживается стремление показать будущее демократическое развитие Польши и “очистить” доброе дело Славянских благотворительных комитетов по установлению связей России с южными славянами от “пагубного” влияния славянофилов, при этом забывая даже о “реакционных устремлениях” царского правительства. Показательно и стремление в историографических докладах положительно охарактеризовать достижения дореволюционного славяноведения и византиноведения, а также в оценке взглядов чешского “буржуазного” историка прежде всего указать на их национальную, антинемецкую доминанту, а не на недостатки “классового подхода” в трактовке истории Чехии. Таким образом, в докладах, прочитанных на сессии, излагавших итоги научной работы ученых старшего поколения, как в капле воды, можно найти отражение господствовавших в конце войны патриотических настроений, допускавших послабление классового подхода в трактовке истории славян. Примечательно, что в лице стоявшего на страже партийной идеологии декана С.П. Толстова такая линия находила тогда поддержку и одобрение.

С 11 по 20 декабря 1944 г. в МГУ состоялась научная конференция, посвященная современным проблемам науки. В работе ее исторической секции принял участие руководитель кафедры В.И. Пичета. 15 декабря он выступил на третьем заседании секции с докладом “Русское славяноведение и текущие задачи”, где изложил историю изучения зарубежных славянских народов в России за последние 110 лет, подчеркнув, что дореволюционные слависты разрабатывали преимущественно проблемы филологии, “отметил необходимость связи изучения западных и южных славян с историей других народов СССР, славянских народов и всемирной историей, показал вклад советского славяноведения в борьбу с фашистской агрессией” [38. С. 106]. В докладе был определен ряд новых проблем, требовавших разработки. Пичета предложил пересмотреть вопрос о становлении и развитии у славян феодальных отношений, выдвинув проблему так называемого омоложения Византии, активно разрабатываемую тогда советскими историками. Он полагал необходимым начать исследование вопросов национально-политического и культурного возрождения славянских народов в XIX в., разработать “вопрос о причинах, помешавших образоваться абсолютной монархии в Чехии и Польше”, изучать “историю Чехословакии, Польши, Югославии в годы, предшествующие Второй мировой войне”. Он заявил, что “Московский университет сыграет огромную роль в изучении южных и западных славян, в подготовке высокообразованных специалистов по истории зарубежного славянства” и выразил надежду, что “в скором времени в стенах университета будут учиться представители всех славянских народов” [48. С. 57–58]. Эта надежда действительно скоро осуществилась.

Кроме участия в конференциях научная деятельность кафедры выражалась в выпуске сборников статей. Удалось опубликовать в то время только один сборник под злободневным названием “Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии”, вышедшем в 1944 г. под редакцией З.Р. Неедлы. Хотя сборник вышел под грифом Института истории АН СССР, но в нем приняли участие многие сотрудники кафедры: В.И. Пичета, З.Р. Неедлы, а также Н.П. Грацианский, У.А. Шустер, С.И. Зинич, Р.К. Караколов. В.И. Пичета так сформулировал основную концепцию сборника: “Авторы наглядно показывают, что возникновение славянских государств – результат

внутреннего развития славянских племен на базе возникновения классового общества. Конечно, следует отметить, что борьба с внешними врагами, которую приходилось вести всем славянским народам, ускоряла процесс формирования славянских государств и в то же время содействовала их политическому развитию” [42. С. 175]. В сборнике с понятным для того времени пафосом доказывалось “извечное” противостояние немецких “агрессоров” и миролюбиво-свободолюбивых славянских народов. “Составители показали, как славянские народы боролись за свою национальную и политическую независимость против немецкой агрессии, стремившейся к порабощению и уничтожению славянских народов” [49. С. 153]. Академик Н.С. Державин, рецензируя сборник, в характерной для военного времени брутальной манере подчеркнул, что это “общедоступное пособие для ознакомления с историей борьбы западных и южных славянских народов против наглых немецких захватчиков, присосавшихся, как отвратительный паразит, к славянскому народу и в течение свыше тысячи лет непрерывно отравлявших жизнь славянских народов грабежами, насилиями и разбоем” [50. С. 82].

В 1945 г. в МГУ был выпущен сборник “Преступления фашистов против исторической науки” [51], который продолжил разработку антифашистской проблематики, начатой в предвоенном издании “Против фашистской фальсификации истории” (М., 1939). В сборнике было опубликовано шесть статей ведущих историков МГУ: С.К. Бушуева “Фашистская фальсификация истории СССР”, В.И. Авдиева “Фашистская фальсификация древней истории”, М.А. Коростовцева “О фашистской фальсификации истории древнего Египта”, А.И. Неусыхина “Исторический миф третьей империи”. Две статьи посвящались славянской тематике: Н.П. Грацианский “Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии на Эльбу” и З.Р. Неудлы “Фашистская фальсификация чешской истории”. Н.П. Грацианский стремился, в частности, показать (и это не оспаривается современными учеными), что «стремление немецких шовинистов и современных фашистов доказать, что немец сражался за Эльбой за культуру и что он нес туда “мир и охрану”, сплошь основано... на лжи, на подтасовке исторических фактов. Завоевание немцами славянской территории сопровождалось не повышением, а понижением и материальной, и духовной культуры славянства», вело к опустошению и разорению края, способствовало убыли населения [51. С. 134]. Историк доказал, что немецкая колонизация не привела к истреблению местного славянского населения. “Часто немцы селились в одной и той же деревне со славянами и смешивались с ними”. То же происходило и в городах. Более того, “часто монастыри, знать и князья (немецкие и славянские) приглашали в качестве колонистов на пустые земли не только немцев, но и славян, которые получали, по-видимому, то же устройство, что и немцы” [51. С. 135]. Ученый подчеркнул, что славянская знать быстро германизировалась, усваивая немецкие обычаи, но основная “масса ... славянства в течение ряда столетий упорно отстаивала свою самобытность, и еще в XVIII в. славянская речь звучала по обе стороны Эльбы” [51. С. 135]. Он пришел к справедливому заключению, что «в общем, вопреки утверждениям некоторых фашистов, говорить о “чистоте” немецкой крови в Бранденбургско-прусском государстве – этом основном ядре империалистической и фашистской Германии – никак не приходится. Население здесь издавна было славянским, в результате германских захватов оно стало славяно-германо-прусским, т.е. смешанным населением; это смешение еще более осложни-

лось массовым притоком в Пруссию позднейших колонистов, между прочим, из Франции (гугеноты)» [51. С. 135].

З.Р. Неедлы в своей статье подчеркнул, что немецкая литература задолго до Гитлера весьма тенденциозно освещала “политическую борьбу чехов за свою независимость” [51. С. 137]. Но особенно пышным цветом фальсификация истории расцвела после превращения Чехии в Протекторат Богемия и Моравия, имея целью обоснование захвата Чехословакии (чтобы вырвать “славянский клин из тела Германии”), физического истребления чехов и подавления их национального самосознания. Перед фашистскими историками были поставлены задачи доказать, что “чешский народ всегда был связан с германской культурой и ничем не связан с Западом и Востоком”, что его культура не имела национальной и славянской самобытности, что Чехия всегда была частью Германской империи и только тогда процветала [51. С. 141]. “Обновленную” в таком духе историю Чехии фашисты намеревались преподавать в чешских школах. З.Р. Неедлы последовательно доказал несостоятельность подобных утверждений, анализируя главные события чешской истории от древности до современности, особый упор делая на период гуситского движения и эпоху национального возрождения. В заключение чешский историк выразил надежду на скорый разгром фашистской Германии. “Советские войска вместе с чехословацкими перешли горные карпатские перевалы и начали освобождение Чехословакии от фашистского ига. Близок час победы объединенных наций над гитлеровской Германией” [51. С. 162]. Сборник, несмотря на свою пропагандистскую направленность, внес несомненный вклад в разоблачение измышлений фашистской историографии и тем самым в антифашистское движение.

Таким образом, к окончанию Великой Отечественной войны кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ пришла с достойными результатами. Были сформированы ее основные преподавательские кадры, разработаны общие и специальные курсы, намечены научные проблемы, получившие детальную разработку. Среди них: «проблемы этногенеза славян, проблемы так называемого “омоложения” Византии славянами-варварами, вопросы об отношениях России с южными славянами, о вековой борьбе славянских народов с немецкой агрессией, о боевом содружестве славянских народов в борьбе с немецким фашизмом и др.» [45. С. 409]. Однако не все ранее намеченные планы удалось реализовать. Остро ощущалась необходимость в учебных пособиях, и решение о написании учебника было принято кафедрой в мае 1947 г. Окончание войны и дальнейшее развитие славяноведения на марксистских основах требовало отойти от разработки национально-патриотических сюжетов и обратить особое внимание на новейшую историю славянских стран, на историю рабочего и крестьянского движения и пр. Но этот переход совершался постепенно. На основе доклада В.И. Пичеты были сформулированы задачи пересмотра и принципиально новой постановки таких проблем славяноведения, как “становление и развитие феодализма у западных славян, вопрос о причинах, помешавших созданию абсолютной монархии в Чехии и Польше, о национально-политическом и культурном возрождении славянских народов, о развитии капитализма, демократическом и рабочем движении в славянских странах и др. Особого внимания заслуживает вопрос о политическом и социальном развитии демократической Югославии, Польши,

Чехословакии и Болгарии и том огромном вкладе, который внес Советский Союз в дело создания их независимости” [45. С. 410].

Научные и педагогические успехи кафедры были бы немыслимы без ее руководителя – В.И. Пичеты, которого, по воспоминаниям преданных учеников, отличали личное обаяние, педагогический такт, чувство товарищества и огромная эрудиция. Он верил в молодежь и учил ее научной смелости. Б.Т. Горянов так писал о Пичете: “... он был чутким, заботливым заведующим кафедрой, которую он пестовал, как любимое дитя. И если кафедра теперь растет и крепнет, то мы ни на минуту не должны забывать, с какой энергией, с какой любовью строил ее основатель” (цит. по: [20. С. 44]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1968. № 1.
2. *Руколь Б.М.* Славяноведение в Московском университете (1939–1941) // Очерки по истории современной науки и культуры. М., 1968.
3. *Воронков И.А.* Изучение истории зарубежных славян в Московском университете // Советское славяноведение. 1970. № 5.
4. Историки-слависты Московского университета. К 40-летию кафедры истории южных и западных славян. Материалы и документы. М., 1979.
5. *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984.
6. 50 лет исторической славистики в Московском университете. М., 1989.
7. *Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х.* К пятидесятилетию кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ (Формирование концепции научной и учебной работы) // Советское славяноведение. 1990. № 2.
8. *Горянов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934–1941 гг.) // Славистика СССР и русского зарубежья. 20–40-е годы XX века. М., 1992.
9. *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
10. *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Советское славяноведение. 1989. № 1.
11. *Горянов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2.
12. *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* “Дело славистов”: 30-е годы. М., 1994.
13. *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения СССР // Славяноведение. 1996. № 6.
14. *Уткина Л.И.* Академик В.И. Пичета – организатор кафедры истории южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987.
15. Архив МГУ.
16. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
17. *Руколь Б.М. В.И. Пичета* – основатель кафедры южных и западных славян 1878–1947 // Ученки об учителях. Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990.
18. *Белявский М.Т.* Учитель и ученики (Из архива И.М. Белявской) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978.
19. *Зинич М.С.* Материалы к биографии С.И. Зинича (1896–1945) // Из истории университетского славяноведения в СССР. Славяноведение в СССР. М., 1983. Вып. 2.
20. *Уткина Л.И.* Академик В.И. Пичета – организатор кафедры южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. Славяноведение в МГУ. М., 1987. Вып. 3.
21. *Пичета В.И., Миллер И.С.* Работа кафедры истории западных и южных славян Московского государственного университета // Исторический журнал. 1941. № 12.
22. *Руколь Б.М.* Зденок Нееды в Московском университете // Зденок Нееды – выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964.
23. *Руколь Б.М.* Педагогическая и научная деятельность Зденека Нееды в Московском университете // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1978. № 3.

24. *Историк-марксист*. 1941. № 2.
25. *Неедлы З.* История Закарпатской Руси до XIV столетия // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1945. Т. II. № 4.
26. *Руколь Б.М.* Проблемы гуситского движения в трудах и выступлениях Зденка Неедлы в 1941–1945 гг. // История и историки. Историографический ежегодник 1980. М., 1984.
27. *Руколь Б.М.* Зденек Неедлы – профессор Московского университета (1939–1945) // 50 лет исторической славистике в Московском государственном университете. М., 1989.
28. *Руколь Б.М. В.И.* Пичета – педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян. Новые архивные материалы // Историческая славистика в МГУ. 1989–1999. М., 2000.
29. *Марченко А.И.* Куйбышевский период деятельности Зденка Неедлы // Советское славяноведение. 1974. № 2.
30. *Сказкин С.* Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде // Исторический журнал. 1943. № 2.
31. *Руколь Б.М.* Переписка М.Н. Тихомирова с В.И. Пичетой (1941–1943 гг.) // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983.
32. В.К. Пять лет кафедры славяноведения исторического факультета МГУ // Исторический журнал. 1944. № 10/11.
33. *Королюк В.Д.* Московский период в жизни Зденка Неедлого и развитие советского славяноведения // Зденек Неедлы – выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964.
34. *Руколь Б.М.* К вопросу о научно-педагогической и общественно-политической деятельности З. Неедлы в СССР // Zborník filozofickej fakulty univerzity Komenského. Roč. XXXI. Historica. Bratislava, 1980.
35. *Хайретдинов Х.Х.* Ирина Михайловна Белявская // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989.
36. Работа исторических факультетов университетов в дни отечественной войны с германским фашизмом // Исторический журнал. 1942. № 9.
37. [Никитин С.А.] В.А. Пичета (Некролог) // Ученые записки Института славяноведения. М., 1948. Т. 1 (а).
38. *Карсев В.Г., Уткина Л.И. В.И.* Пичета в Московском университете (Из истории становления советского славяноведения) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
39. О диссертациях, защищенных на Ученом совете исторического факультета МГУ в 1944 году // Исторический журнал. 1945. № 1/2.
40. Центральный муниципальный архив г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 155.
41. *Пичета В.И.* История южных и западных славян в трудах русских историков // Роль русской науки и культуры. Программы и тезисы докладов. М., 1944.
42. *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5/6.
43. *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение // Славяне. 1945. № 7.
44. Письма Анны Михайловны Панкратовой (Публикация Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. 1988. № 11.
45. *Белявская И.М.* О работе кафедры истории западных и южных славян исторического факультета Московского государственного университета в 1939–1947 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1948. Т. 1(а).
46. *Белявская И.М.* Научная сессия по вопросам южных и западных славян 17–20 ноября 1944 г. // Доклады и сообщения Исторического факультета (МГУ). М., 1945. Вып. 3.
47. *Королюк В.Д.* Сессия в Московском государственном ордена Ленина университета имени М.В. Ломоносова, посвященная истории западных и южных славян // Исторический журнал. М., 1945. № 3.
48. *Александров В.А., Попов Б.С., Шмидт С.О.* Работа секции истории конференции Московского ордена Ленина Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, посвященной современным проблемам науки // Доклады и сообщения исторического факультета (МГУ). М., 1945. Вып. 3.
49. *Пичета В.И.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Вопросы истории. 1946. № 10.
50. *Державин Н.* [Рец. на кн.:] Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии / Сб. статей под ред. проф. З.Р. Неедлы. М., 1944. 224 с. // Исторический журнал. 1944. № 12.
51. Ученые записки (МГУ). 1945. Вып. 81. Сборник исторического факультета.

© 2004 г. Р. ФЕРСТЛ

ОБРАЗ ГУСИТОВ И ГУСИЗМА В ТРУДАХ ЧЕШСКИХ ИСТОРИКОВ ЭПОХИ БАРОККО ПОСЛЕ БОГУСЛАВА БАЛЬБИНА

“Ну что на это скажете, вы, многие чашники, зараженные, пропитанные гусиным салом и ересью Гуса, и любыми способами стремящиеся гуситские добродетели облечь в белые перья. О чем я говорю? О том, что вас до настоящего времени в Чехии осталось много, хотя и скрытых, тайных, о чем никто и не догадывается, и правда, что среди этих гусей и гусынь, то есть среди мужчин и женщин, находятся испившие гуситский яд и зараженные им, в чем мы почти ежедневно убеждаемся на опыте” (цит. по: [1. S. 238]). Так, еще в первой половине XVIII в., А. Франтишек де Вальдт (1683–1752) отметил определенную устойчивость гуситских традиций в Южной Чехии. К сожалению, в эпоху “темного времени” интеллектуалы “послебальбиновского” поколения¹ не изучали гусизм комплексно, а, выделяли, прежде всего, его религиозный аспект и личность Яна Гуса как внушающий страх источник поклонения всех еретиков. Гус был воплощением скверны, ведь все остальные заражались именно его ересью. По представлениям католиков, и сам Гус был порождением ереси, ибо он расстраивал планы Господни, и потому нередко отождествлялся с аналогичными библейскими персонажами, о чем свидетельствует рассказ о сне Олдржиха из Рожемберка: “Или, когда пан Олдржих из Рожемберка, самый могущественный и влиятельный из сословия панского в Чехии, коварно обманутый гуситами, лета 1417 начал отходить от католической веры, привиделся ему Христос, проколотый до крови острыми спицами во всем теле, сказавший: “Так меня прокололи причащающиеся хлебом и вином таборитские священники, которые хотят отделить кровь от моей божественной сущности”. Поведав это, он исчез. И тотчас в этом сне привиделся ему Ян Гус (которого он видел живую только один раз), стоящий над каким-то озером и держащий в руках зажженный факел,

Ферстл Роман – д-р философии, научный сотрудник Исследовательского центра по истории науки АН ЧР.

¹ Термин “поколение, пришедшее после Бальбина” взят из статьи В.Черного [2. S. 261–354], где он обозначает “третье поколение историков эпохи барокко” (1680–1710). Необходимо заметить, что ряд сочинений этих авторов выходит за рамки 1710 г. и относится к выделенному В.Черным “четвертому поколению историков эпохи барокко” (1710–1740).

которого с этим факелом сожрал некий пес" [3. S. 131–132] (ср.: [4. № 1. S. 14–24, № 2–3. 105–116]). Строптивного Гуса сожрал "некий пес", следовательно, Гус представлялся идолопоклонником, еретиком, который был наказан за отход от Бога. Таким же способом покарали и прислужницу Ваала Иезавель (2 Книга Царств 9:31–37). Замысел Господень был очевиден: персонаж отдан на растерзание псам в знак страшного поругания, тем самым он осуждался и приговаривался к забвению.

Однозначная черно-белая характеристика и приговор к забвению, проявившиеся в работах историков "послебальбиновского" поколения, не касались всей сложной гуситской проблематики: в то время как Гус однозначно осуждался, образцовое гуситское военное искусство и победы Жижки неприкрыто восхвалялись. Это встречается почти повсеместно, о чем свидетельствует один абзац из небольшого труда Я.Ф. Хаммершмидта, названного по старой поговорке "В Праге счастлив тот, кто богат", где мы читаем, что "в Праге сумасбродствовали! Когда лета 1420 император Сигизмунд с войском в 150 тыс. человек осаждал Прагу, пражане, показывая свою отвагу и силу, в течение всего времени осады, днем и ночью не закрывали городские ворота" [5. S. 9]. Это небольшое сочинение, выражающее интересы шляхты, в котором в хронологическом порядке перечислялись сведения из более ранних авторов о благосостоянии Праги, касается гуситской тематики только в этом месте. Сведения о дальнейших судьбах пражских городов (районов. – *пер.*) в первой половине XV в., принимая во внимание общую направленность сочинения, отсутствуют. Хаммершмидт преувеличивает боевитость гуситской Праги путем гиперболизации силы войска Сигизмунда, подчеркивая тем самым непобедимость чехов. Гордость за военные успехи своего народа Хаммершмидт демонстрирует неоднократно. Так, в сочинении, посвященном истории города Клатова (1699 г.), ясно указывается, что чешский народ прославился тогда именно своим военным искусством: "Так же, как имя чехов подвергалось упрекам и унижениям у других народов из-за отступления от святой католической веры, так, наоборот, и даже более, за искушенность и смелость в боях оно прославлялось и за непобедимую силу в сражениях почиталось". Для подтверждения своих слов, стремясь заставить замолчать скептиков, он продолжает, верифицируя свое суждение: "Пусть читают, веря или не веря, но Сильвий, Авентин, Теобальд, Коэглий, Фабриций и другие немецкие, саксонские, австрийские, венгерские, польские, силезские и другие писатели находят, что неприятельские войска почти всегда побеждались чешским народом" [6. S. 131].

Символом непобедимости гуситов в глазах историков, пришедших на смену Бальбину, стал, прежде всего, Ян Жижка из Троцнова, так как он "сражался с неприятелем, превосходившим его в 13 раз, другие пишут в 30 раз, и всегда побеждал" [7. S. 719–720]. Точно также непобедимость Жижки доказывал Я.Ф. Бецковский, который не ограничивался одной только констатацией, а стремился найти и представить читателям источник побед Жижки. По его мнению, он заключался в гениальности полководца, его тактической искушенности и способности к импровизации: "Когда Жижка встречался с неприятелем, он всегда использовал какую-либо хитрость; иногда он приказывал раскладывать на полях одежды табориток, путаясь в которых лошади неприятеля ломали себе ноги и теряли способность к битве, и тем более к быстрой езде; иногда бросал на дорогу трехгранные "кошки", которые калечили ноги вражеских лошадей. Он применил также новый военный метод,

ибо возы, которых у него всегда бывало несколько тысяч, весьма остроумно составлялись по типу букв или удивительных сигналов, хорошо знакомых крестьянам (как, например, лемех, мотыга, грабли), и когда они слышали название этого сигнала, тотчас так их и ставили, он приучил свой народ организовать в возах проходы, которые были хорошо ему знакомы, но неизвестны врагам. ... Эти возы, когда его воины выступали против неприятеля и иногда были вынуждены отступать вспять, тотчас превращались в лабиринт, если же порой неприятель хотел вклиниться между этими возами, возы собирались вместе, и, защитники, которые в них были, сопротивлялись неприятелю до тех пор, пока воины Жижки вновь не становились в строй и не выбегали из проходов, громя как пехоту, так и конницу" [7. S. 718]. Таким образом, Бецковский сознавал, что успешная тактика гуситских войск была обусловлена, прежде всего, их социальным составом, ибо войско состояло преимущественно из простого населения (крестьян-середняков). Однако он не принимал во внимание значительную диспропорцию между пехотой и конницей, а пехота превосходила последнюю по численности в 10 раз. Поэтому он не объяснил, а только констатировал, что такое количество пехоты было необходимо для действенной обороны против тяжелой и средней конницы не только в сражении, но и в трудных походах. Таким образом, Бецковский, не делая окончательного вывода, суммировал, что основой тактики гуситских войск стали боевые возы, которые на подходящей местности составлялись в укрепления, предназначение которых он объяснил недостаточно точно. Однако то, что он не сообщил об изобретении боевых возов именно Жижкой, с другой стороны, свидетельствует о явной героизации гуситского военачальника, иногда перераставшей в демонизацию полководца, так как Жижка, по мнению историков эпохи барокко, был самым могущественным человеком в королевстве. "Его имя тогда по всей стране почиталось как самое прославленное, его личность внушала страх и ужас" [6. S. 129]. Исключительность Жижки подтверждалась также моравским историком Я.И. Стршедовским, опиравшимся в своих работах на "земский патриотизм" Т. Пешина, для которого знаменитый полководец был "Bohemorum Taboritarum Dux" ("Князем богемских табритов") [8. P. 146] (о личности Я.И. Стршедовского см. [9. S. 115–126]). Хотя термин "dux" можно рассматривать как титул правителя, но, принимая во внимание военную тематику соответствующих глав, мы остановимся на интерпретации военного звания, находя здесь объяснение, которое представляет Жижку предводителем, полководцем или, точнее, главнокомандующим. Чтобы быть до конца понятным, сравним, как Стршедовский называет других известных личностей. Титул "dux" ("Dux") этот историк использовал лишь в тех случаях, когда речь шла о князьях. Титул распространялся, прежде всего, на славянских князей, следовательно, и на правителей из рода Пржемысловцев (Bořivoj Dux (князь Борживой), Boleslaus Dux (князь Болеслав) и т.п.). С этой точки зрения, Жижка является единственной персоной некоролевской крови, которой в сочинении Стршедовского было предоставлено право именоваться титулом "dux". Таким образом, из вышеизложенного вытекает, что хотя мы и переводим титул "dux" в применении к Яну Жижке произвольно, но гуситский полководец будет представляться нам лицом исключительно высокого положения.

Своими действиями Жижка поражал историков эпохи барокко, которые почти отождествляли с ним начальный период гуситских войн. Поэтому основу повествования этих историков о данном времени составляла в основ-

ном судьба Жижки. В массе фактов и событий они, естественно, не могли забыть и об ослеплении полководца, которое, в конце концов, стало хрестоматийным фактом. По мнению Бецковского, Жижка не мог взять замок Раби, “так как при этом он не только потерял много своих бойцов, но также сам в здоровый глаз (так как в то время он уже был слеп на один глаз) 29 марта (1421 г. – *пер.*) был опасно ранен стрелой, из-за чего вскоре ослеп. На башне этого замка (Раби) просматривается фреска: слева Жижка – на коне, облаченный в железные доспехи, в руке у него железный цеп, за ним – несколько вооруженных пехотинцев. На правой стороне этой фрески на башне замка видна фигура некоего пана Пршибика Кочовского, посылающего стрелу из лука, которая летит Жижке прямо в глаз. Краткий разговор, который состоялся у Пршибика Кочовского с Жижкой, записанный нашими предками на память об этом событии на фреске, был таков: “Вот Пршибик говорит Жижке: “Ты ли это, брат Жижка?” Жижка отвечает: “Я”. Пршибик приказывает: “Стреляйте в незащитного!” Пршибик имел в виду лицо Жижки, так как, хотя Жижка был закован в доспехи, лицо у него было открыто, поэтому стрела и попала ему в глаз” [7. S. 678]². Этот эпизод Бецковский заимствовал у Бальбина, хотя мог взять более драматичное изложение истории, представленное у Вацлава Гаека из Либочан, по мнению которого, Жижка был ранен камнем, выпущенным из пращи со стен замка, камень разбил какую-то доску, от нее отскочила щепка и попала полководцу в глаз. Подобное же изложение Бальбина находим, например, у А. Седлачека. Последний, ссылаясь на Бальбина, указывает на существование фресок в так называемой Жижковой башне [10. S. 82–83].

Казалось бы, в своем повествовании Бецковский сочувствует страданиям Жижки, но сдержанность изложения свидетельствует, скорее, о противоположной позиции, о чем говорит и продолжение текста, в котором Бецковский полагает возможным сообщить иную точку зрения остригомского архиепископа Ладислава Залкана, латинские стихи которого, относящиеся к первой половине XVI в., мы приводим в переводе Бецковского: Пред этой башней Жижка ранен был стрелой в здоровый глаз, / Он не сумел взять замок Раби и потерял свой глаз: / Слепой губил свою Отчизну, / Он также истинную веру долго рушил, / А потому и в пекле свой упокой обрел [7. S. 678].

Смерть Жижки предоставила историкам эпохи барокко простор для более детальных портретных описаний личности полководца: “... он был среднего роста, полный и сильный, крепкий в плечах и груди, у него была большая круглая голова и мало волос, он носил бороду и усы на польский манер. Рот большой, громкий голос, нос острый, как у ястреба, через лицо сверху вниз пролегала морщина, которая называется смертоносной, у носа четыре жилы, меркуриевы или от измождения, одна из которых тянется через нос, у него красноватое лицо, польское платье, его оружием были сабля и железная палица” [6. S. 130]. Описание, данное Хаммершмидтом, на основании сведений “благородного автора” Захария Теобальда, соответствует характеристике, которую мы находим в сочинении Бецковского “Посланицы”: “Его портрет, выполненный надлежащим образом и нарисованный с натуры госпожой Крибековой, рыцари хранили среди своих драгоценностей. Он был мужчиной

² Датировка события неточна. Жижка лишился второго глаза вскоре после принятия постановления сейма в Чаславе, т.е. после 7 июня 1421 г.

среднего роста, полный и сильный, мощный в плечах и груди, у него была большая голова, круглая и лысая; весь щеголеватый, у него были усы на польский манер, губы большие, нос с горбинкой, как у ястреба, через лоб тянулась одна жила, называемая марсовой; около носа были четыре меркуриевы жилы и одна на носу, лицо у него было красноватое и желтоватое, одежда польская; из оружия у него были только палица и сабля” [7. S. 719]. Такая характеристика скорее подходит для описания убийцы или опасного грабителя, чем для гениального полководца. Но и в изображении католических живописцев эпохи барокко Жижка представлен как будущий грозный военачальник, несколько портретов которого XVII–XVIII вв. отображают такой тип представлений. Иногда изображалась голова либо бюст, характерно низкий лоб, который закрывают темные густые волосы. Профиль подчеркивает орлиный нос, сдвинутые брови, густые неопрятные усы. Болезненного вида лицо покрывает кожа желтого и красного цвета, которую бороздят многочисленные глубокие морщины (ср.: [11. S. 300–301; 12. S. 12–21]). В основе всех приведенных портретных характеристик лежит описание внешности Жижки, сделанное Теобальдом, вместе с портретами Жижки выставленное на всеобщее обозрение в Гуситском музее в Таборе.

“Жижка умер лета 1424, в четверг, перед днем св. Гавела” [6. S. 130]³, об этом нам сообщает Хаммершмидт, который подарил непобедимому гетману еще один день жизни и утверждал, что хотя Жижка и несколько раз встречался на поле битвы с неприятелем, но всякий раз “оставался победителем”. О непобедимости полководца, в связи с его кончиной, вспоминает и Я.Ф. Бецковский, на этот раз в стихах: Не вражеская сила, а нагноившаяся рана⁴ / Победила и убила Яна Жижку, доблестного рыцаря [7. S. 720].

Образ гениального стратега, непобедимого полководца и доблестного рыцаря – это только одна сторона облика Жижки, изображаемая историками эпохи барокко. Другая сторона – отталкивающая и достойная осуждения. Жижка характеризовался как жестокий разрушитель монастырей и церквей, хладнокровно убивающий не только представителей католического духовенства, но и их паству. Таким образом, создавался образ опасного грабителя и бесчинствующего разбойника, о котором мы уже упоминали в связи с барочными портретами гуситского гетмана. В этой ситуации личность Жижки наделялась отрицательными качествами. Он представлял как “мерзкий поджигатель, жестоко проливающий кровь невинных католиков” или “жаждущий человеческой крови”, как военачальник, который, если сам ничего и не уничтожал, то побуждал к разрушению. Об этом свидетельствует Бецковский: “В это время Ян Жижка ехал из Пльзеня в Прагу, имея при себе только 30 всадников, и когда увидел с Белой горы, что горит Бржевновский монастырь, он этому не удивился. Приехав на Погоржелец, он нашел здесь нескольких [бойцов] из своей роты, которые очень потрудились в борьбе за овладение Страговским монастырем. Некоторые из них, радостно его встретили, почтительно поприветствовали и спросили: “Брат Ян, доволен ли ты

³ Ян Жижка умер в среду, перед днем св. Гавела, т.е. 11 октября 1424 г.

⁴ Язва, чирей, фурункул – это обозначение разных типов нарывов и синонимы опухоли (см.: [13. S. 739]). Но Бецковский не раскрыл нам причину болезни Жижки, ибо термины “нарыв” или “волдыри” означали все виды нарывов, опухолей, вздутий, волдырей и ожогов, которые единственно мы можем выделить.

тем, как мы наказали эти корчмы и этих богоотступников?” А он, показав на храм св. Вита на [Пражском] Граде, сказал: “Почему вы этот сорняк не тронули?” И они ответили: “Мы вчера хотели это сделать, но нас оттуда жестоко прогнали, поверь, брат, если мы возьмем этот Витек в свои руки, то не оставим от него камня на камне”. Жижка усмехнулся и поехал в Прагу” [7. S. 659]. Обещание было дано, пожелание гетмана попытались выполнить, но без особого успеха. Последующие разбои Жижки в пражских монастырях подробно описывает Хаммершмидт в латинском сочинении “Посланник пражской славы”, где сообщает, что Жижка уничтожил не все осажденные монастырские общины. В монастыре св. Анны на Старом Месте перед грозным военачальником упала на колени его родственница (*consanguinea*) и просила его пощадить братию, на что Жижка ответил по-чешски (*Boömico idiomate dixit*): “Ради тебя, тетя, я пощажу и этот монастырь” [14. P. 214]. Через несколько дней была сделана новая попытка нападения на монастырь, тем не менее, он снова не пострадал. На этот раз вмешался сам Иисус Христос: по приказу Жижки (*ex mandato*) была брошена в колодец каменная статуя Девы Марии Мученицы с распятым Христом, но не утонула, а плавала на поверхности. Этот Божий промысел так поразил нападавших, что они отказались от дальнейших грабежей. С другой стороны, непримиримый “борец с монастырями” по крайней мере дважды вынужден был смягчиться и прекратить свои опустошения.

И без самого предводителя “сброд оных таборитов” (*Plebs illa Taboritarum*) продолжал мелкие набеги на монастыри Праги, где они вели себя как “мерзкие псы” (*canes impudicissimi*), ибо были “сжигаемы жаждой наживы” (*igne infernale libidinis*) и грабили “как безумцы” (*tamquam phraenetici*). Они разрушили и сожгли “монастырь св. Магдалины, а также разграбили и сожгли на Старом Месте Пражском монастырь св. Климента, монастырь св. Франциска, монастырь св. Варвары, монастырь св. Бенедикта, принадлежавший немецким крестоносцам. На Новом Месте Пражском – монастырь св. мученицы Екатерины, Карловский монастырь, Ботический монастырь рыцарей Девы Марии, души которых многие верующие видели летящими к небу в виде огненных шаров из горящего монастыря, также монастырь Девы Марии Снежной” [7. S. 659–660]. Часть повествования Бецковского о грабежах гуситов в Праге в 1420 г. и описание Хаммершмидта свидетельствуют о большом отвращении обоих историков к этим действиям гуситов. Однако необходимо добавить, что их инициатором не всегда был сам Жижка или какой-либо другой гетман таборитов. Часто к захвату чужого имущества призывал и “отступник Ян Желивский” (“*Apostata Joannes Zelivetanus*”) [15. P. 82], неоднократно упоминается и Вацлав Коранда. Гуситы характеризовались историками эпохи барокко не иначе как “*illi miseri*” (эти убогие). На ущербность и бессмысленность таких действий указывает Я.Ф. Бецковский, упоминая об анекдотических эпизодах разграбления и сожжения монастыря *Aula Regia* (Збраславского монастыря), когда гуситы “забрались в подземный погреб, в котором было несколько бочек вина, они его пили без меры, и, забрав деревянные картины и таблички, все это понесли в Прагу, напевая: “Веселиться нам время настало” и т.д., некоторые так упились этим вином, что валялись в пролетах лестниц, а другие на улицах. Пришедшие после них, не найдя ничего, что можно было в этом монастыре забрать, сожгли его так, что он выгорел весь вместе с фундаментом” [7. S. 665]. Если печальный конец Збраславского монастыря Бецковский пытался смягчить версией о пьяных выходках, то о многочисленных грабежах Жижки в

южночешском городе Прахатицы он писал уже с ужасом: “В Рождество Девы Марии (воскресенье, 8 сентября 1420 г. – *Р.Ф.*) Жижка со своими мародерами взял город Прахатицы и в нем убил 135 горожан и других добрых христиан, взял в плен 85 человек, которых этот изверг, отведя в храм, запер там и поджег, хотя они умоляли его, обещая сделать все, что он пожелает, чтобы только сохранить свою жизнь, но Жижка этого сделать не захотел” [7. S. 666]. Приблизительно так же описывает жестокость Жижки и Я.Ф. Хаммершмидт: “Лета 1420, в Рождество Девы Марии, Жижка со своими мародерами взял город Прахатицы (который принадлежал вышеградскому костелу), умертвил в нем 135 горожан, пленил 85 человек, которых этот изверг увел в храм, запер там и поджег” [16. S. 18]. По мнению Я.И. Стршедовского, подобные действия гуситов были также совершенно непонятными, и потому он только сочувственно перечисляет несчастья, страдания и ужас, которые усугублялись безумством гуситов (“*qua in Husitarum insanium est prolapsus*”) [17. P. 97]. Для него гуситы были зачастую хуже “еретиков”. К более жестким характеристикам он прибегает, только описывая осаду гуситами Велеграда, одного из самых почитаемых городов Моравии, где, согласно традиции, должны были покоиться останки св. Мефодия [8. P. 613].

Но историки эпохи барокко осуждали и нехристианские деяния другой стороны, например, при описании мучений гуситов и их священников кутногорскими горожанами или утопления чашников в Лабе под Литомержицами по приказу короля Сигизмунда Люксембургского. В то же время практика наказания гуситами других еретиков или богоотступников одобрялась. Так, восхвалялось уничтожение Жижкой пикартов (адамитов): «Незадолго до праздника св. Георгия, когда Жижка возвратился из Бероуна в Град Таборский, этих пикартов, которые не признавали Тела и Крови Господня, он приказал искать и ловить за их грязное распутство. Итак, в день св. Георгия он приказал их сжечь в селении, которое называется Клокоты, собрав 50 человек обоого пола. Среди них было два священника, одного звали Буриан Штраус, а другого Петр Каниш, которым Жижка дал понять, что сохранит им жизнь, если они отступят от своих ересей и перейдут в веру таборитов. Но они ответили, что этого сделать не могут, и, подойдя к костру, со смехом говорили, что уже сегодня будут пировать с Господом Богом, и Жижка им ответил “Благослови вас Господи на этот пир”, – и когда их бросили в костер, они веселились, так и сгорели» [7. S. 680]. Далее Бецковский сообщает, что после отъезда Жижки табориты в тот же день сожгли еще 25 пикартов.

За разграбление церквей и монастырей историки эпохи барокко, хотя и называли гуситов еретиками, но в конце концов, мы узнаем, что “не все люди в то время были еретиками” [6. S. 135]. Это утверждение Хаммершмидта на первый взгляд кажется маргинальным, но мы не можем рассматривать его как защиту католического меньшинства, о чем свидетельствует текст, утверждающий, что чешский народ постановлениями Базельского собора принят, несмотря на свою утравкистскую исключительность, в лоно католической церкви. Автор привел это примечание для того, “чтобы было ясно, что у нас сейчас, из всех живущих на этом свете, не осталось тех, кого можно считать еретиками, ибо это доказывает, что в этой статье (компактатов. – *пер.*) в отношении веры чехам позволено святым апостольским престолом на время принимать причастие под обоими видами” [6. S. 135–136]. Хаммершмидт не скрывал, что этой самостоятельности чехи добились исключительно силой

своего оружия, когда “после стольких побед было получено обещание Базельского собора, и этот голос чешский народ приобрел особым Божиим Провидением, которое на этот раз нельзя было одолеть никаким оружием” [6. S. 132]. Прежде всего, обратим внимание на вывод о том, что непобедимость чехов происходила от “особого Божьего Провидения”! Оно, по мнению Хаммершмидта, убедило собор помиловать чешских “еретиков” и издать компактаты, в которых подтверждалось, что “чехи приняты в число сынов святой церкви” и более того, “под благосклонным присмотром святого апостольского престола такие прославленные государи, как Карл V и Фердинанд I для них добились того, чтобы чехам было дозволено принимать под обоими видами великое таинство Тела и Крови Господа Христа” [6. S. 132]. К такому же выводу пришел и менее терпимый Я.Ф. Бецковский, когда писал о принятии чехов, как истинных христиан, в лоно церкви: “Лета от Рождества Христова 1437, в пятницу перед днем св. Тибурция (12 апреля. – Р.Ф.), с дозволения императора Сигизмунда и легатов Базельского собора, в храме Тела Господня на Новом Месте Пражском объявлено было на чешском, латинском и венгерском языках, что чехи и мораване, принимающие Тело и Кровь Господни под обоими видами, являются верными христианами и сынами церкви и т.д.” [7. S. 75].

Итак, образ гуситов, в представлении историков, пришедших на смену Б.Бальбину, не был однозначно отрицательным, а представлял собой пеструю мозаику, в которой негативное отношение к выступлениям еретиков против церкви сочетались с возвышенными восхвалениями, выражавших гордость авторов эпохи барокко за непобедимую мощь и силу своего народа. Нельзя также согласиться с утверждением об однозначно отрицательной оценке гуситов, данной более поздним поколением историков, которую мы находим, например, у Р. Урбанека: “В еще более мутной интерпретации сочинений Гаека у Бецковского продолжает излагаться враждебная легенда о Жижке, как о “жаждущем человеческой крови” и “мерзком поджигателе” в духе чисто реформационном, находя одобрительную поддержку у поколений [историков], уже попавших под гнет государственного и церковного абсолютизма” [18. S. 105–106]. Мы же можем согласиться только с тем, что свое сочинение “Посланицы” Бецковский пытался сделать более популярным, чем уже недоступная “Чешская хроника” Гаека. Автору эпохи барокко она послужила основой для его труда, который почти совпадает с трактовкой Гаека. Как было указано выше, Бецковский не удовлетворился исправлением текста Гаека и свое повествование дополнил не только сведениями других авторов, но и своими собственными многочисленными находками. Что же касается “легенды о Жижке”, в изложении Гаека и неточной трактовке Бецковского, то нельзя согласиться с мнением о негативном образе гуситского гетмана, представленном в “Чешской хронике”. Для Вацлава Гаека из Либочан Жижка был, прежде всего, выдающимся военачальником, доблестным рыцарем и гениальным стратегом, т.е. личностью, положительные характеристики которой в отношении военных заслуг мы находим и у историков эпохи барокко. Гаек, наконец, приводит весьма привлекательный портрет личности Жижки в описании коншела (члена магистрата. – *пер.*) Нового Места Пражского Бартла: “В моем доме сейчас находится гость, как я полагаю, из рыцарского сословия, человек, хорошо сложенный, одноглазый, и, как я мог понять из общения с ним, весьма исправный и зрелый в военных делах...” [19. S. 545]. В своих выводах Урбанек опирался на сочинение Бецковского “Посланицы”, изданное Резе-

ком, где, действительно, в нескольких упоминаниях о Яне Жижке речь идет, прежде всего, о его дурной славе, и даются, в целом, безличностные характеристики, и, наконец, приводится уже знакомое нам упоминание о непобедимости полководца, “который побеждал неприятеля, превосходившего его по численности в 30 и более раз” [7. S. 131]. Последнее Урбанек предпочел не заметить, хотя оно следует за известием о какой-то неудаче Жижки. Другое место, где историк находит признаки сочувствия Бецковского к личности Яна Жижки, он комментирует, в свете вышеуказанного, очень нелогично: “Хотя это мнение, высказанное в начале XVIII в. весьма ценно, но сам автор горячо отмежевался бы от того, чтобы это его мнение как случайное исключение, обусловленное невольным порывом сочувствия, трактовалось в пользу Жижки” [18. S. 106]. Эта цитата показывает, что не существует однозначного восприятия образа Жижки, гуситов и гусизма у поколения историков, пришедших на смену Б.Бальбину. Для иллюстрации, напоследок, испытаем радость и гордость за чешскую военную силу, выраженные опять же в словах Хаммершмидта о том, что “купили мир имперские князья, испуганные императоры, все соседние страны, а именно: Венгрия, Польша, Мессен, Саксония, Силезия, Лужицы, Австрия, марки, Орден, Пруссия, обе Баварии, все те страны, неприятельские войска которых чешское войско обратило в бегство и изгнало” [6. S. 131–132].

Перевод И.И. Бучанова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vašic J.* České literární baroko. Příspěvky k jeho studiu. Praha, 1938.
2. *Černý V.* Až do předsíně nebes. Čtrnáct studií o baroku našem i cizím. Praha, 1996.
3. *Tanner J., Kadlinský F.* Život a sláva svatého Václava, mučedníka, knížete, krále a patrona českého. Praha, 1941.
4. *Volf J.* Domnělé vidění Oldřicha z Rožmberka r. 1417 // Časopis Národního muzea. 1923. Roč. XCVII.
5. *Hammerschmidt J. F.* V Praze blaze, kdo má peníze. Praha, 1715.
6. *Hammerschmidt J. F.* Historie klatovská. Praha, 1699.
7. *Beckovský J. F.* Poselkyně starých příběhův českých aneb Kronika česká. Praha, 1700.
8. *Středovský J. J.* Sacra Moraviae historia. Solisbaci, 1710.
9. *Hýsek M.* Jan Jiří Středovský // Z dějin české literatury. Praha, 1920.
10. *Sedláček A.* Hrady, zámky a tvrze Království českého. Prachensko; Praha, 1997. D. XI.
11. *Guth K.* Žižka ve výtvarném umění // Sborník Žižkův. Praha, 1924.
12. *Pochobradský F.* Jan Žižka ve výtvarném umění. Chrudim, 1924.
13. *Jungmann J.* Slovník česko-německý. Praha, 1990. D. III. P–R.
14. *Hammerschmidt J. F.* Prodromus Gloriarum Praganae. Praha, 1723.
15. *Hammerschmidt J. F.* Gloria et Majestas... Wissehradensis ecclesiarum... Praha, 1700.
16. *Hammerschmidt J. F.* Krátký vejťah slávy... kostela vyšehradského... Praha, 1700.
17. *Středovský J. J.* Mercurius Moravi memorabilium. Olomucii, 1705.
18. *Urbánek R.* Žižka v památkách a úctě lidu českého. Brno, 1924.
19. *Hájek z Libočan V.* Kronika česká. Praha, 1981.

Летом 2003 г. Леониду Александровичу Гиндину (1928–1994) исполнилось бы 75 лет. Наука была для него всем и, прежде всего, средством борьбы с тяжелым недугом, которым он страдал всю жизнь и который накладывал на его существование жесткие ограничения. В последние годы жизни, чувствуя и понимая, что ему отпущено уже совсем немного, он положил все свои силы на то, чтобы довести до публикации все написанное им. Что-то увидело свет еще при жизни Л.А. Гиндина, что-то было издано через несколько лет после его кончины [1]. Поэтому в обширном архиве ученого практически не осталось неопубликованных рукописей. Единственная ненапечатанная работа, которой он в свое время был очень увлечен, – это прочитанный им в 1982 г. на конференции по фольклору в Ленинграде доклад, вызвавший тогда оживленную дискуссию слушателей.

Доклад отражает одну из сторон разнообразных научных интересов ученого, а именно – славистическую проблематику. Хотя в сферу его научных интересов входили, главным образом, вопросы глотто- и этногенеза народов Юго-Восточной Европы и Малой Азии (греки, македонцы, хетты, фракийцы), индоевропеистики и классической филологии, ученого всегда интересовала славистика в тех ее аспектах, где она тесно соприкасается с античной письменной традицией (кирилло-мефодиевская проблематика, античные и раннесредневековые известия о славянах, древнейшее диалектное членение праславянского). Примером подобного исследования и является публикуемый текст доклада 1982 г.

© 2004 г. *И.А.Калужская*

© 2004 г. *Л.А.ГИНДИН*

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ДВУХ ПОЕДИНКОВ АЛЕШИ ПОПОВИЧА И ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ В МИФО-РИТУАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Настоящее сообщение довольно тесно примыкает к моим работам по гомеровским поэмам (главным образом, Одиссее) [2] и гомеровским гимнам (гимны Аполлону) [3]. Анализируя эпизод “Одиссей у Кирки” (X песнь и смежные XI и XII), я попытался выделить в многомерном пространстве поэтического текста, понимаемого в его прямом смысле, три уровня: ритуально-мифологический, эпический и уровень актуализации, в ряде мест принимающий форму актуально-историческую. При этом новизна подхода выражается в том, что непосредственно в конкретной, данной нам в восприятие словесной ткани текста по большей части с помощью этимолого-семантического анализа выявляются и оба глубинных уровня. В частности, ритуально-мифологическая подоплека всего эпизода в виде обряда посвящения совершенно точно маркируется двумя стихами Одиссея: ἄνδρα_с δ'ἄψ̄ ἐϋένοντο

νεώτεροι, ἢ Πάρος ᾗσαν // καὶ πολλὸν καλλίονες καὶ μείζονες εἰσοράασθαи. Эти стихи могут быть буквально поняты совершенно в рамках упомянутого обряда посвящения: “и мужи [или даже мужами] назад *родились* [на поверхностном уровне: опять стали] более новыми, чем раньше были, и даже много красивее и могучее на вид”. Отталкиваясь от этого толкования, удалось весь эпизод “Одиссей у Кирки” в его конститутивных, так сказать, каркасных, элементах интерпретировать полностью по схеме “Волшебной сказки” Проппа¹ с поправкой на устный эпический канон. Более того, по сравнению с западноевропейскими и славянскими сказками, Одиссея дает нам, по-видимому, самую полную версию сюжета, максимально приближенную к сконструированному Проппом по многочисленным сказкам.

Нам показалось целесообразным применить близкую методiku к анализу русских былин змеборческого цикла (другими я не занимался), поскольку былины как разновидность эпоса принципиально по своей природе не должны отличаться от мировых эпических образцов. Если двигаться по уровням сверху:

1. Это запись исторических событий (или отклик на исторические события) по канону устного эпического творчества.

2. Этот канон в круге змеборческих былин по необходимости опирается на мифологию обряда посвящения с его контрапунктом в качестве мыслимой временной смерти иницируемого, т.е. проглатывание змеем и затем победа над змеем и т.п. Впрочем, это отнюдь не исключает, что к обряду посвящения была применена еще более старая космологическая мифология, отраженная, как я думаю, в мифе о поединке Зевса с Тифоном – Аполлона с Пифоном и т.д.

Самая полная версия сражения Зевса с Тифоном содержится не у Гесиода (Theog., 820–868), а у Аполлодора (Apd I, 6, 3), затем, с заменой помощников змеборца-Зевса, у Оппиана (вместо Гермеса – Пан) и Нонна Панопольского (у которого выступает Кадм).

Версия включает два поединка. Первый заканчивается либо временной смертью, либо, что то же самое, временным поражением змеборца и, затем, воскресением и окончательной победой змеборца.

В первом поединке Тифон вырывает кривой меч у Зевса и перерезает ему сухожилия на руках и ногах. Затем Тифон относит Зевса в корикийскую пещеру и там прячет сухожилия, завернув их в медвежью шкуру. Но Гермес и Элипан крадут эти сухожилия и вставляют Зевсу, после чего Зевс “оживает” и окончательно побеждает Тифона. Этот сюжет особенно полно по мотивам исследован Фонтенроузом на материале всей греческой традиции.

Два поединка (реже более) с временным поражением змеборца имеются и в типологически сходных эпосах: хеттском (Песнь об Улликумми и др.), Ригведе (поединок Индры с Вритрой), Махабхарате, в англо-саксонском эпосе о Беовульфе, с которыми уже сравнивались змеборческие былины.

Специально отметив, что смерть, resp. поражение, змеборца и, соответственно, удвоение поединка являются неотъемлемым мотивом сюжетной схемы змеборчества, легко можно перейти к интерпретации в том же ключе двойных поединков в былинах об убийстве Добрыней Змея Горыныча и Алешей Поповичем змея-Тугарина.

Пропп в своей книге “Русский героический эпос” (2-е изд. М., 1958) специально рассматривает обе былины. Он следующим образом составляет по разным изданиям полную схему былины о Добрыне:

¹ Имеется в виду книга В.Я. Проппа “Исторические корни волшебной сказки” (1946). – И.К.

- 1) Предостережение матери не купаться в Пучай-реке (удвоение предостережения: не купаться нагим – со стороны девушек);
- 2) Нарушение запрета;
- 3) Нападение змея;
- 4) Бегство слуги с конем и вооружением Добрыни;
- 5) Победа над змеем с помощью “шапки греческой” с землей;
- 6) Оставление змея в живых;
- 7) Нарушение договора змеем – он уносит племянницу князя Владимира;
- 8) Просьба Владимира;
- 9) Окончательная победа над змеем.

Вслед за Скафтымовым, Пропп видит в былине две части. Первая заканчивается договором со змеем, затем этот докиевский сюжет “в Киевской Руси принял новые формы и новый смысл”. Совершив подвиг не по поручению Владимира, Герой должен был теперь, с вовлечением в киевский цикл, совершить его по поручению Владимира, и далее Пропп заключает: “Так получается удвоение змеборства” (С. 191).

Думается, это справедливо для актуально-исторического уровня с некоторым уточнением вывода глубинных уровней: “Так исторические тенденции облекаются в эпическую сюжетную схему устного канона, включающего два поединка”.

Еще рельефнее два поединка выступают в былине об Алеше Поповиче и Тугарине, записанной во второй половине XVIII в. и содержащейся в сборнике Кирши Данилова. Дело обстоит так, что на поверхностном уровне детерминированность канонической сюжетной схемы приводит к кажущемуся абсурду: Алеша убивает Тугарина дважды, один раз в поле и затем второй раз в Киеве, в палатах Владимира. Поэтому Пропп справедливо отмечает: “Уже беглый взгляд на материал показывает, что эти версии взаимоисключаются. Тем не менее соединение их встречается, но оно лишено смысла”. Еще дальше идут комментаторы былин в серии “Литературные памятники”: в тексте соединены две основные версии былины в их поздних редакциях, «тот, кто сделал это соединение, несомненно имел перед собой различные записи от уроженцев разных мест и не хотел ни помещать в виде отдельных “неисправных” списков, ни жертвовать каким-либо из них. В результате получился алогичный и с повторами текст, в котором Тугарина убивают дважды» (С. 404). Я думаю, это слишком смелая и неоправданная конъектура касательно причин противоречия. Именно такие логические неувязки на поверхностном уровне в поздних записях эпических произведений позволяют проводить внутреннюю реконструкцию (аналогично лингвистическим структурам) и искать причины в предшествующих или более глубоких уровнях текста. Пропп же, оставляя в стороне поиски причин такого противоречия, поскольку он в указанной книге целиком сосредоточил свое внимание не на глубинно-генетических проблемах сюжетов былин, а на их связях с историческими контекстами, т.е., в нашей терминологии, на актуально-историческом уровне, тем не менее осторожно замечает: “Версия о встрече с Тугарином древняя, редкая и вырождающаяся” (С. 207).

Попутно заметим, что Пропп в своих “Исторических корнях волшебной сказки”, кажется, также нигде не говорит о двух поединках и временной смерти змеборца, хотя некоторые сюжетные ходы можно толковать таким образом, например, “проглатывание героя и убийство змея как бы изнутри”.

Между тем, сюжет былины “Алеша и Тугарин” необычайно примечателен с точки зрения проявления в нем каркасных конструкций более первоначальной, здесь – глубинной схемы:

- 1) Алеша едет с помощником молодым Екимом (ср. Гермес);
- 2) Встреча с Каликой перехожим (крестьянин из Илиона – Аполлону);
- 3) Переодевание в Каликову одежду (травестизм);
- 4) Первое убийство Тугарина;
- 5) Снова переодевание Алеши уже в одежду змея (ср., если хотите, проглатывание);
- 6) Временная смерть Алеши и оживление помощником Екимом с помощью особого напитка;
- 7) Второе убийство Тугарина.

Мы здесь воздержимся от реконструкции “выродившегося” сюжета, это не входит в задачу, но само собой напрашивается, что в первую встречу Алеша не одолел Тугарина, позднее это было изменено, так как, видимо, плохо вязалось с народным представлением о доблестях Алеши, и затем привело “к взаимоисключающим версиям” – факт сам по себе не редкий в устном народном творчестве и литературе, создаваемой по его канону. Достаточно напомнить, что эпизод у Кирки (X песнь) дублирует катабасис (XIV), что, по мнению некоторых ученых, тоже алогично. Но какими бы ни были сейчас наши домыслы, представляется несомненным следующее: перед нами не две механически соединенные версии, а единый сюжет в чрезвычайно редуцированной или, говоря словами Проппа, “выродившейся форме”, которому мотивы двух поединков и временного поражения или смерти змеборца присущи структурно-органически.

Соответственно правомерно предположить, что в былине о Добрыне и змее также была произведена замена временного поражения героя на его победу и прощение противника.

Теперь небольшое этимологическое приложение, возможно, показывающее особую древность версии сюжета, легшего в основу былины о Добрыне. Я имею в виду название *Пучай-река*, для которого ищут обычно реальный аналог в названии притока Днепра *Почайна*.

Поскольку герой эпоса (Одиссея и пр.) и герой сказок, отправляясь в путешествие в загробный мир, Тридцатое царство должен переплыть обязательно водную преграду – Океан, море, Стикс, Огненную, т.е. бурную, быструю реку, то речное название *Пучай* правомерно связать с др.-русск. *пучина*, ст.-слав. *пжчина* – к слав. **рѣкнѣти* ‘лопаться гесп. пучиться’, ср. русск. *выпуклый* и т.п. В параллель к номинации бурного потока, реки, моря как пучины, ср. др.-инд. *áṛṇa* ‘пучина’, хетт. *aruna* ‘море’ при др.-инд. *ṛṇóti* ‘подниматься’, хетт. *arṇi* ‘двигать’. Отсюда в Пучай-реке былины труднопреодолимые струи, т.е. течения. Относительно словообразования – ср. приток Днепра *Каврай / Коврай*, из **ka-/ko-vbr-ajь* от праслав. **verti*; также *Не-рубай-ка* и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гиндин Л.А.* Население Гомеровской Трои. М., 1993; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Пра-греки в Трое // Вестник древней истории. 1994. № 4; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Троя и “Пра-Аххиява” // Вестник древней истории. 1995. № 3; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; *Gindin L.* Troja, Thrakien und die Völker Altkleinasiens. Versuch einer historisch-philologischen Untersuchung. Innsbruck, 1999.
2. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Ритуально-мифологический смысл X песни Одиссеи // *Balkanica*. М., 1979.
3. *Гиндин Л.А.* Миф о поединке и мифология Аполлона (на материале I–III гомеровских гимнов) // *Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика*. М., 1977.

© 2004 г. Б.Н. МОРОЗОВ

ПОВЕСТЬ О ШТИЛЬФРИДЕ

(неизвестный русский перевод конца XVI – начала XVII века)

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в собрании Оболенского (Ф. 201) под № 105 хранится рукопись, содержащая текст русского перевода “Повести о Штильфриде”¹. Как известно, эта чешская средневековая рыцарская повесть составляла первую часть довольно популярной в русской литературе конца XVII – начала XIX в. “Повести о Брунцвике” – сыне Штильфрида. Но существование перевода данного текста до настоящего времени специально не отмечалось [1. С. 85–116; 2. С. 89–92; 3. С. 88–89²].

Уникальность данного списка перевода может быть обусловлена несколькими причинами. В чешской традиции этот диптих объединялся общей национальной легендой о происхождении государственного герба (Штильфрид добывает для него фигуру орла, а Брунцвик – льва), но по содержанию обе повести весьма разнятся. Основную часть “Повести о Штильфриде” занимает неторопливо-педантичное описание рыцарского турнира, на котором герой побеждает 12 противников. В занимательном сюжете “Повести о Брунцвике” русского читателя привлекали сказочные мотивы, знакомые ему по другим произведениям (муж на свадьбе своей жены, мечь-кладенец, борьба со змием и т.д.). Собственно перевод “Повести о Брунцвике” известен лишь в двух списках XVII в. (середины и конца этого столетия), более или менее близких к протографу, а остальные списки XVIII – начала XIX в. отражают его сложную литературную историю – разнообразные дополнения и переработки сюжета, вплоть до полного переосмысления в недавно найденном вычегодском сборнике [4. С. 544–550]. Особенностью же текста архивной рукописи “Повести о Штильфриде” является его вероятная близость к самому переводу. Палеографическое изучение рукописи из собрания Оболенского позволяет отметить необычные черты, дающие возможность сделать предположения о времени и месте ее написания.

Морозов Борис Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Археографической комиссии РАН.

¹ Рукопись исследовалась в ходе подготовки Каталога рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА.

² Л.А. Дубровина, работая над описанием списков Казанской истории, упомянула рукопись Повести, хранящуюся в архивной папке вместе с одним из них. В ее описании приведена позднейшая запись заголовка (неполностью), отражающая содержание обеих повестей; рукопись датирована 70-ми годами XVI в.

Рукопись в 4°, на 72 листах без переплета (возможно, первоначально была переплетена) состоит из 10 сшитых нумерованных тетрадей (конец – 2 листа с текстом утрачены) и в настоящее время хранится среди отрывков разнородных рукописей (№ 105. Л. 15–86), очевидно, никак не связанных между собой по происхождению, собранных по формату в картонной папке в середине XIX в. их владельцем князем М.А. Оболенским – директором Московского главного архива МИД, собирателем рукописей и издателем исторических памятников.

С первого взгляда рукопись с “Повестью о Штильфриде” производит странное впечатление – текст написан мелким полууставом и занимает лишь часть листа (иногда всего несколько строк), другая часть которого (чаще всего большая) и оборот (почти всегда) остаются чистыми. Объяснение этой особенности может быть только одно – перед нами заготовка для лицевой рукописи, по каким-то причинам оставшейся неиллюстрированной. Причем часть оставшихся пустых мест (особенно в первой половине рукописи) заполнялась скорописными текстами ее последующим владельцем, создавшим, таким образом, сборник церковно-литературного и исторического содержания. Среди статей данного сборника помещен краткий летописец (Л. 47–48 об.), охватывающий в основном события Смуты, со смерти Ивана Грозного в 1584 г. по воцарение Михаила Романова в 1613 г. В конце этого летописца тем же почерком, но, очевидно, по прошествии определенного времени добавлены известия о событиях 1647–1648 гг. Последняя дата является верхней хронологической границей и для всех вторичных скорописных текстов данного лица. Размашистой скорописью иного типа (но, вероятно, также около середины XVII в.) написан заголовок текста (Л. 15), отражающий содержание и “Повести о Штильфриде”, и “Повести о Брунцвике”: “Повесть пречюдна и душе полезна о похожении Штылфридове и о битве Брунцвика сына Штылфридова, како бился злым змеем з драком с василиском и како левъ ему работа до смерти своей”. Однако никаких иных указаний на возможное продолжение текста в рукописи нет. Имеющиеся другие записи XVIII – начала XIX в. типа проб пера дают мало информации о ее дальнейшем бытовании.

Относительно точную датировку могут дать филигранные бумаги рукописи. Они разделяются на два вида. Первый – кисти винограда среднего размера, без литер (или с деформированными литерами у черенка) – точных аналогий не найдено, наиболее ранние сходные типы бытовали во Франции в последней трети XVI в. [5. № 13073 (1565 г.), № 13074 (1587–1590 гг.)], а в русских рукописях встречаются и в первой трети XVII в.: [6. № 3–7 (1625–1633 гг.)]. Второй же вид филигранны идентифицируется достаточно точно – гербовый щит под короной с большой литерой N и надписью под щитом в картуше: Jean Nivelle. Данная филигрань точно совпадает с воспроизведенным в альбоме Брике [5] № 8423, датируемом 1578–1605 гг.

Еще Н.П. Лихачев установил, что высококачественная бумага этой и других французских мельниц, на которой писали члены королевской семьи и французские вельможи, использовалась и Московским царским двором, в основном для создания Лицевого летописного свода Ивана Грозного [7. С. CLXIX–CLXXXI]. Т.В. Дианова обнаружила эту бумагу и в печатных изданиях Онисима Радишевского начала XVII в., работавшего тогда непосредственно в “царском доме” [8. С. 33–34]. В приведенных ею таблицах имеются точные аналогии филигранны с литерой N из рассматриваемой рукописи (ср. рис. III, № 52), а также различные типы винограда. Исследовательница сделала вывод о том,

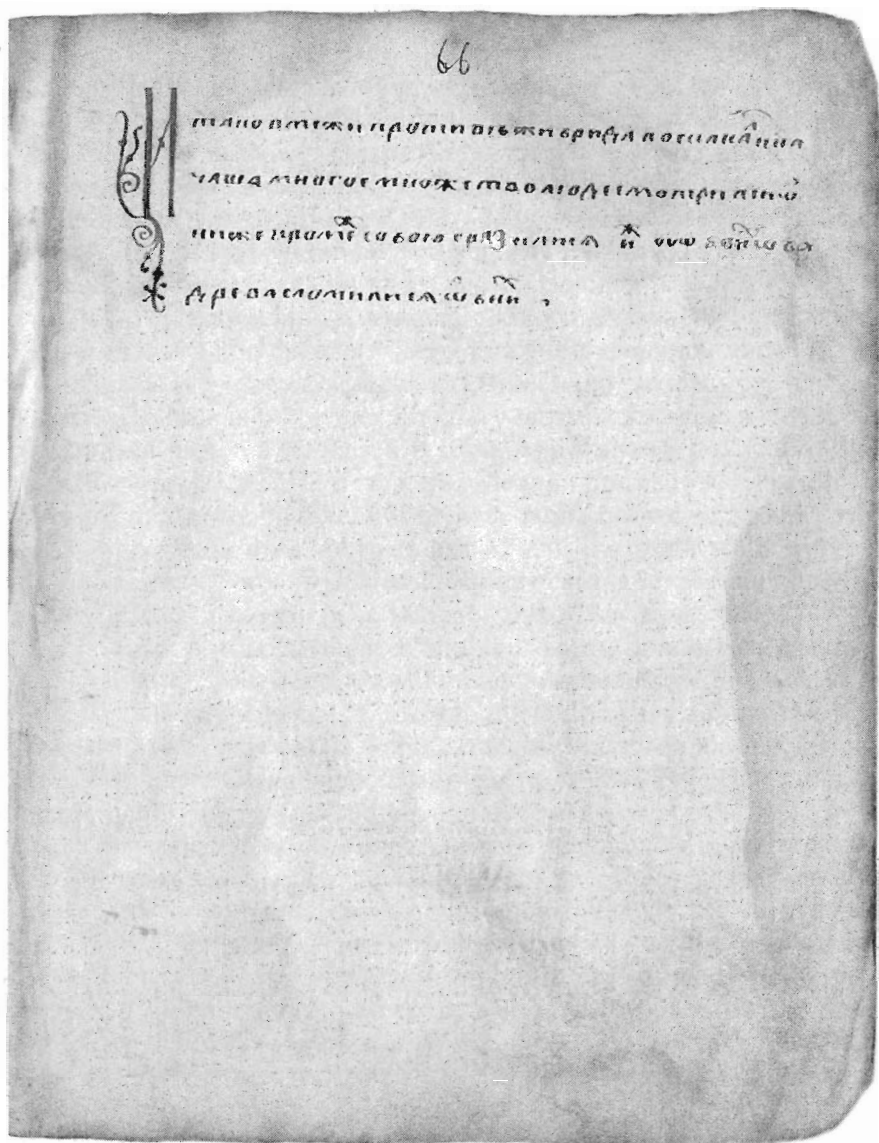

Рис. 1. Повесть о Штильфриде. Большая часть листа оставлена чистой для иллюстрации поединка Штильфрида с князем Жибридом (РГАДА. Ф. 201. № 105. Л. 66).

что наряду с использованием остатков старых партий бумаги, предназначенных для Лицевого свода, для царского двора продолжали в конце XVI – начале XVII в. закупать новые партии дорогой французской бумаги. Это позволяет предположить, что заготовка для лицевой “Повести о Штильфриде” могла быть осуществлена в Московском Кремле.

Определенные вопросы и соображения вызывает и почерк, и оформление данной неоконченной рукописи. В целом она выглядит совсем непарадно – почерк не похож на каллиграфическое полууставное письмо (в том числе мелкое) дорогих заказных рукописей этого времени. Имеющиеся киноварные

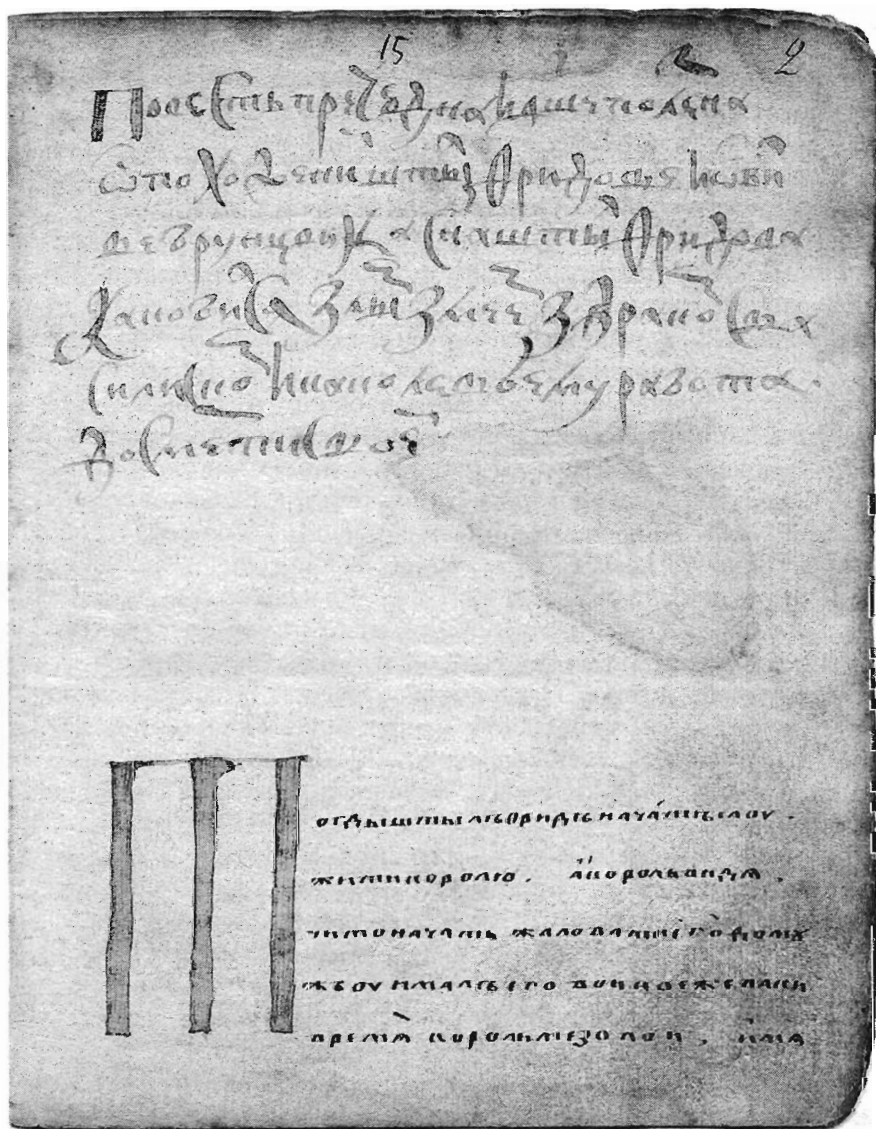

Рис. 2. Повесть о Штильфриде. Начало текста с вписанным позднее заголовком (РГАДА. Ф. 201. № 105. Л. 15).

инициалы, которыми открывается текст на каждом листе, лишь изредка орнаментированы небольшими отростками. Между тем почерк нельзя назвать непрофессиональным. Его некая характерная “приглушенность” (хотя иногда писец показывает свое владение лигатурным письмом) позволила после сравнительного анализа сделать вывод, что подобным типом полуустава писали певческие богослужебные рукописи, в которых текст был подчинен крюковой нотации³. Использование певчих – клирошан в качестве писцов не только

³ Данное предположение было поддержано А.А.Туриловым.

богослужбных рукописей в последнее время неоднократно отмечалось исследователями [9. С. 118–119; 10. С. 72–75, 172–186; 11. С. 65; 12. Р. 475–494]. В Московском Кремле находилась большая группа представителей данной профессии – государевы певчие дьяки. Их творческая деятельность по созданию новых распевов особенно активно развивалась в конце XVI – начале XVII в. (в том числе во времена Смуты), о чем свидетельствует сохранившаяся часть их библиотеки-архива этого периода [13. С. 287–290; 14. С. 80–90]. Палеографическое сравнение данной рукописи с почерками и бумагой этого архива безусловно перспективное направление в ее исследовании⁴.

Чем же было вызвано привлечение подобного писца-клирошанина к созданию этой необычной для древнерусской книжной традиции лицевой светской рукописи – переводу рыцарской повести? Возможно, это был срочный официальный заказ. Привезенную чешскую книгу (возможно, одно из известных, но несохранившихся изданий повестей о Штильфриде и Брунцвике – Оломоуцкое издание Гюнтера 1565 г. или издание Мелана Гриха 1586 г.) могли спешно переводить по царскому повелению и сразу решили, что подобный текст будет наиболее доступен с иллюстрациями (были ли иллюстрации в чешском оригинале нам неизвестно, но об этом говорит само построение переводимого текста). Для спешного создания небольшой рукописи (существовала ли ее вторая часть с “Повестью о Брунцвике” по состоянию данного экземпляра сказать определенно нельзя) использовали писца-книжника, который всегда при дворе – государева певчего дьяка. Можно предположить и обратное – данный список был сделан придворным певчим дьяком (для себя или по заказу) с доступного ему оригинала перевода. Этим можно объяснить непарадность рукописи и ошибки при быстром копировании необычного текста.

Если ограничить время создания данного перевода самым концом XVI – началом XVII в. (вероятнее, до начала Смуты), то адресат подобной книжки с занимательными картинками (аналогии потешных книг конца XVII в., изготовлявшихся для царевичей Ивана и Петра Алексеевичей) в это время в Московском Кремле мог быть один – царевич Федор Борисович Годунов. Стремление царя Бориса познакомить сына с европейской культурой известно. Оно соответствовало его общей политике сближения с Западом: приглашение иностранных специалистов, попытки наладить обучение иностранным языкам, даже осуществить проект открытия университета.

В целом находка рукописи “Повести о Штильфриде” подтверждает высказывавшиеся предположения о раннем времени знакомства русских читателей с подобными рыцарскими повестями, хотя их списки получили распространение лишь в конце XVII – начале XVIII в. Многие в истории происхождения данного памятника письменности остается неясным и требует специального исследования, в первую очередь сравнения текста с чешским оригиналом. Почему в рукописи было опущено начало повести о жизни Штильфрида в Праге? Вероятно, детальное изучение вторичного скорописного текста сборника поможет уточнить и личность ее владельца. Тем не менее скорейшее введение в

⁴ Рукописи государевых певчих дьяков хранятся также в фонде Оружейной палаты. Среди них имеется сборник, бумага которого содержит ту же филигрань с именем Jean Nivelles [15. № 3723]. Однако сборник написан иными почерками уже после Смуты, не ранее 1614 г., что является важным свидетельством о возможной “залежности” данной бумаги.

научный оборот текста этого памятника, важного и в плане изучения русско-чешских литературных и языковых контактов представляется необходимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панченко А.М.* Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969.
2. *Коган М.Д.* Повесть о Брунцвике // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П-С.
3. *Дубровина Л.А.* История о Казанском царстве (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. Казань, 1989.
4. *Мелихов М.В.* "Гистория о короле Брунцвике" (По вычегодскому списку XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50.
5. *Briquet С.М.* Les filigranes. Leipzig, 1923. Т. 1–4.
6. *Герасимов А.А.* Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
7. *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.
8. *Дианова Т.В.* Водяные знаки бумаги изданий О.М. Радишевского начала XVII в. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987.
9. *Зверева С.В.* Монастырские клирошане XVI – половины XVII в. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988.
10. *Парфентьев Н.П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. Центры. Школы. Мастера. Свердловск, 1991.
11. *Володихин Д.М.* Патриаршие книгописцы и золотописцы конца XVI–XVII вв. // Археологический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
12. *Морозов Б.Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке страстующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI – начале XVII в.) // Culture and Identity in Moscow, 1359–1584. (Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание). М., 1997. (=UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. III).
13. *Морозов Б.Н.* Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
14. *Морозов Б.Н.* Документы дворцовых приказов конца XVI – начала XVII века из нотной библиотеки государевых певчих дьяков // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3.
15. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2.

ПОВЕСТЬ ПРЕЧЮДНА И ДУШЕ ПОЛЕЗНА О ПОХОЖЕНИИ ШТЫЛФРИДОВЕ И О БИТВЕ БРУНЦВИКА СЫНА ШТЫЛФРИДОВА, КАКО БИЛСЯ ЗЛЫМ ЗМЕЕМ З ДРАКОМ С ВАСИЛИСКОМ И КАКО ЛЕВЪ ЕМУ РАБОТА ДО СМЕРТИ СВОЕЙ

(л. 15) Тогды Штыльфридъ начать служити королю, а король, видячи то, начать жаловати его, дому жъ уималъ его. Во иное же паки время король Мезопой, имя // (л. 15 об.) немъ Филосрфусъ⁵* Строиномомъ* и начать землю пуштоштити и огнемъ жечи и люде имати. //

(л. 16) Тогда Штыльфридъ видячи то и начать королю говорити, рекъ ему тако: "Наяснейший королю! Видиши ли, королю, обиду своих людей, а не хочешъ оборонити ихъ. Вѣдай того бо для никакому добру тебе не мощно быти". Король то услышавъши рекъ: "Штыльфриде, рыцарю мой ми-

⁵ Здесь и далее знак * означает – так в рукописи.

лый! Родомъ есми королевскимъ, а щитомъ, богатствомъ⁶ не могу ему равенъ быти. Пред нами тму темъ земли своей имѣет, нѣчто поступити”. //

(л. 18) Штылъфридъ рече королю: “Тебѣ глаголю, лутчи тебѣ с нами умерети, нежели с худыми и незем* с милыми живу быти! А хоти хочю тобѣ иную думу придумати, какъ мене Богъ наставитъ буду даровати”. Король рече: “Думы твоя ея хошу радъ послушати, а не боюся с нимъ воевати”. Штылфридъ* рѣкъ: “Повелѣ созвати паны и рыцари, што ихъ под твоею державою есть, а вышли ихъ противъ его в поле”. Егда же приказалъ всему своему двору и войску к собѣ быти, и бысть по приказу королевъскому. //

(л. 21) Потомъ вышли в поле⁷, а войско с войском увидилися. Тыгды* король Напускуй⁸ призвавши к собѣ Штылфрида и рече ему: “Уже Штылфриде вать* намъ, што налучышаго есть. Бо уже самъ видишь добрѣ, иже имѣет люду король Анкгельский третицею больши нашего”. К тому Штылфридъ рече: “Когда уже не хочешъ бытися* с нимъ, опять хошу тебѣ иную думу придумати. Вели перед собою приити писарю своему и прикажи ему листъ писати. А вели ему написати то слово: Что ты, королю Ангельский Филозофе, теряешъ люди мои и землю пустошишь напрасно? Вѣдомо же буди твоему безуправно, станемъ оборонятися какъ Богъ даст. Про то же аще хошу тако // (л. 21 об) учинити. Выбери своего войска двѣ тысячи коней лутчихъ ослѣдланыхъ, завяжи же каждому на сѣдло по тысяче гривенъ злата. А я тако же учиню, тако же велю избрати коней и злата. Егда же учинишь то, опять выбери рыцаревъ 12, а любо княжичевъ, что имѣешъ лутчих. А я хошу одиново из войска своего избрати, да тому велю с твоими 12-ма битися, по одному выбирая. А будетъ твои 12 моего одного перемогутъ, тогда тотъ закладъ, кони и злато, к себѣ возми, и язъ тобѣ со всѣмъ моимъ королевствомъ поиду тебѣ служить. А будетъ поможетъ Богъ и святой Вячеславъ моему, и ты тоеже правду здѣлай, поди мнѣ служить”. //

(л. 22) Тогда король услышавши то сталъ мыслити и рече: “Милый Штылфриде! Велика сия рѣчь и знатка. Како можетъ единъ двенатцать побить? А я въ своемъ войскѣ такова не имѣю”. И рече Штылфридъ: “Азъ хошу вѣстемъ таковой рыцарь, иже тыхъ 12 хошу потоптати, взявши святого Вячеслава на помощь. А в томъ, милый королю, возми крѣпостье мужьскую и надежу положи на Бога, иже поможет ми противу той великой его неправдѣ.

(л. 24) И бысть, яко же послуша его король, слыша от него такую рѣчь, и посла тотъ листъ ко Анкгельскому королю. И услышавши то Ангельский* король, и почта тому дивитися и смѣются, что тако придумалъ. И послалъ тотъ листъ своимъ думнымъ и показалъ тотъ листъ. //

(л. 25) Тогда его думчии⁹ почали ему говорити: “Королю Филозофе великий! Лутче бы тому живу не быти, иже такое мѣры не учинити и покинути тая речъ, коли бы еси до запада не оманялъ ты тая рѣчь. А прибыточно, якоже тебе то перед оброна* ходитъ¹⁰. Вѣдаеши бо и самъ, что имееши людей много и

⁶ В ркп.: гатьством.

⁷ В ркп.: воле.

⁸ Ср. далее: Напульшой, Наполский

⁹ Начальные буквы слова ду (доу) и ошибочно написанное после них слово королю зачеркнуты.

¹⁰ Возможно чтение: пере[д] добро находить.

полных, также выбирай собѣ 12. Когда бо тако будет, а¹¹ да напредь то и здѣлаемъ. А покажи тот листъ его и иным королемъ и князем и княжичемъ”. Отписаль тако с послем своим Енгильский король Напульшому* туоу рѣчь: “Что жадаешъ, тако и будетъ. А срокъ положимъ за две недели. А яз в те поры пошлю по околныхъ королевъ и княжичевъ и меж себе записи учинимъ”. И когда же съехолося королевъ и княжичевъ много и учини записи меж собою. И исправиша оба войска и кони с тем // (л. 25 об.) златомъ, управа и учинилѣ имъ на одномъ лугу поле и омеживали, дабы имъ люди не проходили. //

(л. 26) И егда же бысть день, в который срокъ, приехавъ король Ангельский и начат по войску своему ездити и выбра 12 княжичъ, а рыцаревъ добрых, статочныхъ, и начат гаголати первому: “Имфория* Невлепишу*! Сяди на свой конь и поедь на онъ лугъ противъ Штылфрида. Будет противъ его станешъ и ранишъ его смертноу раню, дам ти тысецу гривенъ злата”. //

(л. 27) Тогда Симфириян* на свой конь всѣ* крѣпко и поиде на ону луку и начат Штылфрида кликати, глаголя: “Смееши ли со мною единъ на единъ саблею или копьем братися?” И видѣвъ то Штылфридъ, что уже часть приспѣ, велиль* собѣ 12 древец прававити¹², а на коемждо прапорець, а на всякомъ прапорце розные писати знамена узорные. //

(л. 28) И егда же приправи вся воиское* оружие и убрался в порты своя велиль собѣ привести половый конь и всѣдши на него, и рѣкъ: “Всемогуций и святыи Вячеславее! Будеме в нынещний день помощникъ, али не могу выгхати для ихъ похвалбы, а не для златыхъ пѣнязей, но для чести языка нашего чешского”. //

(л. 29) И рече: “Подвите* ми прапарца белого, того бо знамяни образ знаменуе веселие и радость всякому доброму”. И вземъ древо с прапорцемъ, на котором бѣ с одной страны крыжъ златой, а на другой странѣ имя святого Вячеслава. //

(л. 30) И поеде с радостию на тот же лугъ противъ Симфориянови. И егда же тутъ два други добры и промежь собою съезжалися и начаша скакати крѣпко. //

(л. 31) Штылфридъ дасть Симфорияну силную рану. От тое бо раны и далече с коня летель на сторону. И скочивъ Штылфридъ с коня и сталъ его мечемъ сѣчи. Симфория¹³ же, вѣдѣвъ*, начат винитися. Княжичи ж, взявшеи Штылфрида за руку, и ведоша его с веселиемъ из межъ и конь Симфориянов за ним выведоша. //

(л. 32) О томъ Енгельский король начат иному иного кликати: “Липотерский воевода великий! Силою попытай своей силы, доколе будеши живъ, будеши у мене в приятелехъ”. //

(л. 33) Липонтъ на конь вседши и поеде в межъ и начат Штылфрида кликати, рекучи: “Штылфриде! Тот вѣм достовѣрне может твою силу испытати”. //

(л. 34) Штылфрид рекъ: “Подайте ми прапорца зеленаго, тое бо знамя есть надежда всякого доброго, той ж крыжъ златый, а на немъ знамение было прекрасно з доброю надеждою”. И в мѣжи въехал, а под нимъ конь его половый бодро скакал и плесаль тутъ. //

¹¹ Далее зачеркнуто: покажи.

¹² Буквы ви приписаны над строкой.

¹³ Буква р исправлена из другой буквы.

(л. 35) Липонта далеко с коня¹⁴ свержь и скочивъ с коня и выняв мечь и учал его сѣчи и раны великие давати ему. Липонтъ, видѣвъ свое изнеможение, почал у него милости просити, чтоб главы не отсѣклъ. //

(л. 36) Анкгелский король опять призвалъ иного, “Гдѣ есть Родул Теверова-ша¹⁵? И надежен еси на свое удалство, дабы Штылфридову силу извѣдал”. //

(л. 37) Родул спѣшне на прежереченное мѣсто приехав. //

(л. 38) Штылфрид, оглянувся паки за ся, рекъ: “Подайте ми прапорца червоковотое, тое бо знамение запалаетъ сердце удатноволого*”. И досягши древа с прапорцомъ. //

(л. 39) И с велиим гнѣвомъ поеде противъ Родул Товиту*, то крѣпко мужьственене древом пробол. //

(л. 40) Смутися Енкгелский король и начат иного звати: “Гдѣ еси Типатръ Тити*, воеводо Рецкий? Не вѣдомо, аще можеша отстояти Штылфридови противу, хочю тобѣ перевозъ на мори дати”. //

(л. 41) Типсатръ* Титъ, едучи на луку, кричаше и тако глаголяши: “Штылфридъ! Оже ти не можешъ тебе ни крыж, ни которое знамение, уже наши тя станутъ звати воинным*”. //

(л. 42) [Ш]тылфридъ¹⁶ то слышавъ, хвалу Богу воздавъ, Богу и святому Вяцъславови и рекъ: “Подайте и¹⁷ ми прапорца желтого, тое знамя старость есть всякого нарочитого”.

Типатръ Титусъ со гневомъ кричаше, а на своемъ кони храбро скакаше. //

(л. 43) Икгелский¹⁸ король почне смутнѣ звати: “Теобалде, учини Штылфридом поединокъ, и аще одолѣешь ему, подарю тебя паньями и паннами¹⁹”. //

(л. 44) Теобалдусъ же, взяв збрую, и весело с радостию на тот лугъ борзо побѣжал, глаголя: “Оглянися, Штылфриде, на мя! А[з]и²⁰ не бѣгаю чисто и вижу бо тя, уже не можешъ стоять”. //

(л. 45) И рече Штылфрид: “Подайте ми прапорца²¹ модрого, тое бо знамя знаменуетъ уставление мужа нарочитаго”. И взял копие и скоту²² да иде. Теобалдусъ скоро противъ ему едѣ. И скочивъ, Штылфрид повергъ древо противъ ему, тече* //

(л. 46) А Теобалдусъ бояся стояти противъ ему и побѣжа, а Штылфрид за ним побежа и начат звати: “Стой, не бѣгай, добрый друже”. Теобалдусъ начат скоро бѣжати. Штылфрид²³ же нагнавъ его близ войска и отсѣклъ ему главу. //

¹⁴ Далее зачеркнуто: мечь.

¹⁵ Вторая буква в и последняя а исправлены из других букв.

¹⁶ Буква Ш пропущена, но место для инициала не оставлено. Далее в квадратных скобках восстанавливаются пропущенные буквы, в том числе в начальных словах, где писец ошибочно делал киноварными инициалами вторые буквы после пропущенных неписанных инициалах протографа.

¹⁷ Буква (союз?) слилась с предыдущей.

¹⁸ Инициал киноварью и следующая буква написаны по подчищеному; отсюда и до конца рукописи все инициалы киноварью.

¹⁹ В конце строки сложный знак окончания из точек и черточек принадлежит писцу вторичного скорописного текста; то же на л. 44 и 45.

²⁰ Над буквой а надстрочный знак, похожий на титло – выносное з (?).

²¹ В ркп.: прапоцра.

²² В ркп.: иско ту; возможно: и ско[чи] ту.

²³ В ркп. поставлено второе выносное д.

(л. 47) [В]идячи то, король Анкгелийский начат иного звати, глаголющи: “Триштрамей Опочан*! Хочу ти сто коней дати, збери свою всю силу²⁴, и будет отстоишь противъ Штыльфридови и всегда будешь моимъ приятелемъ²⁵”. //

(л. 48) Триштран бежа в межу, хотя бой сотворити Штыфридомъ* и начат звати Штылфрида: “Мати твоя не велит тебѣ со мною битися, хочю ти быстрость твою укротити, потом на мя хвалитися не станешъ”. //

(л. 49) И егда приехав к королю и рече король: “Здрав буди, Штылфриде, рыцарю мой милый! Помоги тебѣ Бог побити, а будеши живъ, а то все докончаеши”. Штылфрид рече: “Добре королю милостивый, а докуду есми живъ, хочю твою службу служити и честь тебѣ”. //

(л. 50) [О]пять Анкгельский король начат иного кликати иного*: “Брындо марѣкграбе з Тасъ (?), бындъ* противъ Штылфрида и с коня его збей”. //

(л. 51) Брында Дошраиков* поехал против Штылфрида и прапоръ свой противъ ему поставилъ и рече: “Штылфриде! Не будетъ того инако, но имешъ от мене забит быти”. Штылфрид рече: “Подайте ми прапорца полотняного, тое бо знамя знаменует пеню у вѣре мужа доброго”. Конь же его самого на смерть предалъ. //

(л. 52) [О]пять Анкгелский в великомъ смятении начат иного звати: “Бенедекте князь Тырской! Здѣлай по молодецки, выедь противъ Штылфрида и побѣди его и дай ему первую смертную рану²⁶, учини мнѣ честь своему государю”. //

(л. 53) Бенедиктъ бысть спѣсивъ и держалъ у себя червонной прапорець, а имѣл три пани (?). И со гнѣвомъ на лугъ бежал и начал Штылфрида кликати: “Воротися, воротися, Штылфриде, вижю бо тя, иже нѣ имѣеши силы, противъ меня стати не можешъ”. //

(л. 54) И рече Штылфрид²⁷: “Подайте ми прапорца шарого, тое бо знаменует знамя покоренье всякого тихо, а Бенедектъ без раны не будет, а гордою своею мыслию мене н[е] устрашит”. И борзо на луку пошелъ противъ Бенедикта. А Бенедиктъ противъ ему храбро и прытко противъ ему прискакалъ. //

(л. 55) Иже от того скакания на конѣ не устѣдилъ и упалъ с коня и убился гораздно, яко и душа из него вон. Штылфрид же воздавъ хвалу Богу и поѣде из ве* межъ вон. //

(л. 56) Ангеский* же начат опят в жалости кликати: “Надершпане, пане Угерский и великий! Начаюся тебѣ дастся в побѣду всякий человек и величество, прикажи свой конь оседлати и поедь против Штылфрида”. И рече Надершпан королю: “Хочю тако учинити и с нимъ битися силно”. //

(л. 57) И егда же Надершпан приѣха в мѣжи и начат Штылфрида кликати: “Смѣеш ли ся со мною сѣчися. Вѣдомо ти, будеши от мене сѣчен”. И рече Штылфрид: “Како смѣлъ еси тако глаголати? И самъ не вѣси* вижю, бо яко про тое римлянѣмъ добрѣ знаемо будет, когда буду у тѣбя проситися, Надершпане, тут мя моги пропустити”. //

(л. 58) Штылфрид рече: “Подайте ми прапорца шарлатнаго, тое лицо знаменует ставку всякого бѣгу рыцарского под прапорцемъ в мѣжах ставку”. И силно гнал, ижи под ногами коня его земля тряслася. //

²⁴ Буквы си написаны над строкой.

²⁵ В ркп.: приятель.

²⁶ Далее писец начал ошибочно повторять слова рану – ранучини.

²⁷ Буква Ш написана два раза.

(л. 59) А егда же к Нанедершпану* прискакал и позорствомъ перси его раздра, и за руку вземъ, с коня его шшибе, а самъ скочив с коня и к нему прибѣгши и тако мечем его прободе. //

(л. 60) [В]идячи то, Анкгелский²⁸ король и начат тужити, глаголящи: “Вижу бо, яко ни един не может стояти против Штылфриду по несчастию моему, не бысть бо ми некогда утешения в печали моей”. //

(л. 61) И рече король: “Ибриде* Наличный, лучшее мое утѣшение²⁹! Уже вижу, что рѣчь моя несчастлива по грѣхомъ. Аще не будет твоей помочи, уже мое королевство изнеможет, для того тебя наш послѣ ставилъ, дабы мя печаль моей поизбавил. Яз бо в своем дворѣ силнѣйши тебя не имѣю, аще ли станешъ противъ Штылфрида, дамъ тебѣ полкравства моего и к тому дщерь свою драгую хощу³⁰ дати тобѣ, то нѣ измѣню по моей³¹ королевской вѣре”.

Жибридъ рече: “Хочю противъ ему битву отстояти, а начаяся от Штылфрида не буду убиенъ”. Жибрид бо был князь Темирской, велми прикравень щит имѣлъ, а белегъ от злата свѣтился на червонной земли, в щиту 18 рож, сиирѣч лица. А тые лица имѣли такову силу: когда он засмеетца³², тогда тѣ лица около его пообвивалися. В тѣхъ бо землях краше, и на личене дородне его не было, и удалый и гордый // (л. 61 об.) над багатыри³³, одержаль ко собѣ одѣяние драгое, и то было жемчюгами и камениемъ усажено³⁴ драгимъ. //

(л. 63) Егда же на свой конь всѣл, ему же имя Кропиль Нарескосот*, храбро под нимъ начат ступати. Он же взят в руку свою копие с прапорцемъ и велиимъ веселиемъ до меж ехат и со гнѣвомъ велиимъ начат Штылфрида кликати, глаголющи: “Штылфриде! Где еси пошел, вижу бо тя, яко скрылся еси. Выдѣ ко мнѣ спѣшне, вижу бо тя, иже мене остатнего не видалъ еси. Не будеши хвалитися одинатцатма, иже похвалился еси такихъ 14 хотѣлъ убити. А нынѣ, аще станешъ со мною битися, будеши от мене за ту похвальбу убиенъ”. И тако много скакалъ, иже самъ тому начат смеяться. //

(л. 64) И рече: “По моей вѣрѣ пречюдно и чаешъ, иже аз с тобою не стану битися для драгаго³⁵ одения* на тобѣ свѣтит. Про то же ти скажу: Жибриде! Аще ми тя Богъ мой поможет доехати, надеюся на Бога, иже стануть у тебя тые лица скакать, а не поможет, ми дщеря короля Анкгельского, аз бо емлю на помощь Бога своего и святого Вячеслава”. //

(л. 65) А когда же на свой конь вскочилъ, и храбро под нимъ начат боком скакать, и постояв малъ часъ, воздав хвалу Богу и рече: “Подайте ми прапорца аксамитнаго, тое бо знамя знаменует честь и хвалу языку моему и охотне ставку”. //

(л. 66) И тако в межи противъ Жибрида поскакал, и начаша многое множество людей смотрити. Они же промеж собою сразилися, иже у обоих оба древа сломилися об них. //

²⁸ В ркп.: Анкгелскиии.

²⁹ В ркп.: утѣшешение.

³⁰ В ркп.: хощоцу.

³¹ Буква е приписана над строкой.

³² В ркп.: засметца.

³³ В ркп.: бопатыри.

³⁴ Но повторено два раза.

³⁵ В ркп.: драпаго.

(л. 67) Короли же и королевичи, князи и княжичи, смотрячи на них, начаша дивитися, понеже бо от того древия трескотъ, яко от грому. //

(л. 68) И рече Жибрид на том поли: “Штылфриде! Как ся тебе видится уже бо не по твоей силѣ, не тако, яко же прежнии будет, бо ти раны лучши той, а то еще нет ничего. Хошу бо ти дати рану знатчае”. Штылфрид рече: “Жибриде! Когда бо ти буду молитися, тогда станешъ мною похвалитися, а тая рана не больна ми есть, еще бо есми в своей силѣ и чести, но смотри на своем щиты знамении³⁶, и видит ми ся уже четырех* солнць нѣтъ”.//

(л. 69) И подаша има обѣм опять по древу, и учиниша межъ собою опять съезжати. И егда съѣхашася и даша сѣбѣ подручные раны и сломишися опять оба древа, а оба на конѣх отседѣли. И когда от Жибрида щит з белогом полетел, а Жибрид на конѣ усидѣл, и в тѣ поры его Штылфрид велию рану дал, глубоцѣ копием пробил. //

(л. 70) И рече Штылфрид: “Почто хвалишися, а уже на конѣ смутнѣ сидишъ? Смутьився, муже, твои лица из щита вси разсыпалися. Кабы то вѣдала дщерь короля Анггельского, то бы на тя смотря, смутилася и окручинилася, иже дался еси такому худому ранити себя”³⁷.

(л. 71) Жибрид рече: “Не хотел бых и того имѣти собѣ в честь, хотѣл бы и болшему себе не датися”. Штылфрид рече: “Како Богъ велит, тако и будет. Хошу бо тебѣ равен быти, яко же и добрый вѣждь. И смотри, иже у мене лица не перхнут, а будити вѣдомо, яко Штылфрид все разрушитъ”. //

(л. 72) И подаша³⁸ има в третие копыя, и начаша в третие съезжати. И как съехалися, Штылфрид дал Жибриду велию рану, иже Жибрид на копыи летѣлъ на сторону. И тако Штылфрид скочилъ с коня со гневомъ великимъ и, вынявъ мечъ, к Жибриду* прибѣгши и почал его велми сѣчи и начаша оружие высоко скакати. //

(л. 73) Оправившися Жибридъ и почаль боронитися и стали велми битися от полудня и до вечера до зори, поемшися за руки и сѣклися, иже от мечевъ их искры лѣтати учали. //

(л. 74) Короли ж и князи тому дивоватися начаша и к бою ихъ с прилежаниемъ начаша смотрити, уже бо начаша глаголати: “Не мощно таковымъ храбрымъ юнокомъ живымъ быти”. //

(л. 75) Еннгельский же король, поминаючи³⁹ Жибрида, начат говорити: “Прославъ нашу вѣру, дщерь бо моя о тебѣ велми печалуется. Собѣри свою силу и осмотри ранъ своих”. //

(л. 76) Жибрид рече королю: “И усмотришъ се, иже станеть предо мною бѣгати в межах”. Штылфрид рече: “Богъ вѣдает, што будет станеться, когда мнѣ хощещи дати милость. Когда буду пред тобою бѣгати, в тѣ поры мене помилуй, а яз емлю на помочь себѣ Бога моего, а хочю тѣбе похвалу уняти”. //

(л. 77) И тако еще сразилися в мѣсте, и велми билися прытко, крѣпко и удалося Штылфриду далъ* велию рану Жибриду, иже Жибридъ начат бѣгати не помногу. Штылфрид почал Жибрида сѣчи на обѣ руки. Уже бо Жибрид не може нимало боронитися и начатъ бѣгати из межъ, выбѣжал три краты из меж. Штылфрид, нагоняючи, начат силно сечи его, иже начаша у него лица

³⁶ Далее затерто одно или два слова.

³⁷ Далее замазано Жибрид.

³⁸ В ркп.: падоша.

³⁹ Далее замазано ж.

перхатие сильные сичи* Штылфридовы. И начат Штылфрид говорити ему: “Ужели видишь, то лица перхают, уж ли ровен тебѣ вижу ся? А буди ти вѣдому, уже б смерти от мене не избудешъ и ужь умреши в руках моих”. И уже одѣяние его все на немъ исъсѣклъ и окровави Жибрида всего. //

(л. 78) Жибрид же в жалости и в печали велицей рече: “Ох мнѣ, что не могъ противъ тебе стати! Никогда бо ми того не бывало, что с кимъ стану битися, некто противъ мене не могъ стоять. Уже бо нынѣ⁴⁰, вижу изнеможение свое, молю ти ся, Штылфриде, вели мя живити”. //

(л. 79) И прискочиша княжичи и начаша Штылфрида просити, глаголюще: “Когда уже ти здается, учини милость, прими его”. Штылфрид рече: “Короли и князи великие и всякий зборъ людский розный! По вашему прошению и молению учиню по воли вашей, пушу его жива. А за его гордью мысль яз бы и слышати не хотѣл, что мнѣ его жива пустити”. //

(л. 80) И рече: “Жибриде, встану уже, пушу тя от смерти, милость свою покажу над тобою”. И егда уже то все скончався⁴¹. //

(л. 81) Штылфрид пад на колѣну и, возгласивъ хвалу Богу, воздавъ и святому Вячеславу, нынѣ же повеле свое знамя розвити ческое, на нем же бѣ котел с одное стороны, котел на огненной земли, сиирѣчь на красной. //

(л. 82) И увѣдѣвше то короли и князи, и узнаша добрѣ, иже Штылфрид княземъ ческим, и тако его с великою честью вѣдоша из межъ под его знамянем идоша.

(л. 83) И рече король Острономъ: “Штылфриде, пане великий! Объявляю имя твое пред всеми князи, что еси ты будечи великимъ бояриномъ, неславенъ был еси, а противъ великих силных 12 выеха и всѣх еси премогъ и избилъ, а мнѣ еси тѣмъ добрѣ учинилъ и помоглъ. А ту чинил еси великою своею силою и умѣниемъ, яко же мнѣ много доброго. Тако и аз напред тебе жалую, а не сказываючи то тебѣ, тако жалил есми о тебѣ, чтобы ты еси был княземъ ческим, холь* бых все свое королевство издѣржити, а не дал бых тобѣ битися. А егда же изволилъ еси самъ, то бо таково есть, егда чего пожадаешь, то и збудется. Твоей воли вся збышася, ты бо про мене себе не пощадилъ еси и главы своей”. //

(л. 84) И взя его за руку, и от великие радости плакали на поли, и привел его и посади на своемъ кралевскомъ престолѣ. И того же часу принесоша ему кралевское драгое одѣяние, и королевскую другую шапку. Князи жи* и великие паны принесоша ему дары великие, и крѣпости ему и угодия всякия, а иныя во двор давахуся ему в службу. //

(л. 85) И в ту пору король Ангеский* с своею державою, пришед перед короля Астранома и [п]редъ Штылфридомъ, снявъ венецъ свой королевской соимя з главы своя и с корениемъ пред ними клан[я]тися начат и почестъ имъ воздавати и королевство свое давати имъ начат. //

(л. 86) Тогда король Напулский, подумавши з Штылфр[и]домъ, и отдалъ ему королевство, а взял на него запись крѣпости, дабы ему не противилъся ни в чемъ, а докладывал бы его думы и егда же аще понадобятся люди ему на какую либо потребу по 30 тысещей и болши, а тых коней и со златомъ тѣмъ 2000 у него взял.

⁴⁰ В ркп.: мнѣ без титла.

⁴¹ По смыслу эта фраза должна быть на следующем листе.

Emigracja Rosyjska. Losy i Idee. Łódź, 2002. 381 S.

Российская эмиграция. Судьбы и мысли. Лодзь, 2002. 381 С.

В конце 2002 г. в польском издательстве “Ibidem” вышел сборник статей под научной редакцией Р. Бекера и З. Карпуса “Российская эмиграция. Судьбы и мысли”. Проблематика, затронутая в книге, актуальна и представляет интерес не только для исследователей, но и широкого круга читателей.

Авторами книги являются историки, литературоведы, политологи, психологи, слависты. Стремление создать труд всесторонний, опирающийся на межпредметные теоретические знания, заставило редакторов привлечь к работе демографов, социологов и антропологов. Разнообразие методов исследования имело целью всестороннее изучение такого сложного, многоликого и противоречивого феномена, каким является любая эмиграция, но в особенности российская – одна из наиболее многочисленных и значительных в мире.

Издание состоит из четырех частей: “Идеи российской эмиграции”, “Философская мысль российских эмигрантов”, “Судьбы российской эмиграции”, а также “Соседние государства и российская эмиграция”.

Особое место в книге занимает обзор проблемы “евразийства”, его культурологического и политического аспектов. Этой теме посвящена работа Р. Парадовского “Методологические и метафизические проблемы евразийской культурологии”.

Р. Бекер в своей статье “Между революционным консерватизмом и тоталитаризмом. Дилеммы оценки межвоенного евразийства” проводит интересный анализ этой доктрины, задается вопросом, как классифицировать евразийство, идейными основателями которого наряду с Н.С. Трубецким являлись Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин. Можно ли сравнивать это течение с немецкой “консервативной революцией” и тоталитаризмом в чистом виде? Проанализировав работы многих исследователей, автор делает следующий вывод: “...Межвоенное евразийство находилось между авторитарными и тоталитарными структурами мышления, характерными для консервативной революции, все более эволюционируя в направлении к последнему. Однако в тот период евразийство не дошло до тоталитарной, в классическом понимании, системы мышления”.

Эволюцию идеи соборности, основной идеи славянофильства, рассматривает в своей статье “Метаморфозы соборности” С. Мазурек.

Целая глава в книге уделена статьям, посвященным философской мысли российской эмиграции. Творчество выдающегося русского мыслителя Н. Бердяева вызывает неподдельный интерес у исследователей во всем мире. Две статьи настоящего издания освещают некоторые аспекты его научной деятельности, связанные с заявленной темой, – “Нико-

лай Бердяев как критик трансцендентальной философии” М. Шулакевича и “Николай Бердяев и Федор Степун о свободе. Свобода как верность” Р. Парадовского.

Одним из выдающихся русских философов, работавших в эмиграции, был Н. Лосский. Его обширную научную деятельность исследует в своей работе “Творчество Николая Лосского в эмиграции” Ю. Павляк.

Тему философской мысли продолжают статья Х. Ковальской о взглядах российского эмигранта Л. Копелева, а также работа М. Богуна ““Новый человек” и трагедия избранных в размышлениях Георгия Федотова”.

Книга посвящена прежде всего эмиграции межвоенного периода. Неотъемлемой частью духовной жизни эмигрантов из России являлась православная религия. Русские в эмиграции не отказались также от традиции издания солидных альманахов, газет и журналов. Так, С. Ткачев в своей статье “Российская эмиграция в межвоенной Польше” освещает деятельность объединений, просветительских и благотворительных учреждений, созданных представителями эмиграции, вопрос отношений эмигрантов с государством и церковью, а также исследует тему сотрудничества эмигрантских кругов с органами безопасности Польши и Советской России.

Нельзя не сказать о неocenимом вкладе представителей русской интеллигенции за рубежом в развитие и сохранение родной культуры. Российская эмиграция в период между двумя мировыми войнами не только сберегла, но и преумножила культурное достояние отчизны. Это, как пишет М. Раев, “была Россия за пределами СССР”. Ее существование, достижения в области культуры, искусства и науки значительно обогатили наследие российского народа.

Несколько статей настоящего издания посвящены отдельным личностям, представителям российской эмиграции более позднего периода, творчество которых заявило о себе на Западе и вернулось, “сквозь тернии”, на родину.

В этой связи нужно отметить замечательную статью А. де Лазари “По-

хождения Миши Шемякина”. Небольшой, но емкий по содержанию очерк о жизни и творческом пути этого ныне всемирно известного художника и скульптора написан с огромным уважением и интересом к личности и художественной концепции мастера.

Любопытна также работа И. Массакки “Владимир Котляров (Толстый) – *Enfant terrible* русской эмиграции в Париже”. В возрасте сорока двух лет Котляров эмигрировал во Францию, где очень скоро получил гражданство. Человек универсально одаренный, он проявил себя на многих поприщах, упомянем лишь некоторые из них: режиссура, археология, искусствоведение, писательская и редакторская деятельность. Во Франции В. Котляров посвятил себя публицистике и издательской деятельности.

В свете нынешнего обострения “калнинградского вопроса” представляется интересной статья А. Романова “Российская эмиграция в Свободном Городе Гданьске (1920–1939)”. Девятнадцатилетняя история уникального города предстает перед нами в контексте жизни и деятельности представителей российской эмиграции. Любопытна приведенная в статье подборка архивных данных. Так, из 1500 россиян, проживавших в Вольном Городе, 181 человек являлись его гражданами. Среди компаний, созданных российскими эмигрантами в Гданьске, упоминается торгово-транспортная фирма “Сельдь”, столярные мастерские Г. Степанова, торговая фирма “Губкин и Кузнецов”. Автор делает следующий вывод: “...Российскую эмиграцию, обосновавшуюся в Гданьске в межвоенный период, можно разделить на две группы. Первая приехала сюда еще задолго до Первой мировой войны... Другую, особенно многочисленную, составили представители политических кругов. ...Характерной чертой общественной жизни российской колонии в Вольном Городе Гданьске был перевес политической деятельности над другими формами общественной жизни”.

Как всегда живой интерес вызывают материалы, созданные на основе мемуарных и дневниковых записей (“Русские эмигранты в моих воспоминаниях”

П. Лоссовского), а также переписка, положенная в основу статьи М.А. Робинсона “Русские слависты-эмигранты и их контакты 1920-х годов с коллегами, оставшимися на родине”.

Говоря о статьях, представленных в книге нельзя не сказать о работе имама Махмуда Таха Жука “Эмиграция с Южного Кавказа в Польшу Вассана Гирея Джабаги”, прослеживающей судьбу нескольких поколений одной семьи.

Безусловно, исследование таких важных вопросов, как политическая деятельность представителей русской эмиграции, их политические убеждения, умонастроения, а также тенденция к ее увеличению, особенно после распада СССР, должно иметь продолжение. Этот

сборник является первым томом серьезной научной работы, посвященной феномену российской эмиграции, начатой польскими и российскими учеными, за которым последуют дальнейшие исследования.

Представленное издание стало, на мой взгляд, не только еще одним кирпичиком в деле восстановления добрых дружественных отношений Польши и России, что само по себе отрадно, но и является частью удивительного мозаичного полотна, создающегося в последнее время усилиями талантливых и преданных делу исследователей.

© 2004 г. Э. Гараева

Славяноведение, № 4

A. KOWALSKA. Studia nad dialektem mazowieckim. Warszawa, 2001. 412 С.
B. FALIŃSKA. Leksika dotycząca hodowli na mapach Ogólnostowiańskiego atlasu językowego. Białystok, 2001. T.1. 263 С. T. 2. 219 С.

A. КОВАЛЬСКАЯ. Исследования мазовецких говоров
Б. ФАЛИНСКАЯ. Лексика животноводства на картах Общеславянского лингвистического атласа

Славянская лингвистическая география обогатилась двумя серьезными диалектологическими исследованиями, принадлежащими польской школе лингвистической географии, а именно монографией Анны Ковальской, посвященной описанию мазовецких говоров, и двухтомной монографией Барбары Фалинской, посвященной ареалогической интерпретации карт второго лексико-словообразовательного тома Общеславянского лингвистического атласа “Животноводство”.

Современное состояние славянской лингвистической географии может быть охарактеризовано как чрезвычайно продуктивное, ибо она переживает сейчас период своеобразного “ренессанса”: во всех славянских странах идет интенсив-

ная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа – территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч. И это еще раз прекрасно доказал XIII международный съезд славистов, на книжных стендах которого была богата представлена целая серия самых разнообразных атласов.

Эти ареальные исследования позволили не только усовершенствовать приемы и методы анализа лингвогеографии, но и расширить ее лингвистическую парадигму. Такой теоретический прорыв, наметившийся в последнее десятилетие, во многом способствовал ее переходу от экстенсивного изучения ди-

алектов к интенсивному погружению в сущность лингвоареальных явлений.

Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов на картах атласов требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и во времени. Поэтому современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления “объясняющей лингвогеографии” (см.: [1. С. 7]), имеющей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Между тем следует признать, что и в отечественной, и в зарубежной диалектологии еще довольно слабо проработаны методологические основы приемов и принципов научного описания лексики и словообразования в лингвогеографическом аспекте, а тем более методика чтения лексических, словообразовательных и лексико-словообразовательных карт с ареальной точки зрения. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще сравнительно медленно вводятся в научный оборот (например, среди докладов, прозвучавших на последнем съезде славистов, можно назвать лишь единичные, в которых использовался материал Общеславянского лингвистического атласа).

Оглядываясь на тот долгий путь, который прошла лингвистическая география, следует признать, что на протяжении всего XX в. (т.е. того периода, когда собственно и происходило ее становление как науки) в лингвогеографических исследованиях удивительно устойчивой была сама научная идеология, ее, так сказать, приоритеты, поскольку в центре внимания диалектологов находились прежде всего факты диалектной фонетики, которые оценивались как наиболее релевантные при определении диалектных различий и, соответственно, территориальной дифференциации тех или иных говоров. Это во многом объясняется тем, что в диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое от-

ношение к лексике и словообразованию (ср. в связи с этим замечание Г. Пауля о том, что для диалектного членения “наиболее характерным признаком являются звуковые отношения... Менее всего характерны словарный состав и его употребление. Здесь чаще всего встречаются заимствования из одного диалекта в другой, как и из одного языка в другой” [2. С. 242]) как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Вспомним хотя бы, как много нападок выдержал лексический атлас Ж. Жильерона, ошеломляющим открытием которого явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях, в результате вообще стали сомневаться в понятии диалекта (см.: [3. С. 34]). Не случайно именно со времен Ж. Жильерона и Э. Эдмона в ареальной лингвистике прочно утвердилось мнение, что на лексических картах (в отличие от фонетических и грамматических) царят “анархия” и “беспорядок” в начертаниях изоглосс, что создает определенные трудности при их изучении и каталогизации (см., например, характеристику фонетических и лексических изоглосс: “Изоглоссы первого (фонетического. – *Т.В.*) типа выделяют наиболее определенные и четко противопоставленные территории, занятые теми или иными разновидностями явлений. Для этого типа изоглосс характерно и то, что выделяемые ими противопоставления немногочисленны и по большей части попарно противопоставлены друг другу... Изоглоссы второго (лексического. – *Т.В.*) типа гораздо реже бывают связаны с подобными попарными противопоставлениями достаточно определенных территорий. Обычно наряду с тем, что одно или несколько названий предмета или значений слова имеют достаточно определенное распространение, другие его названия связаны с разного рода микротерриториями и островами, нередко совмещающимися друг с другом, создающими вкрапления и на территории широко распространенного названия” [4. С. 234, 236]).

В силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости лексика, как утверждалось, не позволяет провести ареальную классификацию диалектов. И “хотя различия в лексической системе структурно наиболее значительны, их важность часто недооценивалась, в связи с чем они именовались аморфными или некоррелятивными” [5. С. 19]. Вследствие этого лексические диалектизмы (судьбы которых действительно часто оказывались индивидуальны) традиционно считались не релевантными для целей лингвистической географии. Именно поэтому в центре внимания диалектологов были долгое время главным образом фонетические и морфологические различия. Не могу в связи с этим не привести слова известного румынского ученого Й. Йордана, который, описывая историческое развитие романской лингвистической географии, указывает на то, что при “изучении народных говоров... большое внимание уделялось звукам, затем грамматическим формам и значительно меньше – синтаксическим конструкциям. Словарный состав почти совершенно не учитывался. Хотя такие исследования часто сопровождалась записями народных текстов в стихах и прозе, собранных в местностях, говоры которых были предметом исследования” [6. С. 218]. Эта ситуация была характерна не только для романской лингвистической географии, но и для славянской.

Объяснение ее, как представляется, следует искать в самом феномене фонетических диалектных различий, поскольку на уровне фонетики диалектные различия прослеживаются действительно ярче всего. Пронизывая всю толщу языка, эти различия проявляются на всех языковых уровнях, охватывая огромное количество слов, и являются наиболее очевидными, заметными даже неискушенному исследователю. Поэтому именно фонетические признаки были долгое время в центре внимания диалектологов, и лишь значительно позднее привлекли к себе внимание признаки морфологические. По-видимому, этим обстоятельством объясняется и тот факт, что в программах многих диалек-

тологических атласов было, как правило, мало вопросов, относившихся собственно к лексике и словообразованию. И только лишь со временем накопление и каталогизация диалектных различий на лексико-семантическом уровне (чему в немалой степени способствовало ширококомасштабное лексикографическое и монографическое изучение диалектной лексики) привели постепенно к преодолению этого скептического отношения к фактам лексики и словообразования, которые все чаще становились предметом специального картографирования в региональных, национальных и наднациональных атласах.

Преимущественное внимание к фактам фонетики, а не лексики, господствовавшее долгое время в ареальной лингвистике, отрицательно сказалось и на том, что общие методологические проблемы изучения и интерпретации типов лексических ареалов оказались на периферии исследовательских интересов. Вот почему публикацию этих двух монографий, посвященных ареальному исследованию лексико-словообразовательных данных, можно с полным основанием считать серьезным восполнением отмеченной научной и методологической лакуны, ибо обе книги являют собой образец теоретического осмысления диалектного ландшафта с позиций лексики и словообразования, углубляя онтологическую специфику объекта исследования и методов его изучения.

* * *

В монографии Анны Ковальской, обобщающей ее многолетние исследования говоров Мазовии, лингвогеографический метод является основным. При этом автор справедливо полагает, что синхронная система языка пронизана генетическо-деривационными связями, поэтому в словообразовании невозможно (более того – и нецелесообразно) разделить синхронию и диахронию; в связи с этим основополагающим теоретическим принципом, из которого исходит автор, является положение о динамическом исследовании объекта. Это положение полностью согласуется с по-

стулатом лингвистической географии, согласно которому карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов того или иного языка, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, ибо языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: “существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве” [7. С. 304]. Поэтому кроме лингвогеографического метода А. Ковальская обращается в своей работе к методу исторической интерпретации изоглосс.

Содержание монографии А. Ковальской значительно шире ее названия, так как в ней рассматриваются общетеоретические проблемы, связанные с самой методикой и методологией лингвогеографических исследований.

Книга состоит из пяти крупных разделов: I. Общие и методологические проблемы; II. Проблемы историко-лингвистические; III. Отдельные словообразовательные вопросы; IV. Проблема языковой экспрессии; V. Мазовецкие говоры и соседние диалекты. Общие влияния.

Первый раздел посвящен рассмотрению общих методологических вопросов лингвогеографических исследований: автор подробно останавливается на истории польской лингвогеографии, становлении ее собственной методологии, раскрывает перспективы изучения диалектов с помощью методов лингвогеографии, говорит о роли лексики и словообразования в установлении диалектных границ, попутно освещая некоторые спорные вопросы лингвогеографии и предлагая интересные методологические решения (например, вопроса о спорадических названиях и их отражении на карте).

Знакома читателя с работой над атласом мазовецких говоров, автор приводит подробный историографический очерк их изучения с самых разных точек зрения: с лингвистической, этнографической, исторической.

Второй раздел монографии посвящен диахронному описанию мазовецких говоров. Приводя интересные данные из области фонетики и лексики, А. Ковальская выделяет фонетические, лексические и семантические архаизмы, локализует их на карте, определяя тем самым центр и периферию в языковом развитии этих говоров. Автор подробно останавливается на языковых процессах, протекавших в разное время в говорах Мазовии: так, в частности, говоря о семантических трансформациях некоторых лексем, автор выделяет процессы сужения их значения (например, у лексем *podeszwa*, *gwar*, *mogila*, *grób*) или, наоборот, расширения (у лексем *tło*, *naród*, *ojczyzna*), отмечает явления метафорических и метонимических переносов.

Третий раздел монографии посвящен синхронному описанию некоторых словообразовательных формантов (в частности, суффиксов *-ek*, *-icha*, *-ula*, *-nik*) с точки зрения их функционирования в говорах Мазовии, выявления своеобразия в их семантической нагрузке и дистрибутивных возможностях. Ценность этого описания в том, что оно существенно обогащает классификацию различий северо-восточных польских говоров новыми данными из области лексики и словообразования.

Четвертый раздел посвящен описанию диалектных различий в области экспрессивной лексики и словообразования. В качестве отправной точки исследования берутся антрополоксеммы, характеризующие человека по различным признакам (например, названия человека, который шепелявит или человека с вытаращенными глазами). Автор выделяет источники диалектной экспрессии, иллюстрируя свои теоретические положения описанием экспрессивных образований с суффиксальным элементом *-l-*, а именно с суффиксами *-ajło*, *-al*, *-ala*, *-al*, *-ala*, *-dło*, *-el*, *-ela*, *-el*, *-eta* и др.

Последний, пятый раздел монографии посвящен описанию мазовецких говоров в общепольском контексте, в частности, вопросам их взаимодействия с соседними польскими говорами, выявлению типов этих взаимодействий (на

уровне фонетики, морфологии, лексики и словообразования), источника и причин их возникновения, направления распределения, выявлению элементов интерференции в словообразовательной системе мазовецких говоров (в качестве иллюстрации автор приводит подробное описание функционирования в этих говорах суффиксов *-icha*, *-un*, *-uk*).

Монография снабжена многочисленными картами, иллюстрирующими наблюдения и теоретические обобщения автора. Особенно следует отметить, что кроме карт по отдельным языковым явлениям, посвященным фонетическим, морфологическим и лексико-словообразовательным особенностям мазовецких говоров (например, континуанты *l' в глагольных формах *mleć*, *pleć*, форм 1sg *grae*, названия коров с суффиксом *-icha*), в книге содержатся и обобщающие карты, дающие представление о пучках изоглосс, пересекающих мазовецкие говоры в разных направлениях, а именно с севера на юг и с запада на восток, что позволяет автору провести их дальнейшую стратификацию и выделить более мелкие диалектные зоны – зоны юго-западных и северо-западных мазовецких говоров, а также юго-восточных и северо-восточных, определить их центр и периферию.

* * *

Двухтомная монография Барбары Фалинской “Лексика животноводства на картах Общеславянского лингвистического атласа” – плод ее кропотливой редакторской работы над вторым лексико-словообразовательным томом Атласа “Животноводство”. Работа представляет собой фундаментальное исследование, синтезирующее в себе материалы Атласа с их ареалогическим комментарием. В основе ее лежит идея (подсказанная автору в свое время его коллегой, акад. Б. Видоеским) выявить ареалы многочисленных названий домашних животных и птиц, которые рассыпаны по всем диалектам Славии, а потому визуально иногда достаточно трудно читаются на картах Атласа.

Монография дает в руки читателя ценнейший материал, позволяющий ему вести исследовательскую работу в самых разных направлениях. Значимость этой монографии определяется и тем новым методологическим решением, которое предлагает автор, анализируя лексико-словообразовательные карты ОЛА.

Первый том монографии Б. Фалинской (“Substantiva”) посвящен описанию субстантивной лексики (в основе его лежит материал 55 карт Атласа), а второй том (“Verba i adiectiva”) – описанию глагольной и адъективной лексики (его составляет материал 19 карт Атласа).

Работу предваряет обзор истории создания второго тома Атласа, в котором дается общая характеристика материалов тома (в том числе и ареалогическая, свидетельствующая о том, что общеславянский характер распространения имеют лишь две лексемы – *buk-ъ* и *ov-ъc-a*), говорится о принципах подачи материала в легенде и на карте.

Предварительный ареалогический анализ материалов Атласа позволил Б. Фалинской сделать следующие выводы:

- на картах Атласа отчетливо выделяется северная и южная Славия;
- материалы Атласа свидетельствуют о довольно сильных связях северо-восточных польских говоров с западными белорусскими и северо-западными украинскими;
- на картах Атласа выделяются лексемы, свидетельствующие о своеобразии того или иного славянского языка в общеславянском контексте;
- южнославянские языки демонстрируют дифференциацию по линии запад-восток;
- часть словенских и хорватских (кай-кавский) диалектов обнаруживает сильные связи, с одной стороны, с западнославянскими диалектами (особенно со словацкими, чешскими и лужицкими), а с другой – с юго-западными украинскими;
- эти изоглоссы образуют как исконно славянские, так и заимствованные лексемы;
- на картах Атласа выделяются архаичные периферийные зоны;

– ареалы спорадически встречающихся лексем совпадают с территориальными языковыми границами;

– скопление синонимичных лексем и их вариативность чаще всего наблюдаются на пограничных территориях, что объясняется процессом языковой интерференции.

Материалы карт, входящих во второй том Атласа, свидетельствуют и о том, что в славянских языках наблюдаются расхождения в принципах номинации домашних животных и птиц, так как для южно- и западнославянских языков при назывании отдельных особей домашних животных и птиц характерно, как правило, различие общего названия и названия самца или самки, тогда как для восточнославянских языков это не характерно (ср. рус. гусь общее название и название самца).

Интересной методологической находкой Б. Фалинской, существенно облегчающей восприятие материала Атласа, являются специальные таблицы, позволившие автору четко представить информацию самого разного рода. Во вступлении к первому тому подробно описываются принципы составления этих таблиц и принятые в них условные обозначения. В основе каждой таблицы лежит легенда, разработанная морфологической комиссией Атласа. Таблица содержит сведения о числе населенных пунктов, входящих в сетку ОЛА и представляющих тот или иной язык, о частотности картографируемой лексемы в каждом из языков и во всех славянских языках в целом. В конце таблицы приводятся данные о заимствованных лексемах и источниках их заимствования. С помощью специальных знаков в ней подается информация о лексемах, совпадающих с литературным названием картографируемой реалии, а также информация о том, что литературная форма той или иной реалии не подтверждена диалектным материалом. Таким образом, ценность этих таблиц определяется тем, что в них читатель находит точные сведения и о количестве зафиксированных на карте лексем, сравнив их с общим количеством населенных пунктов, и об их соотносительности с литературным названием, и об их происхождении, и об их распределении на территории Славии.

Каждую таблицу сопровождает иллюстрирующий ее материал, поданный также в табличной форме, дающий читателю представление о том, где, в каком населенном пункте зафиксирована та или иная лексема. В конце приводится список спорадических названий, которые подразделяются автором на две группы: названия с картографируемым корнем (группа “а”) и названия с некартографируемым корнем (группа “b”). Отдельно выделяется группа названий с затемненной этимологией (группа “с”). Общий список этих спорадических названий (с указанием карты и номера пункта, где они отмечены) приводится автором в конце второго тома.

Таблицы сопровождают комментарии автора, в которых содержатся сведения о распределении той или иной лексемы, о причинах ее употребительности в тех или иных диалектах, о ее соотношении с другими лексемами, существующими в тех же диалектных системах, а иногда и о ее истории в этих диалектах.

Описание материала в монографии ведется по семантическим полям, т.е. так же, как он подается в Атласе, а именно: отдельно описываются названия самцов животных и птиц (например, *жеребец, мерин, бык, баран, козел, собака, петух, гусь* и др.), названия самок и общие названия (например, *овца, сука, кошка, курица, гусыня, скот* и др.), отдельно – названия детенышей животных (например, *котенок, щенок, жеребенок, ягненок, теленок, козленок, цыпленок, утенок* и др.), пейоративные и деминутивные названия (например, *лошаденка, коняга, коровенка, коровка, бычок, теленочек, овечка* и др.), прочие названия (например, *пастбище, пасека, шерсть, копыто, нюх собаки* и др.).

Автор специально подчеркивает, что такой способ подачи материала в монографии имеет принципиально важное методологическое значение, так как позволяет охарактеризовать чрезвычайно сложный и пестрый материал Атласа не только в лексико-словообразовательном, но и географическом аспекте.

Завершают первый том обобщающие таблицы, иллюстрирующие распределение разного типа изоглосс: общеславянские, южно-западнославянские, западно-

восточнославянские, южно-восточнославянские; изоглоссы, выделяющие каждую группу славянских языков в отдельности, – южнославянскую, западнославянскую и восточнославянскую.

Второй том монографии обобщает материал 19 карт ОЛА, репрезентирующих глагольную и адъективную лексику, относящуюся к сфере животноводства. Способ подачи материала тот же, что и в первом томе. Названия сгруппированы по семантическим полям, среди которых выделяются названия действий животных или людей, ухаживающих за животными: *жуёт жвачку* (о корове), *бодается*, *клюёт*, *ухаживает за животными*, *кастрирует* и др., названия голосов, звукоподражательные глаголы: *ржет*, *блет*, *лает*, *мяукает*, *поет* (о петухе) и др., названия состояний животных, находящихся в течке: *бьется*, *гуляет*, *ищет* (о корове); *гуляет*, *ищет*, *бегается* (об овце), *бьется* (о свинье); названия состояний беременности самок животных и их действий: *жеребая*, *суягная*, *котная*, *окотиться* и др.).

Уже первое знакомство с материалами карт, представленными в монографии Б. Фалинской, убеждает в верности предположения автора о том, что на таком огромном пространстве, как Terra Slavica, должны быть выявлены серьезные межъязыковые лексические и словообразовательные различия в распространении названий, относящихся к одной из древнейших сфер традиционной материальной культуры славян, каким является животноводство. Табличный способ подачи материала является, несомненно, удачной находкой автора, поскольку позволяет четко представить сложную картину диалектной дифференциации Славии, несмотря на пестроту и калейдоскопичность пересекающихся ее в разных направлениях изоглоссы.

Самостоятельную ценность имеют выводы автора, данные им также в табличной форме, что еще раз убеждает читателя в методологической строгости и аргументированности наблюдений Б. Фалинской.

Открывает выводы таблица, иллюстрирующая количественную представленность названий на картах второго тома Атласа “Животноводство”: здесь автор особо выделяет восточнославянские

диалекты, и в первую очередь русские и украинские, отличающиеся наибольшим разнообразием картографируемых лексем, среди южнославянских диалектов им отмечаются прежде всего сербскохорватские, а среди западнославянских – польские.

С помощью специальных знаков в таблице представлены сведения о типах ареалов (например, общеславянском или территориально ограниченном) и о типах межъязыковых связей (причем, что особенно важно, – в количественном выражении). Таблица свидетельствует о том, что в восточнославянском диалектном континууме центром являются украинские говоры, в западнославянском – польские, а в южнославянском – сербскохорватские. Эту первую таблицу дополняет вторая, репрезентирующая типы лексических связей южно- и западнославянских диалектов, среди которых автором особо выделяются сербскохорватско-македонско-польские изоглоссы, словенско-польские, сербскохорватско-словацкие, словенско-сербскохорватско-чешские, сербскохорватско-польско-лужицкие. В южнославянском языковом континууме, судя по данным этой таблицы, центром является сербскохорватский язык, а в западнославянском – чешский. В третьей таблице представлены связи западно- и восточнославянских языков. В количественном выражении они в среднем в два раза превышают связи южнославянских языков с западно- и восточнославянскими. Среди них особенно выделяются польско-украинские и польско-украинско-белорусские связи. В этой таблице особенно заметны диалекты украинского языка, которые имеют сильные связи практически со всеми славянскими языками, на втором месте, судя по статистическим данным, находятся диалекты польского языка, которые демонстрируют особенно сильные связи с чешскими и словацкими диалектами. Интересно также, что диалекты белорусского языка обнаруживают в этой области лексики более тесные связи с диалектами украинского языка, нежели русского. В четвертой таблице отражены типы лексических связей южно- и восточнославянских языков, в которых доминирующими являются связи с украинским языком, а у македонских ди-

алектов, кроме того, с белорусским. Следующие три таблицы дают представление о связях близкородственных языков: в южнославянском ареале выделяются словенско-сербскохорватские и сербскохорватско-македонские связи (материалы болгарского языка по известным научной общественности причинам в Атласе отсутствуют); в западнославянском ареале преобладают связи чешских и словацких диалектов, тогда как польско-лужицкие связи являются менее заметными; в восточнославянском ареале ведущими являются украинско-белорусские изоглоссы (особенно их много среди названий детенышей животных), на втором месте оказываются белорусско-русские связи и лишь на третьем – украинско-русские.

Оценивая эти межъязыковые соответствия (которые, к сожалению, пока невозможно считать вполне корректными ввиду отсутствия в Атласе болгарского материала), нельзя исключать и тот факт, что многие из выявленных автором схождений могут быть результатом не только действительно унаследованного общего, но и параллельного, независимого развития языков. Однако представляется, что даже в этом случае выявленные схождения являются отражением тех общих языковых процессов, которые были пережиты славянскими языками в прошлом, так как параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка (см.: [7. С. 27]), и в этом смысле все изменения, пережитые славянскими языками в процессе их исторического развития, с лингвистической точки зрения предопределены их прешествующим состоянием, ибо чем ближе языковые системы, тем меньше случайных совпадений в их развитии, поскольку развитие систем в значительной степени детерминировано общими генетическими истоками.

Ареалогический анализ материала карт второго лексико-словообразовательного тома Общеславянского лингвистического атласа “Животноводство” свидетельствует о том, что восточнославянские диалекты, в отличие от южно- и западнославянских, являются более гомогенными, причем особенно сильные связи здесь прослеживаются между диалектами

украинского и белорусского языков. В южнославянском диалектном континууме наблюдается вертикальное членение сербскохорватских диалектов по линии запад–восток, так как они обнаруживают, с одной стороны, довольно сильные связи со словенским языком, а с другой – с македонским. В западнославянских языках наиболее сильные связи с другими славянскими диалектами обнаруживает чешский язык, причем чешско-словацкие связи являются в этом регионе самыми сильными, на втором месте оказываются чешско-словацко-польские связи и лишь на третьем – польско-лужицкие.

Анализ лексем, имеющих эксклюзивный характер, свидетельствует о том, что в южнославянском языковом континууме выделяются сербскохорватские говоры, имеющие больше всего отличительно характеризующих их лексем (их в 2 раза больше, чем в словенском и македонском языках), в западнославянском в такой ситуации оказывается польский язык, в диалектах которого в 2 раза больше эксклюзивных лексем, чем в чешском языке, и в 3 раза больше, нежели в словацком и лужицких; в восточнославянском языковом континууме наибольшей отличительной особенностью характеризуются диалекты русского языка (имеющие в 6 раз больше таких лексем по сравнению с диалектами белорусского языка и в 2,5 раза больше по отношению к диалектам украинского языка).

Самостоятельную ценность в монографии Б. Фалинской имеет сводная таблица, позволяющая читателю составить представление о заимствованиях из неславянских языков в лексике, связанной с животноводством: судя по данным этой таблицы больше всего заимствований в славянских диалектах (особенно в польских, украинских, словенских и лужицких) из немецкого языка, на втором месте оказываются турецкие заимствования (особенно в диалектах сербскохорватского и украинского языков), на третьем – итальянские (особенно в словенских и сербскохорватских диалектах).

Завершают этот том два сводных индекса материалов второго тома Атласа “Животноводство”: первый – алфавит-

ный индекс спорадических названий (с указанием карты и номера населенного пункта, где они встречаются), а второй – обратный индекс (Indeks a tergo) всех картографируемых лексем (с указанием номера карты), позволяющий читателю составить представление о доминирующих в славянских языках словообразовательных моделях и типах.

Монография Б. Фалинской является прекрасным ареалогическим комментарием ко второму тому Общеславянского лингвистического атласа “Животноводство”. Думается, что международный коллектив ОЛА положительно воспримет это новое методологическое решение автора и творчески использует его в своей дальнейшей работе над Атласом.

В заключение хочется еще раз отметить, что публикация монографий А. Ковальской и Б. Фалинской – это, несомненно, крупный успех польских диалектологов, продолжающих разработку общетеоретических проблем лингвистической географии. Эти работы дают неопровержимые доказательства надежности лексических и словообразовательных данных для установления границ диалектного членения как микро-, так и макроареалов, ибо эти исследования наглядно проиллюстрировали, что лексические

диалектизмы – это не “хаос изоглосс”, пересекающих диалектную территорию в разных направлениях без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая совершенно определенные тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс, которые надо лишь научиться “читать”.

© 2004 г. Т.И. Вендина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гриценко П.Е.* На подступах к объясняющей лингвогеографии // Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Київ, 1993.
2. *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1880.
3. *Бородина М.А.* Проблемы лингвистической географии. М.;Л., 1966.
4. Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.
5. *Ивич П.* Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1965.
6. *Йордан Й.* Романское языкознание. М., 1971.
7. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики М., 1975.

ПЕРВОЕ ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ “РОССИЙСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ”

Проведение славистических конференций имеет давнюю традицию. В СССР под эгидой министерства высшего и среднего специального образования и под руководством кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ регулярно проходили всесоюзные научно-практические конференции историков-славистов. Вслед за координационным совещанием по актуальным проблемам славяноведения, проведенным в Институте славяноведения и балканистики в январе 1961 г., в 1962 г. состоялась конференция на базе Исторического факультета МГУ. Затем конференции проходили в 1963 г. в Киеве, в 1966 г. – в Воронеже, в 1968 г. – в Минске, в 1970 г. – в Харькове, в 1973 г. – во Львове, в 1975 г. – в Черновцах, в 1978 г. в Донецке, в 1982 г. – в Ужгороде, в 1985 г. – в Харькове, в 1988 г. – в Минске. Последняя конференция прошла в 1990 г. снова в Москве. Организаторы конференции планировали провести следующую конференцию на базе университета г. Краснодара, но...но, многое изменилось в стране и мире после 1990 г. Распался Советский Союз. Распались Югославия и Чехословакия... Запланированная 13-я научная славистическая конференция так и не состоялась.

Необходимо отметить, что всесоюзные славистические конференции внесли значительный вклад в развитие отечественного славяноведения и преподавание истории славянских народов в высших учебных заведениях СССР. При

этом особенно большое значение эти конференции имели для развития славяноведения и расширения славистических исследований на периферии (а не только в Москве и Ленинграде). Они являлись и координирующим органом, который направлял развитие славяноведения в стране.

В работе этих конференций регулярно принимали участие также ученые из зарубежных славянских стран.

Институт славяноведения и балканистики всегда активно участвовал в работе всесоюзных научных славистических конференций. Ученые Института выступали с докладами и сообщениями на всех секциях – от древнейшей истории славян до современности.

Теперь, в новых условиях Институт и Научный Совет по проблемам славяноведения при Отделении историко-филологических наук РАН выступили с инициативой проведения всероссийских славистических конференций. 23–24 октября 2003 г. в Институте славяноведения РАН (Москва) было проведено первое Всероссийское совещание “Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития”. В его работе приняли участие 179 человек из Москвы, Санкт-Петербурга, многих регионов России, а также гости из ряда зарубежных стран.

На пленарном заседании выступили директор Института славяноведения РАН и председатель Научного Совета по проблемам славяноведения чл.-корр.

В.К. Волков, директор Института русского языка РАН чл.-корр. А.М. Молдован, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ проф. Г.Ф. Матвеев и заведующий кафедрой славянской филологии МГУ проф. В.П. Гудков.

В.К. Волков поднял вопрос о месте славяноведения в системе гуманитарных знаний. Опираясь на достижения общественных наук в изучении цивилизаций и их системообразующих факторов, он остановился на роли гуманитарных знаний в рамках культур отдельных народов. В мировой науке славянский мир рассматривается как единое целое. В славянских странах славяноведение занимается изучением инославянской среды, хотя их собственное страноведение является неотъемлемой частью этой науки. После распада СССР славяноведение в России обрело новое звучание. Восточное славянство (русские, украинцы, белорусы) составляют две трети численности всех славянских народов. Изучение славянского мира во всем его объеме (“интегральное славяноведение”) – необходимая потребность российских ученых. В новых условиях славяноведение становится наукой, влияющей на выработку концепции национально-государственных интересов России.

А.М. Молдован рассказал о состоявшемся в середине августа 2003 г. в Любляне XIII Международном съезде славистов, в котором приняло участие 618 ученых из 37 стран, в том числе более 70 ученых из России. Тематика съезда была распределена по двум традиционным разделам – “Языкознание” и “История литературы, культурология, фольклористика”, кроме того, был выделен раздел “История славистики” с юбилейной темой “Йозеф Добровский (1753–1829) в контексте европейского просвещения и общественных наук”.

На съезде были проведены “круглые столы” по темам “Литературоведческая славистика в период глобализации”, “Славянские языки в эколингвистической перспективе: функционирование, контакты, языковая политика” и “Университетская славистика в славянских и неславянских странах”. В ходе съезда

состоялись заседания всех комиссий при Международном комитете славистов, были приняты правила их формирования и деятельности, проведены выборы новых руководителей. Количество комиссий уменьшилось с 29 до 25: некоторые комиссии по разным причинам перестали действовать, но появились и новые. По традиции, на съезде была развернута выставка славистической литературы, в которой, как всегда, значительное место занимали публикации российских ученых. Следующий съезд славистов планируется провести в 2008 г. в Македонии.

Г.Ф. Матвеев сообщил о состоявшемся 22 октября 2003 г. на историческом факультете МГУ совещании-семинаре преподавателей-славистов. После заинтересованного обсуждения состояния и перспектив преподавания истории южных и западных славян участники констатировали, что этот традиционный для российских классических университетов предмет должен быть восстановлен в образовательном стандарте в качестве обязательного курса, для чего необходимо обновление имеющихся и подготовка новых учебных пособий, в первую очередь учебно-методического комплекса, который должен состоять из учебника, написанного по проблемному принципу, практикума и антологии историографических текстов. Ответственными за организацию и координацию этой работы согласились стать представители Саратовского, Тверского и Московского университетов.

В.П. Гудков говорил о сотрудничестве институтов Российской академии наук и славистических кафедр университетов России, в частности, между МГУ и Институтом славяноведения РАН. Однако стоит подумать о большем внимании академической науки к вузовской за пределами Москвы и Петербурга. Это касается, например, участия лингвистов РАН в составлении современных словарей славянских языков, в обогащении пособий по курсам зарубежной литературы материалом истории славянских литератур.

В последние годы издается немало литературы, превратно освещающей

историю славян, славянские древности и т.п. Необходимо более последовательно и основательно реагировать на псевдонаучные публикации, касающиеся славянского мира и его истории. При проведении Дней славянской письменности и культуры активную роль играет православное духовенство, следовало бы, по меньшей мере, уравновесить участие церкви и светских организаций в этих мероприятиях, усилить внимание к многовековой светской культуре славянских народов.

В рамках работы пяти секций конференции: “Славянские народы в современном мире”, “История славянских народов”, “История славянских литератур”, “Славянское языкознание”, “Культура и фольклор славянских народов” – было заслушано и обсуждено 69 докладов и сообщений.

В докладах секции истории славянских народов (руководители Б.Н. Флоря, Л.Е. Горизонтов) наряду с общими проблемами развития славянского мира в Средние века и Новое время поднимались и конкретные вопросы, связанные с характеристикой отдельных исторических явлений. *Б.Н. Флоря* и *А.Л. Шемякин* (Москва), основываясь на материале разных периодов, говорили о месте славянских народов в истории Европы, а также о роли западных влияний в их развитии. Не ограничиваясь простой фиксацией отдельных фактов заимствования тех или иных западноевропейских институтов (в том числе парламентских структур, конституций), историки, как отмечалось А.Л. Шемякиным, должны раскрыть особенности их функционирования в иной общественной среде, во взаимодействии с традиционными для этой среды институтами и обычаями. Попытки акцентировать внимание на сходстве, оставляя в тени существенные различия, ведут к необоснованному нивелированию границ между отдельными регионами Европы. Докладчик в этой связи затронул ряд принципиальных проблем перехода стран Юго-Восточной Европы от аграрного общества к индустриальному во второй половине XIX – начале XX в., сфокусировав внимание на тех подчас довольно острых кон-

фликтах, которые возникали вследствие столкновения традиционных институтов с модернизационными влияниями, исходившими извне.

Л.Е. Горизонтов (Москва) напомнил о необходимости изучать Новую историю не только отдельных народов Центральной и Восточной Европы, но и империй – крупных полиэтничных государств, сформировавшихся в эпоху позднего Средневековья. Задача историков – выявлять и анализировать в контексте соответствующих периодов причины возникновения империй, их стабильного функционирования в течение нескольких веков и последующего распада в изменившихся исторических условиях. Предметом самостоятельного изучения должна стать имперская элита, ее фундаментальные интересы, а также связанные с ними основные принципы внутренней и внешней политики. Исследования “имперской” тематики не имеют пока еще достаточно глубоких традиций в отечественном славяноведении, между тем они способствовали бы формированию более полных и всесторонних представлений об истории отдельных народов, входивших в состав многонациональных образований, о характере взаимоотношений между ними.

В докладах *В.Н. Виноградова* и *И.В. Чуркиной* (Москва) были подведены итоги исследований последних десятилетий в двух более традиционных для российской славистики направлениях. Речь идет об изучении, с одной стороны, общественного сознания славянских народов в эпоху “национального возрождения” (конец XVIII – первая половина XIX в.) и, с другой стороны, балканской политики России конца XVIII – XIX в., ее влияния на историческое развитие народов региона. Докладчики подчеркнули значимость результатов, полученных отечественной наукой в 1970–1990-е годы, отметили обоснованность выводов. Вместе с тем В.Н. Виноградов призвал коллег в большей мере учитывать объективные трудности, перед которыми оказалось в XIX в. российское правительство, когда вследствие образования на развалинах Османской империи самостоятельных государств на повестку дня

встала проблема переустройства всего Балканского региона. Он также отметил необходимость глубже исследовать вопрос о степени влияния общественного мнения на политику России XIX в. по отношению к южнославянским народам.

Ряд докладов был посвящен более конкретным темам. Так, *М.В. Белов* (Нижний Новгород) на материале Первого сербского восстания (начало XIX в.) раскрыл специфику формирования национальной идеологии в условиях своеобразного синтеза воззрений, характерных для традиционного общества, с новыми взглядами, пришедшими с Запада. В докладе *Ю.М. Трибицова* (Кемерово) анализировался ряд трагических коллизий, связанных с польскими восстаниями XIX в. В интересном докладе *Н.В. Жуковской* (Воронеж) была дана яркая характеристика шагов, предпринятых США в целях утверждения своего влияния на Балканах в канун, во время и сразу после Первой мировой войны.

В ходе работы секции поднимались также проблемы источниковедения, истории отечественного и зарубежного славяноведения, преподавания истории славян в высших учебных заведениях. *Л.Р. Козлов* (Белоруссия) попытался оценить значение военных карт XIX в. как исторического источника. В докладе *О.Н. Исаевой* (Саратов) на примере исследований по истории Македонии было показано влияние политических факторов на развитие болгарской, македонской и греческой исторической науки в XX в. *А.Н. Галямичев* (Саратов) рассказал об исторических и филологических исследованиях славистов Саратовского университета во второй половине XX в. В сообщениях *И.В. Якубовской* (Новгород) и *О.В. Лоцаковой* (Ярославль) говорилось об организации преподавания истории славянских стран в высших учебных заведениях, не имеющих соответствующих специальных кафедр. Обе докладчицы подчеркнули, что имеющиеся объективные трудности усиливаются вследствие действий учебно-методического отдела Министерства образования, исключившего славяноведение из перечня тем, обязательных для преподавания в высшей школе.

Широкий круг проблем Новейшей истории и современного положения славянских народов обсуждался на секции “Славянские народы в современном мире” (руководители В.К. Волков, А.В. Карасев). Хронологические рамки работы секции охватывали всю вторую половину XX в. *В.К. Волков* (Москва) говорил о месте славянских народов в сегодняшнем мире в свете последних геополитических изменений и глобальных проблем установления нового мирового порядка. Балканский кризис 1990-х годов находился в центре внимания докладов *Е.Ю. Гуськовой* (Москва) и *З.В. Клименко*, попытавшихся также оценить перспективы дальнейшего развития стран постюгославского пространства. В докладе *А.В. Карасева* (Москва) освещались вопросы становления и развития сербской национальной идеологии, особенности ее эволюции в конце XX в.

Доклад *Ю.Ф. Зудинова* (Москва) был посвящен анализу современной политической ситуации в Болгарии и перспективам налаживания ее отношений с Россией.

В.И. Косик (Москва) попытался философски осмыслить исторические судьбы славянских народов в XX в. и на рубеже XXI в. Главное внимание он уделил вопросам взаимоотношений самой крупной страны славянского мира – России с другими славянскими странами.

Т.В. Волокитина (Москва) говорила о становлении социалистических режимов в Европе, идеологии и политической практике сталинизма в свете новых архивных документов.

В работе секции “Истории славянских литератур” (руководители В.А. Хорев, Л.Н. Будагова) постановка теоретико-методологических проблем удачно сочеталась с конкретным историко-литературным анализом. *Л.Н. Будагова* (Москва) поделилась опытом работы руководимого ею научного центра, занимающегося изучением истории славянских литератур до 1945 г. Венцом многолетних усилий ученых явилась трехтомная “История литератур западных и южных славян” – коллективный труд, этапный в развитии российского славистического литературоведения.

Идеологическое раскрепощение гуманитарных наук в постсоветской России благотворно сказывается на развитии литературоведческих исследований. Происходит постепенное заполнение белых пятен в изучении определенных эпох в истории литературы, литературных процессов у отдельных наций, художественных течений, творчества отдельных писателей. Сегодня перед литературоведами-славистами по-прежнему широкое поле деятельности. Требуется, в частности, изучения и возвращения в историю литературы творчество писателей-эмигрантов, диссидентов, писателей, подвергавшихся репрессиям или просто замалчивавшихся по политическим причинам. Нуждаются в переосмыслении некоторые литературные направления (декаданс, модернизм, авангардные течения, религиозная литература). В то же время нужна взвешенная, объективная оценка литературного процесса. Кроме того, дальнейшее развитие науки невозможно без выработки новых теоретико-методологических подходов, адекватных современному состоянию литературной теории.

Не теряет актуальности изучение литературы в социокультурном контексте – это прекрасно продемонстрировала на материале современной польской литературы *В.Я. Тихомирова* (Москва). *А.В. Лунатов* (Москва) раскрыл значение для изучения средневековых славянских литератур понятий “*Pax Orthodoxa*” и “*Pax Latina*”, введенных известным итальянским славистом Р. Пиккио. *Ю.В. Богданов* (Москва) рассмотрел итоги развития славянских литератур в XX в., остановившись на важнейших критериях, по которым можно судить об их достижениях в европейском и мировом контексте. *Г.Я. Ильина* (Москва) свои размышления о литературных итогах XX в. поставила в тесную связь с проблемой взаимодействия национальных литератур. *Н.Н. Пономарева* (Москва) дала оценку современным достижениям болгарской литературы. *Н.Н. Старикова* (Москва) рассказала о литературе словенской эмиграции и зарубежья, *С.Ф. Мусиенко* (Белоруссия) – о жанровом своеобразии мемуаров Василя Быкова о войне. *Д.В. Боснак* (Нижний Новгород) на основе

анализа романа Ф. Сологуба “Мелкий бес” обратилась к проблеме кризиса культуры.

Значение взаимосвязей литератур для художественного процесса в целом и творчества отдельных писателей (на примере польско-русских литературных связей XIX–XX вв.) показала в своем докладе *Е.З. Цыбенко* (МГУ). *В.А. Хорев* (Москва) остановился на роли имагологии, сравнительно молодой научной дисциплины, которая вносит в изучение литературных связей новый аспект – ею исследуется отражение жизни других народов в литературных и паралитературных произведениях.

Н.К. Жакова (Санкт-Петербург) в своем научно-информационном докладе рассказала о научной деятельности сотрудников кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, ее связях с академической наукой. *Н.Д. Григораш* (Львов) представила коллегам работы славистов Львовского университета.

Работа секции “Истории славянских культур” (руководитель Л.А. Софронова), в которой приняли участие как историки, так и филологи, отразила наметившуюся в последние десятилетия тенденцию к усилению взаимодействия представителей разных научных дисциплин в изучении славянских культур. Конкретные историко-культурные исследования показывают, что культуры разных славянских народов не только обладают едиными историческими корнями, но имеют общие черты, сходным образом воплощают некоторые важнейшие культурные универсалии, во многих случаях структурируются аналогичным способом. Изучение отдельных феноменов и механизмов культуры, их семантики под новым углом зрения (и не в последнюю очередь изучение человека определенной эпохи как продукта многообразных культурных воздействий) позволяет выявить культурное единство славянских народов на новых основаниях. Для этого необходимо исследовать, как в разные исторические эпохи в славянском мире трансформировались представления о человеке, пространстве и времени.

Вполне естественным в работе секции было участие этнолингвистов, на большом фольклорном материале показавших глубинное родство разных славянских культур. Приведенные в ряде докладов образцы народного творчества в который раз подтвердили, что славянский фольклор по сей день не утратил своей эстетической ценности. В ходе работы секции отмечалась также глубокая органическая связь исследований народной культуры с изучением культуры высокой, профессиональной, в том числе и современной.

В докладе *Л.А. Софроновой* (Москва) “О памяти культуры” речь шла о проблеме традиции и, шире, – о памяти культуры. Согласно утверждению докладчика, культура сохраняет в своей памяти все, независимо от тенденций генерального движения, направления развития тех или иных отдельных линий или направлений.

Если рассматривать культуру как текст, то феномен культуры оказывается вписанным в единое пространство макротекста. В нем существуют центр и периферия, внутри макротекста происходит игра, постоянная смена (и обмен) значений, смыслов, сюжетов и т.д. Внутри пространства культуры все элементы равноценны.

В докладе *В.В. Усачевой* (Москва) “Мифология и магия в народной медицине” были рассмотрены и структурированы представления славянской традиционной культуры о здоровье и болезни как в прямом, так и в мифологическом понимании. Болезнь виделась порчей, внедрением инородного, злого, вредоносного в нормальное состояние человека. В обрядах, запретах, правилах поведения, направленных на избавление от болезни, тесно переплетаются древнейший языческий и христианский опыт славянских народов. *М.М. Валенцова* (Москва) выступила с докладом “Мужское” и “женское” в зеркале традиционной культуры”. На значительном этнографическом материале XIX–XX вв. она рассмотрела оппозицию мужское/женское в традиционной культуре как одну из наиболее важных не только в классификационном, но и в практическом

смысле. Категории “мужского” и “женского” соединены с другими семиотическими оппозициями – хороший/плохой, счастье/несчастье и др. Но в конечном итоге только соединение мужского и женского может дать целое, то есть соединение этих двух начал обеспечивает существование и гармонию и мира природы, и мира человека. *Н.П. Андреева* (Набережные Челны) в докладе “Воспитательный потенциал фольклорного наследия” рассказала о том, как воспринимается фольклорное наследие народов, населяющих Чувашию, в процессе развития национального самосознания и культуры татар, русских, чувашей и других народов региона.

Г.П. Мельников (Москва) выступил с сообщением об издательском проекте “История культур славянских народов” в трех томах. Уникальность издания определяется тем, что в российской славистике не существует полного изложения истории культур славянских народов, так как аналогичный восьмитомный проект, начатый Институтом славяноведения в 1980-е годы, был прерван. Выступление *И.И. Свириды* (Москва) было посвящено проблемам изучения категории культурного пространства. Согласно утверждению докладчицы, выделение проблемы пространства в качестве самостоятельного объекта исследования позволяет, иначе взглянув на уже известные явления, выявить новые стороны культурного процесса, оставшиеся вне поля зрения при других подходах.

Доклад *Н.М. Филатовой* (Москва) был посвящен произведению А. Мицкевича “История будущего”. Рассматривая его в качестве своеобразной антиутопии, с присущими этому жанру характерными сюжетными особенностями, докладчица показала, как польский романтик, властитель дум своих соотечественников Мицкевич представлял себе будущее Европы и Польши, которые были для него нераздельны. Антиутопизм как тип мышления оказывается созвучным романтическим представлениям об истории. Выступление *С.А. Кабатова* (Кострома) было посвящено анализу источниковой базы исследования материальной культуры сельского

населения Костромского Поволжья в XIII–XVII вв. Археология дает богатый материал для изучения быта и социально-экономической истории народов, населявших этот регион, и позволяет уточнить и отчасти даже изменить устоявшиеся и долгое время неизменные представления. Историк *В.Я. Мауль* (Нижевартовск) предложил вниманию участников Сопоставительного совещания новую, основанную на историко-культурных и семиотических исследованиях интерпретацию сущности и форм противостояния в Пугачевском восстании. В докладе “Русский бунт в зеркале перевернутого мира смеховой культуры” он обосновал необходимость рассмотрения языка традиционной культуры участников бунта, позволяющего сделать вывод, что правление самозванного императора (Пугачева) было призвано восстановить порядок как бы “игровым” путем, т.е. обратиться к привычному для традиционной культуры механизму стабилизации и психологического равновесия, – карнавальско-смеховой обрядности.

Тематика и научный уровень представленных в работе секции “Славянское языкознание” (руководители *А.Ф. Журавлев* и *Т.М. Николаева*) докладов свидетельствовали о широте лингвистического поиска в российской, в том числе университетской науке, о совершенствовании методологических основ.

А.А. Гинниус (Москва) выступил с докладом “Лингвистические методы в текстологическом исследовании”, в котором анализировались возможности лингвистического анализа в качестве инструмента текстологической реконструкции. Эти возможности иллюстрировались примерами применения данной методики к стратификации текстов раннего русского летописания и сочинений *Владимира Мономаха*. *А.Ф. Литвина* (Москва) сделала сообщение “Выбор имени в династии Рюриковичей”. К числу регламентаций, регулировавших выбор имени, относятся: желательность наречения имени в честь умершего предка, запрет на наречение имени в честь ближайших живых предков. Последний запрет вступал в противоречие с желанием наделить наследника свойствами отца-правителя, с

этой целью использовалось имя, частично совпадающее с отцовским, типа *Всеволод – Владимир*.

А.В. Опарина (Самара) в своем докладе «Антропоцентрический аспект древнерусского текста и специфика проявления категории модальности в “Повести временных лет”» остановилась на проблеме реализации авторского “я” переписчика канонического текста летописи, что было проиллюстрировано на примере использования различными переписчиками той или иной формы глагольного времени.

С.А. Рылов (Нижний Новгород) в докладе “Синтаксическая организация речи в Новгородской I летописи старшего извода: структурно-функциональный аспект (лингвостатистический анализ текстовых частей летописи)” рассмотрел отличия по ряду параметров в синтаксической организации разных текстовых частей, составляющих Новгородскую летопись.

Ф.Б. Людоговский (Москва) в сообщении “Текстология поздних редакций славянского Евангелия” остановился на сравнении богослужебного текста церковнославянского Евангелия и текста, используемого для домашнего чтения (четы), проиллюстрировав существующие разночтения рядом грамматических и лексических примеров.

Г.П. Клепикова (Москва) зачитала коллективный доклад (в соавторстве с *Л.Э. Калынь* и *Т.В. Поповой*) “Исследование славянских диалектов: итоги и перспективы”, в котором были подведены итоги славянской диалектологии XX в. и намечены задачи дальнейших исследований: сопоставительно-синхронное описание славянских диалектов; изучение восточнославянских диалектов в их контакте с литературными формами языка; изучение проблемы восточнославянского единства (лингвогеографический аспект).

В.П. Коровушкин (Череповец) выступил с докладом “Представление о лексической номинации в русско-славянском языкознании конца IX – начала XVIII в. (в доломоносовских грамматических сочинениях)”, в котором рассмотрел, как воспринимались феномен

слова и проблема происхождения слова вообще и этимологии конкретных слов. Он сделал также сообщение на тему “Военный жаргон в русском языке как национальное явление”, в котором поделился опытом полевых исследований военного жаргона и составления специального словаря соответствующей лексики.

Л.Б. Карпенко выступила с докладом о критериях знакообразования глаголицы и в частности о фонологическом критерии, рассмотрев различные теории, объясняющие эту проблему.

Л.П. Дронова (Томск) выступила с докладом “История становления общеоценочной оппозиции в русском языке как факт межкультурного взаимодействия”, в котором была подробно рассмотрена этимология русского слова *плохой*, представляющего собой единственный в славянской лексико-семантической системе пример развития у основы *плох*-семантики общей отрицательной оценки.

А.П. Ушакова (Тюмень), выступившая с сообщением “Притяжательные прилагательные в русском и сербском языках”, изложила результаты анализа переводов с русского на сербский язык, показавшие, что в указанных языках одни и те же суффиксы обладают разной степенью продуктивности.

А.Д. Черенкова (Воронеж) прочитала доклад “Воронежские диалекты: русско-славянские параллели в способах выражения делиберативного объекта”, в котором были рассмотрены диалектные способы управления при глаголах мыслительной и речевой деятельности. *Н.А. Тупикова* (Волгоград) в докладе “Функциональная семантика глагольной лексики в культурно-историческом аспекте (к проблеме лингвистического описания старопольских деловых текстов в составе архивных комплексов)” остановилась на анализе употребления глаголов в текстах различных жанров, входящих в архив Сопеги периода Смуты. *Ю.Н. Федорова* (Пермь) выступила с сообщением “К вопросу о функциональной эквивалентике глагольного имени”, в котором сопоставила русские и польские отглагольные существительные.

С.М. Поздеева (Пермь) прочитала доклад на тему “Народные представления о болезни в лексике пермских говоров”. Было отмечено, что подобная лексика носит преимущественно эвфемистический характер и является результатом вторичной номинации. *С.А. Дружинина* (Пермь) в сообщении “Терминология старообрядчества” охарактеризовала различные терминосистемы старообрядцев Прикамья.

Е.Е. Бразговская (Пермь) прочитала доклад на тему “Авторские стратегии означивания культурного корпуса текстов (Ч. Милош и Я. Ивашкевич)”, посвященный анализу интертекстуальных включений в художественный текст.

Г.П. Нецименко (Москва) в докладе “О значимости сопоставительного изучения славянских языков на материале словообразования и социолингвистики” подвела итоги проделанной в рамках соответствующего проекта работе и наметила перспективы в его развитии, подчеркнув особую важность этого направления для современной славистики. Сопоставительного исследования требуют такие тенденции в современном развитии языков, как увеличение роли разговорной речи, стремление к языковой экономии, универбизация, активизация женских обозначений, различный статус просторечия в славянских языках, различная степень сохранности диалектов.

Таким образом, в ходе работы лингвистической секции докладчики обращались к материалу разных языков, при этом явно преобладали проблемы русистики. Были затронуты практически все языковые уровни: фонетика и графика, лексика (включая ономастику, терминологию, жаргонизмы) и лексическая семантика, словообразование, формальная морфология и синтаксис, грамматическая семантика. В докладах был отражен широкий спектр лингвистических направлений и методов, поднимались также проблемы лингвистического образования.

В дискуссиях по докладам прозвучали соображения о целесообразности коллективной разработки двух крупных тем в области диалектологии и лингвогеографии – “Проблемы восточ-

нославянского единства: лингвогеографический аспект” и “Сопоставительное синхронное описание идиомов, репрезентирующих диалектные типы в принятой классификации”. Реализовать их придется прежде всего усилиями диалектологов из университетов России при координирующей роли лингвистических учреждений РАН и участии коллег из Украины и Белоруссии. Планируется также дальнейшая разработка обширной темы “Социолингвистическое сопоставительное изучение славянских языков (на материале лексики и словообразования)”.

В ходе происходивших дискуссий обращалось внимание на то, что современные бурные, иной раз болезненные процессы, происходящие в славянских языках и вызванные серьезными изменениями политического, экономическо-

го и культурного порядка, обострение проблем этнической идентификации, а также новые и острые явления в сфере межэтнических контактов с настоятельностью требуют оптимизации профессиональной подготовки лингвистов-славистов: весьма полезным видится внедрение в учебные программы славистических подразделений филологических факультетов специальных курсов по этнологии, этнической психологии, социологии языка и культуры.

Участники всех секций с одобрением отнеслись к идее регулярного проведения совещаний российских славистов в русле предложенной проблематики.

Материалы Первого всероссийского совещания “Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития” будут опубликованы в отдельном сборнике.

Рекомендации Первого всероссийского совещания “Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития”

1. Участники Совещания с удовлетворением отмечают, что проведение Первого всероссийского совещания ученых-славистов является продолжением лучших традиций всесоюзных славистических встреч. Проведение таких научных славистических конференций должно быть продолжено и в дальнейшем с периодичностью раз в 5 лет. Это, бесспорно, будет способствовать оживлению славистических исследований в России, в том числе в различных образовательных и научных центрах в регионах.

2. Одобрить создание Научного Совета по проблемам славяноведения при Отделении историко-филологических наук РАН. Давно назрела необходимость в таком органе, координирующем научные исследования в области славистики между вузовскими и академическими центрами. Огромное значение имеет и координация усилий славистов академических институтов с историками и филологами ведущих славистических кафедр Московского, Санкт-Петербургского и других университетов по созданию учеб-

ных пособий для преподавания славистических дисциплин в России, а также в деле распространения славистических знаний в широких кругах общества.

3. Под эгидой Научного Совета по проблемам славяноведения регулярно проводить научные конференции по различным проблемам славистических наук (истории, истории культуры, литературоведения, лингвистики).

4. Участники Совещания отмечают, что развитие славистических исследований и преподавание славистических дисциплин в вузах России должно входить в сферу приоритетных задач российской гуманитарной науки, ибо это соответствует долговременным стратегическим интересам Российской Федерации. Важно подчеркнуть комплексный историко-филологический характер современной российской славистики (отражением этой тенденции является и нынешнее Совещание), что соответствует традициям отечественного славяноведения. Должное место в славистике заняли историко-культурные исследования, час-

то выполняющие роль связующего звена между историческими и филологическими славистическими дисциплинами.

5. Существует настоятельная необходимость в систематических курсах по истории, культуре, истории литературы и языкам славянских народов в российских университетах и вузах гуманитарного профиля. С этой целью Научному Совету от имени Совецания обратиться в соответствующий комитет Государственной Думы, в правительственные структуры, в частности в министерство образования РФ с предложением включить эти курсы в образовательный стандарт гуманитарных факультетов российских университетов.

6. Добиваться возобновления славистических научных и образовательных программ (в том числе существовавшей ранее программы изучения и распространения славянских культур – МАИРСК) под эгидой ЮНЕСКО.

7. В современной геополитической обстановке необходима активизация исследований в области украинистики и белорусистики. В этом плане в рамках работы Научного Совета по проблемам славяноведения следует разработать специальную научную программу.

8. Развивать научные исследования в рамках проблемы “Славяне и их соседи”, учитывая здесь положительный опыт Института славяноведения РАН.

9. Наладить взаимообмен информацией о проводимых конференциях, об издаваемых трудах в области славистики, их систематическое рецензирование в журнале “Славяноведение”, “Славянском альманахе” (Институт славяноведения РАН), “Славянском вестнике” (МГУ им. М.В. Ломоносова) и других изданиях. Для интенсификации обмена научной информацией создать сайт Научного Совета в Интернете.

10. Шире использовать указанные издания для публикации научных работ славистов из других городов России.

11. Добиваться более тесного планового взаимодействия высших учебных заведений России и Российской Академии наук в области подготовки и трудоустройства научных славистических кадров.

12. Добиваться воссоздания “Славянского кабинета” при ИНИОН РАН и выделения Институту славяноведения РАН помещения для библиотеки, уникальные фонды которой недоступны исследователям уже второе десятилетие.

13. Обратит особое внимание государственных инстанций на необходимость комплектования российских библиотек новейшей зарубежной славистической литературой.

14. Поручить Научному совету по славяноведению издать материалы прошедшего Совецания.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПРЕШОВЕ “АЛЕКСАНДР ДУХНОВИЧ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ”

20–21 июня 2003 г. в Прешове (Восточная Словакия) состоялась конференция, посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося деятеля русинского возрождения Александра Васильевича Духновича (1803–1863).

Ее организаторами выступили Прешовский университет, Союз русинов-украинцев Словакии, администрация г. Прешова и краевое управление, Ассоциация украинистов Словакии, Научное общество им. Шевченко в Словакии, Общество им. А. Духновича, Музей ук-

раинско-русинской культуры в Свиднике и др. Конференция проходила под патронатом Президента Словацкой республики Р. Шустера и Президента Украины Л. Кучмы.

Утреннее пленарное заседание открыли приветствия участникам конференции от Союза русинов-украинцев (И. Лаба), послов Российской Федерации и Украины в Словакии, Матицы Словацкой в Мартине (Л. Матиска), декана философского факультета Прешовского университета Р. Дуркалы,

Европейского конгресса украинцев (Л. Мазур), Союза русинов-украинцев в Сербии и Черногории (М. Шанда) и др.

На пленарном заседании в качестве основного был представлен доклад *Е.М. Рудловчак* (Прешов) “А. Духнович и наша современность”. Автор, несколько десятилетий исследовавшая творчество карпатского будителя и издавшая три обширных тома его сочинений с академическими комментариями, указала на “белые пятна” в его изучении, рассказала об основных архивах, где хранятся материалы о нем (Прешов, Ужгород, Львов, Мукачево, Рим, Будапешт, Вена, Киев, Прага, Москва, Петербург и др.), сообщила, где предположительно можно найти неизвестные интересные материалы о деятеле русинского национального возрождения. Автор подчеркнула, что все спорные вопросы, связанные с интерпретацией творчества А. Духновича, можно и нужно решать только на основе тщательного изучения первоисточников. В заключение она попросила зал почтить минутой молчания всех почивших ныне исследователей деятельности будителя.

Пафос политически ангажированного выступления *Ю. Бачи* (Прешов) «К вопросу о “языке” А. Духновича» был направлен на критику взглядов тех ученых (среди них И. Раковский, Ф.Ф. Аристов, Н. Бескид и др.), которые выступали против интерпретации творчества будителя как деятеля чисто украинского движения. Он назвал их представления “тенденциозными” и “агрессивно русофильскими”, способствующими раздроблению “духовной силы украинского народа”, которые как “антинародные политические спекуляции” к тому же наносят вред современному русинскому движению.

М. Ричалка (Прешов) в докладе “Андрогорические взгляды А. Духновича” показал титаническую работу будителя на педагогическом поприще, его неопределимый вклад в воспитание подрастающего поколения и взрослого населения, что проявилось в постоянной многогранной заботе о просвещении народа (в том числе хозяйственно-экономическом) на родном языке с помощью кален-

дарей-месяцесловов, об обеспечении учащихся начальных школ добротными учебниками и подходящими помещениями для учебы, о профессиональной подготовке учителей и пр.

Академик *Н. Мушинка* (Прешов) посвятил свой доклад этнографической деятельности А. Духновича. Он показал, что будитель много времени посвящал собиранию русинского фольклора, а его стихи становились народными песнями. Большую научную ценность имеют его заметки о народных говорах и этнографических особенностях населения различных краев, где живут русины. Будителя интересовали занятия людей, пища, одежда, жилища, обряды, ментальность. Докладчик привел отрывок из сочинения Духновича, в котором дается обличительно правдивое описание жилища “убогого” русина середины XIX в., несущее мощный социальный заряд и вызывающее сострадание его бедственному положению. По мнению автора, в своих книгах для народа русинский будитель заложил основы этнопедагогики, этномедицины, этноветеринарии, этнокулинару и пр.

Л. Бабота (Прешов) зачитала ввиду отсутствия автора доклад *А. Пекара* (Глен Ков, США) “А. Духнович и василиане”. В нем указано, что будитель стал членом грекокатолического ордена Василия Великого в 1856 г., но контакты с василианами он завязал уже в 1842 г. и особенно в 1848 г. Постепенно их отношения приобретают характер “правдивой сердечности”. Духнович много способствовал тому, чтобы василианские монастыри (Краснобродский Святого Духа, Имстичивский Святого Михаила и др.) стали не только духовными, но и культурными центрами края. Летом 1851 г. Духнович подарил Святодуховскому монастырю большую часть своей обширной библиотеки славянских книг. После смерти будителя василианин А. Кралицкий (протоигумен Мукачевского Святоиколаевского монастыря) первым из писателей опубликовал его обширную биографию в “Месяцеслове” (1866) вместе с фотографией.

М. Даниляк (Прешов) в докладе “Исторические труды А. Духновича”

подчеркнул, что русинский будитель не был профессиональным историком, и его сочинения носили скорее научно-популярный характер. Как просветитель, он писал о происхождении своего народа, его автохтонности, родстве с русским и другими славянскими народами, поднимал вопрос о перспективах его развития. Исторические воззрения А. Духновича представлены в неопубликованных при жизни сочинениях “Истинная история карпатороссов или угорских русинов...” (опубликована в 1914 г.) и “Хронологическая история славной епархии Пряшевской...” (переведена с латыни на русский в 1877 г.). Полагая, что А. Духнович стоял у колыбели процесса формирования народности русинов-украинцев, автор все же отметил, что будитель называл свой народ “карпатороссы”, “угорские русины” или “угорские русские”. Автор подчеркнул также, что опубликованные публицистические статьи А. Духновича “Состояние русинов в Венгрии” (1849), “Краткая история угорских русинов” (1851) и др. тоже можно отнести к историческим трудам. Они имели большой общественный резонанс, особенно в Галиции.

И.В. Чуркина (Москва) прочитала доклад на тему “М.Ф. Раевский и А. Духнович”. Автор проанализировала сохранившуюся переписку (14 писем) и показала, что знакомство корреспондентов состоялось через А. Добрянского. Предметом общих забот и сотрудничества русинского просветителя и русского священника стала помощь созданному в 1862 г. А. Добрянским и А. Духновичем “Обществу Иоанна Крестителя”, целью которого являлось содействие русинским литераторам и учащейся русинской молодежи. М.Ф. Раевский посылал Духновичу славянофильскую и религиозную литературу, изыскивал средства на нужды общества. Их отношения стали столь доверительными, что Духнович подарил Раевскому заветную рукопись своего программного сочинения “Истинная история карпатороссов”.

Л. Сёке (Эгер, Венгрия) в докладе “От Лучкая до Духновича” показал, что оба будителя создавали свои грамматики в сложных и экстремальных лингвисти-

ческих условиях. Кодификации литературного языка на народной основе препятствовала диалектная раздробленность, отсутствие ведущего диалекта, богатой литературной традиции и языкового самосознания немногочисленной интеллигенции, влияние славянофильских учений и пр. По мнению автора, грамматика М. Лучкая (1831), созданная под влиянием идей Й. Добровского и Е. Копитара, представляла собой подкарпатский вариант церковнославянского языка. А. Духнович использовал смешанный тип церковнославянского, староукраинского и местного языка, который структурно был похож на старорусский язык. Интересу будителя к русскому языку способствовал рост его престижа в Угорской Руси после 1849 г.

Пленарное заседание завершил доклад *Н. Цана* (Нови Сад, Сербия и Черногория) “Русин из Бачки в “Литературном заведении Пряшевском” Духновича”, содержащий сообщение о первых контактах и участии бачско-сремских русинов в национальном возрождении своих угорских земляков. Первой манифестацией их единства стало основание “Литературного заведения Пряшевского”, которое автор доклада рассматривал как совместную национально-культурную организацию русинов Пряшовщины, Закарпатья, Бачки и Срема. Кроме того, А. Духнович сам посылал статьи в бачский “Вестник русинов Австрийской державы”, поместив в одном из его выпусков информацию о “Заведении”, итогах и перспективах его деятельности, в том числе список его членов, в котором указано имя одного русина из Бачки – Георгия Шовца, приходского священника. Этот интересный факт не был известен в предшествующей историографии.

После пленарного заседания работа конференции протекала в трех секциях: Биография и литературное творчество А. Духновича; История, язык и педагогика в творчестве А. Духновича; Культурология и чествование памяти А. Духновича. Далее речь пойдет о работе второй секции, в которой принимали участие авторы настоящей информации.

Ее открыл доклад *М. Жироша* (Нови Сад) “А. Духнович и югославянские русины”. Автор отметил, что творчество будителя привлекло внимание последних уже в XIX в. Песня “Я русин был, есмь и буду” стала их национальным гимном. В календарях и других народных изданиях югославянских русинов постоянно печатались песни Духновича и заметки о его творчестве. В “королевской” и “титовской” Югославии А. Духнович вслед за Шевченко и Котельником воспринимался как один из столпов национально-культурного движения русинов. С 1990 г. последнее раскололось на два течения, одно из которых представляет Союз русинов-украинцев Югославии, другое – “Русская Матица”, которая объединяет последователей канадского русина, профессора П.Р. Магочи, считающего русинов четвертым восточнославянским народом. По мнению автора, первое течение защищает подлинные интересы русинов-украинцев в Сербии, второе – препятствует развитию культурного сотрудничества русинов с их братьями на Украине.

Н.М. Пацаева (Москва) в докладе “А. Духнович на страницах русских изданий XIX–XX вв.” отметила, что имя будителя появилось в русской печати еще при жизни, в 1862 г., в “Вестнике Юго-Западной и Западной России”. Далее о нем писали славист Н.А. Попов (1871) и неоднократно протоиерей К.Л. Кустодиев (1870–1875). Русских авторов не смущало, что А. Духнович униатский священник, так как им было известно, что значительная часть деятелей карпатского национального возрождения свято верила в “Русь от Карпат до Камчатки”. Кустодиев же перевел с латыни “Историю Пряшевской епархии” и издал ее в 1877 г. на русском языке. Всего до 1917 г. в русской периодике удалось выявить более 30 статей о Духновиче, лучшими из которых являются сочинения Ф.Ф. Аристов. В СССР напечатано около 40 работ о будителе, многие авторы которых “по партийным указаниям” трактовали его как украинского деятеля.

П. Федака (Ужгород, Украина) прочел доклад на тему “А.Духнович и об-

щество “Просвита””, где показал, что ужгородское общество со дня своего основания 9 мая 1920 г. предпринимало усилия по углубленному изучению и популяризации творчества А. Духновича, о чем свидетельствуют сохранившиеся протоколы его заседаний. Оно издало пьесу будителя “Добродетель превышает богатство” (1921, 1923), сборник “Поэзия А. Духновича” (1922), брошюру А. Волошина “Памяти А. Духновича” (1923, 2003) и др. На средства общества печатались книги В. Бирчака, И. Кондратовича, К. Студинского, И. Панкевича по проблемам развития русинской литературы. После возрождения общества в 1990 г. оно стало издавать календари-альманахи, где помещались статьи и информация о творчестве будителя (среди авторов Д. и П. Федака, М. Алмашия, О. Горячко, С. Жупанина, С. Рего, С. Чирибан и др.).

М.Ю. Досталь (Москва) в докладе “А. Духнович в интерпретации русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии” указала на существование в историографии двух главных направлений, национально-ангажированно освещающих деятельность русинского будителя. “Русофилы” В.А. Францев, Д.Н. Вергун, А.В. Флоринский, Е. Недзельский и другие вместе с ужгородским Обществом им. А. Духновича стремились представить его творчество как составную часть общерусской литературы и подчеркнуть его заслуги в утверждении в Закарпатье в 1850–1860-е годы русского языка в качестве литературного, показать всеславянский и общерусский характер его усилий, считая этот период расцветом национального возрождения в крае. “Украинофилы” (В. Бирчак, И. Панкевич, Е. Перфецкий) вместе с местным обществом “Просвита”, напротив, включали деятельность А. Духновича в общеукраинское культурное движение и подчеркивали стремление развивать народный (в их понимании – украинский) язык. Употребление русского языка в поздний период творчества А. Духновича считалось ими предательством национальных интересов.

С.И. Михальченко (Брянск, Россия) в докладе “А.В. Духнович и И.П. Филевич” сопоставил исторические взгляды двух ученых на развитие закарпатских русинов. Он показал, что оба они, несмотря на то, что работали в разное время, опирались на труды Н.И. Надеждина, доказывая самобытность и автохтонность русинского населения в Угорской Руси в духе русофильства. Но то, что в середине XIX в. воспринималось положительно, в начале XX в. вызывало немало критики и нареканий. Взгляды историка и публициста, униатского священника на Холмщине И.П. Филевича (1856–1913) оценивались как полонофобские и шовинистическо-русофильские.

М. Роман (Прешов) охарактеризовал в своем докладе “Книжицу читальную для начинающих” А. Духновича, выходящую в 1847, 1850 и 1851 гг. Он подчеркнул, что ее культурно-просветительное значение сопоставимо с львовским альманахом “Русалка Днестровая” и “Букварем южнорусским” Т. Шевченко. М. Роман полагает, что она написана на своеобразном народном языке в духе просветительского реализма.

П. Гурайчик (Прешов) представил в своем докладе языково-литературный анализ названного выше букваря-хрестоматии А. Духновича, а также его пьесы “Добротетель превышает богатство”, отметив употребление в лексике местных диалектизмов, церковно-славянизмов и русизмов.

Я. Радевич-Винницкий (Дрогобыч, Украина) посвятил свой доклад характеристике взглядов А. Духновича на язык. Он подчеркнул, что будитель сознавал значение кодификации литературного языка для формирования русинского (украинского) народа. На его взгляды оказали влияние галицийские “москвофилы”. Литературным языком славян он признавал церковнославянский язык, но употреблял в своих произведениях синтез народного и славяно-русского языка, стремясь не потонуть как в “русском море”, так и в “польском болоте”. Его “язычие” подверглось критике Н.Г. Чернышевским. В своей вышеупомянутой пьесе А. Духнович делал

пометки на народном (украинском) языке. В заключение автор справедливо отметил, что А. Духнович личность общеславянского масштаба, и изучать его надо комплексно.

Н. Штец (Прешов) прочитал доклад “А. Духнович и церковнославянский язык”, в котором подчеркнул, что в силу исторических обстоятельств этот язык долее всего использовался в качестве литературного именно у угорских русинов, т.е. теперешних украинцев Закарпатья и Восточной Словакии. Кодификаторы языка И. Фогараш и М. Лучкай выступали против латинизации богословия, за официальное введение церковнославянского языка в период формирования национальных славянских языков. А. Духнович, также считая церковнославянский язык литературным языком русинов и “матерью славянской словесности”, в то же время не желал его употреблять в “гражданской письменности”. В упомянутой “Книжице читальной для начинающих” сохранены кириллическая азбука и церковнославянское правописание, но представлены как диалектная, так и церковнославянская лексика и традиционная грамматическая терминология. Последующие грамматики уже приспособлены к народному языку, в них используется “бескидо-русинское” наречие.

П. Чучка (Ужгород, Украина) поставил в названии своего доклада вопрос “Каким же языком писал А. Духнович?”. Отвечая на него, автор указал, что в тогдашних условиях Австрийской монархии как перекрестка Европы и в силу характера своей деятельности русинский будитель вынужден был владеть несколькими языками: латынью, немецким, церковнославянским, венгерским, словацким, чешским, украинским, польским. Только на русском языке, по мнению докладчика, он не писал и его не знал. Его “Сокращенная грамматика письменного русского языка” (1853) переведена на русский язык И. Раковским без ведома автора. Известный гимн “Подкарпатские русины, оставьте свой глубокий сон” также написан не А. Духновичем.

Н. Зиморя (Дрогобыч, Украина) осветил в своем докладе педагогическое наследие А. Духновича в оценке Э. Винтера (1896–1982). Автор подчеркнул, что немецкий украинист дал деятельности А. Духновича чрезвычайно высокую оценку, причем в общеевропейском масштабе, определив его взгляды как нечто среднее между просветительством и романтизмом. По мнению докладчика, А. Духнович сочувствовал украинской национальной идее, и потому “украинофил” Э. Винтер однозначно относил творчество просветителя к украинскому направлению.

М. Андрейцо (Прешов) в своем выступлении сделал обзор статей и исследований последних лет о языково-литературном творчестве А. Духновича, указав, что и “москвофилы”, и “украинофилы” признавали его своим духовным вождем. Сам автор склоняется к мнению, что А. Духнович писал на ужанско-шаришском диалекте украинского языка с использованием церковнославянизмов.

На утреннем пленарном заседании, состоявшемся 21 июня, *Ю. Бача* подвел некоторые итоги, прошедшей международной конференции. Он подчеркнул, что очень важной задачей является издание четвертого и пятого томов сочинений А. Духновича, подготавливаемых к печати Е.М. Рудловчак, посетовал, что не осталось времени на дискуссию по докладом, указав, что ученые из Словакии и Украины едины в определении украинского характера творчества А. Духновича. Академик *Н. Мушинка* сообщил о том, что первоначально планировалась более широкая конференция, посвященная 200-летию А. Духновича и

карпатоведению совместно с Ужгородским национальным университетом. Но его ректор В. Сливка, сославшись на сложные проблемы, не принял этого предложения и провел в апреле 2003 г. отдельную конференцию в Ужгороде. *Е.М. Рудловчак* рассказала о трудностях в работе по подготовке четвертого–шестого томов сочинений А. Духновича. В дискуссии выступил также *Н. Штец*, отметивший ряд неточностей в докладе П. Чучки. В заключение *Ю. Бача* прочитал проект резолюции конференции, в которой констатировал ее большой вклад в украинистику. По результатам конференции планируется издать сборник докладов, как это было сделано в 1993 г. (сборник “А. Духнович и славянский мир”). Отметим, что к началу конференции оперативно был издан сборник тезисов докладов.

В общей сложности на конференции было прочитано 47 докладов словацких и иностранных ученых (из 68 заявленных в программе). Уровень докладов был достаточно высоким, но если бы не участие российских ученых, то на конференции было бы представлено только одно “украиnofильское” направление в изучении творческого наследия А. Духновича, которое, по справедливому мнению многих докладчиков, необходимо изучать комплексно, разносторонне, по первоисточникам.

Конференция была прекрасно организована, за что выражаем сердечную благодарность прежде всего академику *Н. Мушинке* и доценту *Л. Бабутовой*.

© 2004 г. *М.Ю. Досталь, И.В. Чуркина*

К юбилею Ивана Ивановича Костюшко

31 июля 2004 г. исполнилось 85 лет Ивану Ивановичу Костюшко, доктору исторических наук, профессору, старейшему сотруднику Института славяноведения РАН, первому главному редактору журнала “Советское славяноведение”.

И.И. Костюшко родился в 1919 г. в Белоруссии. Участник Великой Отечественной войны, сражавшийся в одном из польских соединений, сформированных на территории СССР, он вернулся по окончании войны на студенческую скамью, окончив в 1946 г. историко-архивный институт. Начав свой путь в науке в конце 1940-х годов, И.И. Костюшко сосредоточился на проблемах аграрной истории Польши XIX в. Его кандидатская диссертация “Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х – начале 60-х годов XIX в.)” была выполнена под руководством академика Б.Д. Грекова и успешно защищена в 1951 г. в Институте славяноведения РАН. В 1950-е годы И.И. Костюшко входил в авторский коллектив, работавший над трехтомной “Историей Польши”, опубликован в изданиях Инслава статьи по социально-экономической истории Польши XIX в. Не ограничиваясь экономическими проблемами разложения феодальных отношений в польской деревне, утверждения в ней капитализма, он обращается и к вопросу о крестьянских движениях в Царстве Польском, в том числе их политическому аспекту. В числе первых российских исследователей И.И. Костюшко изучает также взаимоотношения сил польской демократии с освободительным движением украинского народа.

В 1962 г. выходит фундаментальная монография И.И. Костюшко “Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском”, защищенная им в 1963 г. в качестве докторской диссертации. Изучение предпосылок аграрной реформы 1864 г. ввело в контекст его исследований польское восстание 1863–1864 гг., которому И.И. Костюшко посвятил ряд публикаций. Наиболее значительная из них – вышедший под его редакцией сборник документов “Восстание 1863 г. Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 г. По материалам Радомской губернии” (Вроцлав; М., 1962).

В дальнейшем И.И. Костюшко занялся изучением состояния аграрной проблемы в польских землях, отошедших в конце XVIII в. к Пруссии и Австрии. В 1970-е годы публикуются его статьи о регуляции и выкупе феодальных повинностей в Силезии. Освоение этой тематики позволило ему на следующем этапе своей научной биографии обратиться к более широкомасштабным по замыслу и охвату материала исследованиям (в том числе и сравнительно-историческим) аграрных реформ в трех европейских монархиях. Его монографии “Прусская аграрная реформа: К проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа” (М., 1989), “Аграрная реформа 1848 г. в Австрии” (М., 1993), “Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (Сравнительный очерк)” (М., 1994) получили отклик специалистов по социально-экономической истории.

И.И. Костюшко на протяжении многих лет возглавлял сектор в Институте славяноведения и балканистики РАН. С момента создания в 1965 г. журнала “Советское славяноведение” он был его главным редактором более двух десятилетий. Его статьи неоднократно публиковались также в журналах “Вопросы истории”, “Новая и новейшая история”. С деятельностью И.И. Костюшко связано издание многотомной серии “Документы и материалы по истории советско-польских отношений”. Под его редакцией вышла часть томов этой серии, а также сборник статей “Советско-польские отношения. 1918–1945” (М., 1974), обобщающий труд

"Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977" (М., 1979). Иван Иванович был в числе основателей и руководителей двусторонней Комиссии историков СССР и Польши и по сегодняшний день принимает участие в работе совместной российско-польской комиссии историков.

В 1960–1980-е годы И.И. Костюшко многократно представлял Советский Союз на международных славистических конференциях, принимал участие в работе Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов. Доклады советских делегаций на VIII и X Международных съездах славистов (Загреб–Люблина, 1978; София, 1988) "История, культура, этнография и фольклор славянских народов" были опубликованы под его редакцией.

В конце 1980-х годов И.И. Костюшко обратился к новой для себя теме – изучению советско-польской войны 1919–1920 гг. на основе ранее не доступных документов из российских архивов. Вышедший под его редакцией сборник "Польско-советская война, 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы)" в 2-х частях (М., 1994), статья "К вопросу о польских военнопленных 1920 года" (Славяноведение. 2000. № 3) вызвали дискуссию среди историков.

Еще одно направление исследований И.И. Костюшко в последнее десятилетие связано с изучением на базе архивных документов польской диаспоры в СССР в межвоенный период. В 2001 г. опубликована его новая монография "Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы)" с приложением архивных документов.

В свои 85 лет И.И. Костюшко на редкость бодр духом, он продолжает регулярно заниматься архивными изысканиями, обращаясь при этом к острым, дискуссионным проблемам. Недавно им был подготовлен к печати сборник документов и материалов "Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.)". Его работоспособность, энергия и доброжелательность могут служить примером для молодого поколения ученых.

Коллеги и друзья желают одному из патриархов отечественной славистики крепкого здоровья и новых творческих свершений.

© 2004 г. А. Стыкалин

Славяноведение, № 4

К юбилею Георгия Дмитриевича Гачева

Зачастую поздравления с серьезными датами бывают ритуальными. Нас радует, что человек дожил до такой знаменательной даты – 75 лет. Мы вспоминаем его заслуги, желаем долгих лет жизни и здоровья. Но юбилей Георгия Дмитриевича не таков. Он не располагает к стандартным фразам.

Всю свою жизнь Георгий Дмитриевич находится в беспрестанном движении духа, которое продолжается и поныне и будет длиться далее. Его движение по жизни есть свидетельство тому, что его ведет этот неутомимый дух. Это он привел его в филологию, философию, историю культуры, где Георгий Дмитриевич все смешал, чтобы получить качественно новый состав – свою собственную науку, в которой есть место всему, в том числе и жизни.

Юбиляр уверен в том, что человеку все интересно: не только факты, идеи, но и, конечно, он сам. Потому никогда не стремясь к объективации, но предпочитая вживание, вчувствование в идеи и образы, он пишет и о человеке, но никогда не объективирует другого. Он пишет о себе самом. Думается, что здесь Георгия Дмитриевича ведет талант писателя, а не только исследователя. Он пишет свою жизнь кропотливо, прослеживая ее частности наравне с чрезвычайно важными событиями, и выставляет их напоказ наравне со своей наукой. Он сам пишет о том, что исследователь нерасторжим со своим объектом, потому и демонстрирует результаты своих исследований, вписывая в них свой портрет.

Так было не всегда. Первые работы Г.Д. Гачева были строго научными, где лицо автора было еще не различимо. Посвященные проблемам теории и истории литературы, в которых исследователь сумел разглядеть то, что для других оставалось невидимым, – чего стоит одна его концепция ускоренного развития болгарской литературы – они прочно вошли в научный фонд. Они и сейчас востребованы не только филологами, но и искусствоведами, и, конечно, историками культуры. Далее ученый вырвался на свободу духа и слова. В течение многих лет он писал для себя о себе и обо всем, что его интересовало в самых разных научных областях. Так сложились книги, увидевшие свет только в последние годы. Некоторые могут сказать, что это книги для чтения, что совсем не так. В них ученый поставил задачу, трудно выполнимую даже для большого коллектива. Но он один сумел показать, как нам видится окружающий нас мир, как мы различаем француза и американца, а также многих других, а вместе с ними их страны, как мы видим их жизнь, их искусство, их литературу.

Георгий Дмитриевич для этого не пускается в путешествия, хотя тяга к ним, как и к авантюрам, в нем живет всегда. Он не перемещается в пространстве зримом, во времени историческом. Он предпочитает собирать эти пространства и времена вокруг себя, внутри себя и преподносить их читателю такими, какими видит их он, черпая свой опыт из книг. То есть путешествия он, значит, совершает, но только на книжных страницах. Из наблюдений внимательного и любознательного путешественника складываются образы разных национальных миров, за которыми Георгий Дмитриевич всегда прозирает национальную душу, национальные космосы и логосы. Как он любит говорить – космосá и логосá, превращая наименования этих абстрактных категорий в подобие профессионализмов, своих профессионализмов.

Такой диапазон исследований возможен только тогда, когда у исследователя есть тонкое чувство слова и абсолютный слух к этому слову. Этими драгоценными способностями Георгий Дмитриевич обладает, потому он и может создавать галерею целостных миров и космосов, проникать в логос других народов, в их душу-психею. Эти масштабные объекты не отвлекают его от работы над отдельными произведениями. Анализ каждого из них, например “Доктора Живаго” Б. Пастернака, – образец для многих, как нужно работать с текстом. Георгий Дмитриевич не терпит его разъятия. Он лишь смиряется с тем, что другие стараются строить некие системы из литературы и культуры. Сам он способен к целостному восприятию мира, человека, искусства, слова – потому и созидает свои миры, иной раз для этого погружаясь в детали и отталкиваясь от них, чтобы вырваться за горизонты.

Туда он влечет всех нас, и ему это удастся. Георгий Дмитриевич – прекрасный оратор. Он всегда способен блестяще выразить то, что занимает его самого. Его доклады всегда превращаются в законченные выступления, в которых артистизм соединяется с глубоким проникновением в мир культуры. В этом мире он никогда не порывает со словом и музыкой, знатоком которой является.

Наделенный столькими талантами, юбиляр и далее будет щедро ими делиться с нами, чего мы желаем ему от души, равно как и себе самим.

С днем рождения, Георгий Дмитриевич! С юбилеем Вас!

Друзья и коллеги

Славяноведение, № 4

К юбилею Владимира Павловича Гудкова

Видному российскому слависту, заведующему кафедрой славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Владимиру Павловичу Гудкову 22 мая 2004 г. исполнилось 70 лет. В славистических кругах России и зарубежных стран В.П. Гудков известен прежде всего как авторитетный языковед-сербокроатист, внесший значительный вклад в изучение сербского (сербохорватского) языка в России, историю отечественного славяноведения и русско-сербских научных и культурных связей. В университетских кругах В.П. Гудкова знают как энергичного руководителя славис-

тической кафедры, организатора работы Совета по филологии в рамках Учебно-методического объединения университетов России.

Детские и начальные школьные годы В.П. Гудкова прошли в пушкинских местах в Нижегородской (Горьковской) области. Он родился в с. Черновское Большеболдинского района, центр которого – некогда родовое поместье А.С. Пушкина. Вскоре после окончания Отечественной войны В.П. Гудков вместе с матерью переехал в Москву, где в 1951 г. с серебряной медалью окончил среднюю школу и в том же году поступил на славянское отделение Московского государственного университета.

Своей специализацией В.П. Гудков избирает сербохорватскую филологию и уже на 2-м курсе обнаруживает склонность к самостоятельному исследованию некоторых особенностей грамматики сербохорватского литературного языка. По окончании Университета он три года (1956–1959) работал преподавателем сербохорватского языка в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР, а в 1959–1962 гг. был аспирантом кафедры славянской филологии МГУ. Здесь под руководством проф. С.Б. Бернштейна он подготовил кандидатскую диссертацию “Формы будущего времени в сербохорватском литературном языке”, которую успешно защитил в 1964 г. С 1962 г. началась преподавательская деятельность В.П. Гудкова на филологическом факультете МГУ. В 1970 г. он избирается доцентом, а в 1990 г. – заведующим кафедрой славянской филологии, которой успешно руководит и в настоящее время. С 1989 г. он работает и заместителем декана филологического факультета по Учебно-методическому объединению университетов России.

Перу Владимира Павловича принадлежат около 200 опубликованных работ. Важнейшая область его научных исследований – история и современное состояние литературного языка у сербов. Здесь его внимание привлекают прежде всего неописанные и спорно трактуемые явления грамматики и морфологии этого языка. Глубокий интерес проявляет В.П. Гудков к сербской лексикологии и лексикографии. Он автор популярного у изучающих сербский язык краткого “Сербско-русского словаря” и ряда трудов по истории лексикографии у сербов. Среди последних выделяется его монография “Сербская лексикография XVIII века” (1993). Этот труд представляет вклад не только в историю собственно сербской лексикографии, но и в историю того книжно-письменного языка, который функционировал в сложной литературно-языковой ситуации у сербов накануне реформы Вука Караджича.

Другая важная область научных занятий Владимира Павловича, которую он обогатил своими исследованиями, – история славяноведения и особенно история славяноведения в России. Он соавтор известной коллективной монографии “Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян”, изданной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (1988). В рамках этого круга работ В.П. Гудков внес уточнения в ряд устоявшихся представлений о развитии в России сравнительно-исторического метода в языкознании, в характеристику славистической школы О.М. Бодянского, определил вклад Н.А. Попова, А.А. Майкова, П.А. Кулаковского, С.М. Кульбакина и других русских ученых в развитие сербкратистики в России. К этой же серии примыкают и многочисленные работы В.П. Гудкова, описывающие деятельность таких видных представителей сербской науки и культуры, как Йован Раич, Захарий Орфелин и особенно Вук Караджич, каждый из которых оставил свою страницу и в истории сербско-русских научных и культурных связей. Некоторые из наиболее важных работ В.П. Гудкова по сербкратистике и другим проблемам вошли в его книгу “Славистика. Сербистика” (1999).

Организуя преподавание языка сербов, хорватов, черногорцев и “мусульманов” (бошняков, боснийских мусульман), В.П. Гудков исследовал общность и расхождения в литературном языке Сербии и Хорватии (статьи в “Советском славяноведении”, 1965, № 3 и в сб. “Славистика. Сербистика”), а в последнее время посвятил ряд публикаций понятию “боснийский язык” как лингвониму литературного языка бошняков. Он обосновывает рациональность сохранения понятия “сербохорватский язык” с признанием его национально-территориального варьирования.

Плодотворную научную работу В.П. Гудков успешно сочетает с учебно-методической на кафедре и факультете. Он читает общие и специальные лекционные курсы по введению в славянскую филологию, истории и грамматике сербохорватского языка, сербской и хорватской лексикографии, истории литературного языка у сербов в XVIII–XX вв., истории славянского языкознания. Он автор известного учебного пособия “Сербохорватский язык” (1969), инициатор и один из авторов коллективной монографии “Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков” (1977). У Владимира Павловича много

учеников, работающих в разных областях культуры и науки в России и зарубежных странах. Семеро из них под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации.

В.П. Гудков – инициатор и организатор многих научных и научно-методических конференций и семинаров. В последние годы благодаря его усилиям ощутимо расширяются и крепнут научные связи возглавляемой им кафедры с Институтом славяноведения РАН. Одним из значимых примеров этого служит вышедшая в конце 2003 г. (на обложке и титульном листе – 2002 г.) книга С.Б. Бернштейна “Зигзаги памяти”, подготовленная к изданию при непосредственном участии В.П. Гудкова. По его инициативе в Московском университете переиздается первый том “Очерка сравнительной грамматики славянских языков” С.Б. Бернштейна, выпущенный в 1963 г.

В.П. Гудков проявил себя как умелый инициатор общественно значимых культурных мероприятий. Им создан в МГУ Славянский культурно-информационный клуб, в котором, в частности, Дни славянской письменности и культуры отмечаются собраниями, посвященными актуальным событиям светской культуры славянских народов.

В 1991–2003 гг. В.П. Гудков возглавлял Ассоциацию друзей Югославии в России и в этом качестве способствовал укреплению дружеских связей российского народа с народами Сербии и Черногории. В Сербии его хорошо знают как ученого и общественного деятеля. Многие его работы опубликованы в авторитетных журналах и других изданиях прежней Югославии и современных Сербии и Черногории. Высоким признанием его работ по сербскохорватистике служит присужденная ему за упомянутую выше книгу “Славистика. Сербистика” медаль имени сербского лингвиста академика Павле Ивича.

В России В.П. Гудков удостоен премии, учрежденной саратовским предпринимателем А. Россошанским и Головным советом по филологии Министерства высшего образования России за лучшие отечественные университетские работы, изданные в 1993–1994 гг. В 2003 г. ему вручена российская государственная награда – орден Дружбы.

Коллеги и друзья Владимира Павловича в Институте славяноведения РАН желают юбиляру доброго здоровья и новых творческих успехов.

© 2004 г. *Г.К. Венедиктов*

Новые книги Института славяноведения РАН

В 2001–2003 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- *Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. М., 2001.
- *Востоочнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001.
- *Гугнин А.А. Серболужицкая литература XX века. М., 2001.
- *Европейские революции 1848 г. “Принципы национальности” в политике и идеологии. М., 2001.
- *Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001.
- *Институт славяноведения. 1999–2000. М., 2001.
- *Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. 7.
- История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3.
- *Калынь Л.Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. М., 2001.
- *Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
- *Молошина Т.Н. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- *Николаев С.Л., Толстая М.Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001.
- Никольский С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). М., 2001.
- *Смирнов Л.Н. Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001.
- Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.
- Фрейдзон В.И. История Хорватии. М., 2001.
- Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- *Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период “холодной войны” (1945–1957). М., 2002.
- *Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- *Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. 8.
- Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и культура. М., 2002.
- *Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.
- Литература Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. М., 2002.
- Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- *Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
- *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.
- *Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2002. Т. 2: 1949–1953.
- *Софронова Л.А. Три мира Григория Сковороды. М., 2002.
- *Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.
- *Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.
- *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 2002.
- *Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002.

Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.

Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. М., 2002.

**Шерлаимова С.А.* Литература “Пражской весны”: до и после. М., 2002.

*Балканские чтения 7. В поисках “ориентального” на Балканах. Тезисы и материалы. М., 2003.

*Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.

*Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003.

**Грачев В.П.* Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003.

**Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

**Коровицына Н.В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.

**Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

* Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов (июнь 1924 – декабрь 1926). М., 2003.

**Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.

**Свешикова Т.Н.* Синтаксис румынского глагола. Конъюнктив и его трансформы. М., 2003.

**Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

**Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003.

*Славянская этнолингвистика. Библиография. М., 2003.

*Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.

*Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Справочник. М., 2003.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938–54–66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Litvina A.F.</i> (Moscow). The Genre of Autobiographical Preamble: “The Instruction” (“Poucheniye”) by Vladimir Monomakh as a Spiritual Document.....	3
<i>Florya B.N.</i> (Moscow). At the Sources of Polish-Ukrainian Conflict	28
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). The Influence of Greek Originals on the Word-Construction Processes in the Old Slavic Language	35

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Dostal M.Yu.</i> (Moscow). The Chair of the History of South and Western Slavs at the MSU on the Eve and During the Great Patriotic War (Toward 65-th Anniversary of the Establishing)	48
---	----

COMMUNICATIONS

<i>Foerstl R.</i> (Prague). Image of the Hussites and Hussism in the Czech Historians of the Barock Epoch After Bohuslav Balbin	68
---	----

PUBLICATIONS

<i>Gindin L.A.</i> (Moscow). The Reasons of Two Duels of Alesha Popovich and Dobrynya with the Dragon as Reflected in Myth and Ritual	77
<i>Morozov B.N.</i> (Moscow). Tale on Schtilfried (An Unknown Russian Translation of the Late XVI – Early XVII Cent.).....	81

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Garaeva E.</i> Emigracja Rosyjska. Losy i Idee.....	94
<i>Vendina T.I.</i> A. Kowalska. Studia nad dialektem mazowieckim; B. Falińska. Leksyka dotycząca hodowli na mapach Ogólnosłowińskiego atlasu językowego.....	96

SCHOLARLY LIFE

The First All-Russian Meeting “Russian Slavic Studies in the Beginning of XXI Century: Tasks and Perspectives of the Development	105
<i>Dostal M.Yu., Tchurkina I.V.</i> International Scholarly Conference in Prešov “Alexander Doukhonovich and Contemporarily Times”	114

ANNIVERSARIES

Toward the Anniversary of Ivan Ivanovich Kosciuszko	120
Toward the Anniversary of Georgy Dmitrievich Gachev	121
Toward the Anniversary of Vladimir Pavlovich Gudkov	122
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	125

Сдано в набор 02.04.2004 Подписано в печать 28.05.2004 Формат бумаги $70 \times 100^{1/16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 6,1 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 575 экз. Зак. 8409

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

